

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

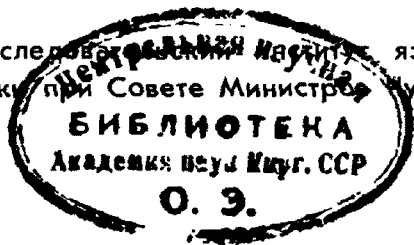
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЧУВАШСКОМУ ЯЗЫКУ

Чебоксары—1984

Печатается по постановлению Ученого Совета
Научно-исследовательского института языка, литературы,
истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР
от 11 мая 1984 года

В сборник включены статьи, посвященные различным вопро-сам чувашской этимологии, касающиеся происхождения и истории терминов родства, мифологии и демонологии, а также названий птиц (орнитонимов) и трав (фитонимов). Особый интерес представляет статья об этнонимах древних тюрков Восточной Европы для истории чувашского языка.

© Научно-исследовательский институт языка, литературы, ис-
тории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, 1984 г.

ОПЫТ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ЧУВАШСКИХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА И СВОЙСТВА

III. Старший брат

Н. И. ЕГОРОВ

Современная чувашская терминология родства в своей основе восходит к общетюркской. Подавляющее большинство чувашских терминов родства продолжает в материальной части протобулгарские термины, восстанавливаемые с учетом общих закономерностей исторической фонетики по соответствующим тюркским, алтайским и иноязычным терминам родства.

При историко-этимологическом анализе терминов родства постоянно надо иметь в виду их социально-историческую обусловленность, а также строго иерархичную системность терминологии родства в целом. Современные чувашские термины родства, как и современные тюркские термины родства в целом, материально продолжают общетюркские термины, но значительно расходятся с ними в семантическом отношении. Такое несоответствие в семантике между праязыковой и современной формами одного и того же генуинного термина родства на первый поверхностный взгляд может показаться совершенно произвольным. Однако при тщательном анализе однокоренных терминов родства в широкой пространственно-хронологической перспективе проясняется довольно строгая закономерность семантических сдвигов. Так, например, нам удалось установить, что в тюркских языках термин родства, обозначающий восходящую по отношению к эго линию родства никогда не может обозначать нисходящую линию и наоборот; точно так же в восходящем поколении никогда не смешиваются параллельные мужские и женские термины, хотя в нисходящем поколении это наблюдается в чу-

вашском; ср. общетюрк. **singil* «младшая сестра», но чув. *шӑллӑм*, *шӑнкӑл(ӑм)* «младший брат» и, наоборот, общетюрк. **ini* «младший брат», но чув. *йӑмӑк* «младшая сестра». Один и тот же термин родства в разных тюркских языках может обозначать старших родственников мужского пола как по прямой, так и по боковой линии: «старший брат», «дядя (брат отца)» (но никогда не «брат матери!»), «отец», «дед» и т. п., но материально он строго дифференцируется от соответствующих параллельных терминов родства с женскими значениями, а также от соответствующих терминов нисходящих ступеней родства. Аналогичное явление наблюдается и в «женской половине» тюркской терминологии родства. Так, значения одного термина родства могут варьировать почти по всем восходящим ступеням родства как по прямой, так и по боковой линиям: «старшая сестра», «тетка (сестра отца, матери)», «мать», «бабушка».

Такое довольно широкое варьирование семантики genuинного термина родства между разными тюркскими языками обусловлено исторически. Дело в том, что при классификационной системе родства в отдельные классы объединялись: 1) старшие мужчины своего рода; 2) младшие мужчины своего рода; 3) старшие женщины своего рода; 4) младшие женщины своего рода; 5) старшие мужчины рода матери*; 6) младшие мужчины рода матери; 7) старшие женщины рода матери; 8) младшие женщины рода матери. Разумеется, каждый из этих классов родственных отношений назывался отдельным, только ему присущим термином родства. Классификационная система родства и базирующаяся на ее основе система классификаторских терминов родства отражали общественные отношения внутри рода и между экзогамными брачными фратриями, существовавшие в условиях доклассового первобытно-общинного (родового) строя.

* В условиях патрилокально-экзогамного брачного института система терминологии свойства была слабо разработана. Она в основном базировалась на уже установившейся системе терминологии родства. Поэтому не во всех тюркских языках представлены исконные термины свойства для обозначения младших свойственников и свойственниц. Специальным термином обычно обозначается только дядя со стороны матери: чув. *кукка*, тюрк. **taɣaɪ*, каз. *нағашы* (←монг. *нагац*) «дядя со стороны матери». Это связано с особым положением дяди со стороны матери в отношениях между эго и родом матери, о чем неоднократно писалось в этнографической литературе.

При переходе от доклассового общества к классовому, от первобытно-общинной (родовой) общественно-экономической формации к феодально-родовой общественно-экономической формации классификационная система родства постепенно распадалась, внутри отдельных классов появлялись более дробные родственные отношения, для обозначения которых или переосмысливались старые классификаторские термины родства, или же заимствовались новые термины из языков соседних контактирующих этносов, стоявших на сравнительно более высоком уровне общественного развития. Примечательно, что «расщеплению» на более детальные отношения родства подверглись только классы старших мужчин и старших женщин, т. е. «расщепление» имело место только на восходящих линиях родства. Нисходящие линии родства остались почти неизменными. Это вполне понятно. В общественной жизни феодально-родового коллектива младшее поколение родственников почти никакой роли не играло. Напротив, в поколении старших родственников, игравших активную роль в общественной жизни коллектива, появилась своеобразная иерархия: старшие поколения родственников стояли на более высоком уровне, чем младшие.

Таким образом, класс старших родственников, очевидно, носивший у далеких предков тюркоязычных народов при классификационной системе родства название **ata ~ *ätä*, постепенно распался на ряд более дробных отношений родства: «старший брат», «дядя (брат отца)», «отец», «дед» и т. д., а класс старших родственниц — **ara ~ *ärä* — на: «старшая сестра», «тетя (сестра отца, сестра матери)», «мать», «бабушка» и т. д. Классификаторский термин **ata ~ ätä* при групповом браке, очевидно, означал всех старших мужчин своего рода, т. е. потенциальных биологических отцов эго, а классификаторский термин **ara ~ *ärä* — всех старших женщин, проживающих в своем роде, т. е. потенциальных биологических матерей эго. Надо заметить, что в этот класс не входили собственно старшие сестры эго в нашем современном понимании. В условиях патрилокально-экзогамного брачного института их как таковых в своем роде не было, они выходили замуж в другие роды.

Все эти перестройки, имевшие место в ходе исторического перерастания классификационной системы родства в описательную, наиболее рельефно проявляют себя

при прослеживании истории и этимологии современных описательных терминов родства, обозначающих восходящие линии отношений родства и материально продолжающих весьма архаичные классификаторские термины родства.

В настоящей статье, продолжающей ранее опубликованные работы по историко-этимологическому анализу чувашских терминов родства в широкой пространственно-хронологической перспективе [Егоров, I—IV], мы предприняли попытку показать историческое развитие одной ветви прототюркского классификаторского термина родства **ütä* ~ **äcä* «старший родственник своего рода» в болгаро-чувашском языке на примере чувашского термина родства *пичче* «старший брат», «дядя (брат отца)»:

Пичче «старший брат», «дядя (брат отца)»

Термин *пичче* полисемантичен. Основное его значение — «старший брат»; однако даже в нормативных словарях современного чувашского литературного языка зафиксированы следующие его значения: *пичче* «старший брат», «дядя (со стороны отца)»; «дядя (почтительное обращение к старшему по возрасту мужчине)» [ЧРСл., 1982, 299].

В словаре Н. И. Ашмарина представлены следующие значения: *пичче* «старший брат»; «старший брат отца, дядя по отцу»; «младший брат отца» (см. *пичче* — *аттин шӑллӗ*); «так обращаются к мужчинам старше себя»; *пиче* «так зовут всех мужчин старше себя, но только женатых; неженатого так зовут только в том случае, если он близкий родственник»; *пичей* «старший брат»; «мужчина старше себя» [Ашм., IX, 246, 248, 250-251].

По нашим наблюдениям, термин *пичче*, помимо указанных выше случаев, употребляется при непосредственном обращении ко всем мужчинам старше говорящего, но моложе дедушки, однако к старшим мужчинам из селения матери, а также к родственникам-однодеревенцам по линии матери принято обращаться специальным термином *кукка*, в узком значении означающим «брат матери (старший и младший, но старше говорящего)».

Термин *пичче* выделяется в составе сложного термина родства *ёмпичче* «мой дядя (старший брат отца)»; «дедушка (почтительное обращение к старшему человеку)». Термин *ёмпичче* (варианты: *ёмпиче*, *ёмпичче*, *ёмпӑчи*, *ёмпичи*, *импечей*, *ёмпичей*, *импичи*, *импичче*, *ипичи*)

в современном чувашском языке мало известен и выходит из употребления. Л. П. Сергеев отмечает бытование термина *ёмпицче* только «в одном из переходных говоров — цивильско-марпосадском», причем считает, что термин *ёмпицче* образован в позднейшее время: «Лингвистическая география рассматриваемого соотносительного ряда говорит о том, что термин *ёмпицче* возник на стыке двух противопоставленных единиц *мучи* и *пицче* в междуречье Цивилия и Аниша» [СергЛГТР, 49—51, см. карту № 3 на с. 50]. Однако справедливости ради нужно отметить, что этот термин имеет более обширный ареал распространения. Судя по данным Н. И. Ашмарина, этот термин зафиксирован, например, в дер. Емелькино Бугульминского уезда Саратовской губернии; в дер. Городище Буинского уезда Симбирской губернии [Ашм., III, 113]; нередко встречается он в дореволюционных чувашских изданиях. Все это свидетельствует о сравнительной архаичности термина *ёмпицче* «дядя (старший брат отца)».

Термин *пицче* входит также в состав целого ряда составных терминов родства, например:

аслă пицче «старший из старших братьев» (<*аслă* «старший» ← ар. *асл* «корень»; «основа»; «начало»; «происхождение»; *асли* «коренной», «основной», «первоначальный», «первичный»; «родной», «настоящий»);

вăталăх пицче «средний из старших братьев» (~ тюрк. *орта* «середина», *орталык* «средний»);

кёсён пицче «младший из старших братьев» (~ тюрк. *кечен*, *кеченек* «маленький», «младший»; «меньший»);

пысăк пицче «дядя, старший брат отца» (~ тюрк. *базык* «большой», «крепкий», «толстый» ← перс. *bizurg* «большой», «великий»);

пёчĕк пицче «дядя, младший брат отца, но старше говорящего» (~ каз. *бетигине* «немножко», якут. *бычык* «малость», монг. *бичиан* «маленький» ← иран.?; ср. бадахш. *bazgi* «маленький», вах. *вас(ăк)* «малюсенький», «крошечный»; и.—е. *ро:и* < *рәи* / *рй*: — «маленький» с суффиксальным наращением *-t*.) и т. д.

В общенациональном разговорном языке представлен ряд диалектных фонетико-морфологических вариантов термина *пицче* «старший брат». В низовом и среднем диалектах чувашского языка представлена основная форма *пицче* «старший брат», ставшая литератур-

ной нормой. Здесь же представлена вокативная форма *пиччей* (<*пичче* + вокативный афф. *-ей*) и ее стяженный вариант *пиччи*. В говорах верхового диалекта представлен более богатый спектр фонетико-морфологических вариантов этого термина. Основная отличительная особенность верховой формы — отсутствие геминации интервокального согласного (или, что более правомерно, озвончение интервокального согласного, т. е. *-t'š' -> -D'Z' -*). Основной формой верховых говоров является *пиче*, на базе которой развиты вокативные (*пиччей*, *пиччи*, *пичев*, *пичу* <*пиччи* + вокативный афф. *-ей||-ев*) и демунивативные (*пичук*, *пичок* <*пиче* + демунивативный афф. *-ук||-ок*) варианты. В говорах верхового диалекта, граничащих со средним диалектом (левобережья Цивиля), распространены варианты *пичей*, *пичук*, а по мере продвижения в северо-западном направлении начинают функционировать сравнительно новые формы *пичи* (<*пичей*), *пичок* (<*пичук*), возникшие под влиянием марийского субстрата (стяжение *-ей* > *-и*, *-ев* > *-у*: расширение гласных).

В тюркских языках прямые соответствия чувашскому *пичче* «старший брат» не обнаружены, поэтому этимология данного термина затруднена. Однако этимологи всегда уделяли этому интересному слову пристальное внимание. Поэтому считаем уместным рассмотреть здесь предложенные разными исследователями этимологические толкования данного слова.

Насколько нам известно, впервые к правильному этимологическому истолкованию этого слова вплотную подошел Н. И. Золотницкий. Еще в одной из своих ранних работ он писал, что слово *пичче* происходит от *бий*, алт. *niy* «начальник», «господин». Объясняя такое сопоставление, он далее отметил, что «название старшего брата *господином*, при сопоставлении с другими воззрениями и верованиями чуваш, указывает на происхождение их обычаев из глубокой древности; читая по книге Бытия рассказ о встрече Иакова с Исавом [гл. 33, стр. 8, 13, 14, 15], поражаешься сходством тогдашних отношений между братьями с настоящими чувашскими». Далее Н. И. Золотницкий привел ряд семантических соответствий из других языков: тат. *ага*, *абзы*; горн. чер. *зä*, луг. *изä*, кирг. *ага*, алт. *ага*, *ака*; монг. *аха*, вот. *агай*. В этом же ряду, по-видимому, подразумевая возможное генетическое родство с чуваш-

ским *пичче* «старший брат», он привел конд. *печже* «старшая сестра» [ЗолНРОЧ., 9].

В своем Словаре Н. И. Золотницкий уделил этому слову еще большее внимание: «Слово это,— пишет он,— по различному у разных народов произношению, есть персид., азербидж. *бег*, кондом. *пег*, тур. *бей*, тат., кирг. *бий*, алт. *пий* и значит: князь, вельможа, начальник, господин»,— и повторяет приведенный выше пассаж об отношениях между старшими и младшими братьями. Далее он сопоставляет это слово в качестве genuinного с тюрк. **bājčā* «госпожа», причем недвусмысленно пишет: «Оно встречается: у кондомцев *печже* и у сибир. татар *педже* — в названии старшей сестры, у башкир *бича*— госпожа и *бай-бича* — жена муллы и важного человека, у киргиз *бай-биише* — старшая жена, почетное название в обращении к жене человека. Из названий старшего брата близко подходит к чувашскому *пичче* якутское *би, убай, ини-би*». Далее Н. И. Золотницкий приводит ряд семантических соответствий из тюркских (*ага, абыз*), монгольских (*аха*), финно-угорских и др. языков. Заслуживают внимания следующие высказывания: «В джагат. наречии старший брат, кроме *ага*, называется *эджи*, у сибир. татар *аджи*. Башкиры о старших братьях говорят *аталар* «отцы»... У горн. черемис старший брат *зә*, у луговых *изә*. Слово это (как и окончание чувашского *пич-че*), по известному переходу йота *ј, ѝ* в *з*, а последнего в *ч*, можно производить от тюркского *эзэ, ійэ, іе, ія* «хозяин, господин» (Это слово в форме *ыйа, ія* у чуваш и черемис значит «домовой», который и у русского простонародья называется также «хозяином»)... У чуваш *пичче*, как и у татар *агай*, говорится и о посторонних мужчинах из уважения в смысле господни..., а также в обращении при разговоре: *Егим-пичче, Иван-пичче*» [Зол., 132-133].

Обобщая исследования Н. И. Золотницкого, можно только удивляться его прозорливости. С самого начала он стоял на верном пути и выделял в составе чувашского *пичче* два начала: тюрк. **bäg ~ *bāj* «господин» и тюрк. **äčä* «старший родственник». Правда, оставаясь до конца объективным, надо подчеркнуть, что Н. И. Золотницкий, интуитивно чувствуя составной характер чувашского *пичче* «старший брат», не до конца выяснил для себя этимологическую природу этого слова. Прежде всего ему помешало отсутствие надежной фактологиче-

ской базы (т. е. словарей по живым и мертвым тюркским языкам) и необходимой научно-теоретической и методологической базы изучения терминологии родства как системы. Н. И. Золотницкий ошибочно предполагал, что названия старшего брата в тюркских языках «сходствуют с названиями старшей сестры». [Зол., с. 132—133; 133—134]. С вершины достижений современной науки становится ясным, что термины родства, как правило, строго дифференцированы по признаку пола, т. е. в любой системе терминологии родства параллельные «мужские» и «женские» термины строго различаются. Иначе вся сложная система родства, как и базирующаяся на ней система терминологии родства, перестала бы играть свою организующую общество функцию и стала бы совершенно ненужной. Тем не менее, следует отметить, что сопоставление чувашского *пичче* «старший брат» с тюрк. **bäjčä* продолжает фигурировать и в новейших этимологических исследованиях.

Н. И. Ашмарин по поводу этимологии чувашских терминов родства *пичче* и *мучи* писал: «Слова *пичче* и *мучи* я считаю сложными — первое из чув. прил. *пёчккё, пёчк, пёчиккё* — «малый» и корня **че* — венг. *öcse* — «млад[ший] брат», второе — из *мән* — «большой», «старший» и того же **че (чи)*» (АшмМат., 138).

Следующей в хронологической последовательности работой, затрагивающей этимологию чувашского *пичче* «старший брат», является исследование У. Вихмана, посвященное выявлению чувашских заимствований в пермских языках. У. Вихман правильно отметил, что удмуртское *бече* является старым чувашским заимствованием. Однако при этимологизации чувашского слова он последовал за ошибочным предположением Н. И. Золотницкого о генетическом родстве чувашского *пичче* «старший брат» с тюркским **bäjčä* «старшая сестра» [Wichmann, 44], причем оставил в стороне замеченное еще Н. И. Золотницким предположение о составном характере чувашского слова, не придавая особого значения правильному сближению чувашского *пичче* с тюркским **bäg* «господин», с одной стороны, и с тюркским же **äčä* «старший родственник» — с другой.

В. Г. Егоров при составлении «Этимологического словаря чувашского языка» также не удержался от столь заманчивого сближения чувашского *пичче* «старший брат» с аз., тур. *бачы*, хак. *пиче* «сестра», хотя

блестяще раскрыл этимологию чувашского *ничче*, выделяя в его составе тюрк. *бей, пәг, ни* «князь», «начальник», «господин» и тюрк. *әчи* (алт. В. *ача*) «старший родственник» («старший брат», «дядя»), ср. тефс. XII—XIII вв. *ечи* «дядя по отцу» [ЕгорЭСЧЯ, 163].

М. Р. Федотов, в общем-то оставаясь на позициях своих предшественников, значительно расширил круг сопоставимых соответствий. Объясняя удмуртское *бече* «сосед», «родственник», «подруга» как чувашское заимствование, он привел ряд близких по звучанию и значению форм из финно-угорских: (мокш. *паця* «дядя (старший брат отца)», эрз. *патья* «сестра (старшая тетка)»; венг. *bátya* «старший брат», «дядя», *bácsi* «дядя»), а также тюркских (саг., тел. *ничә* «тетка», «старшая сестра») языков. Причем М. Р. Федотов полагает, что в первой части этого сложного слова изначально стоит чув. **ни* < тюрк. *ниик* [Радл., IV, 1325] со значением «высокий», «выдающийся» и плюс древнетюрк. *әчи* «старший родственник (дядя, брат)», МК: «старшая женщина», ср. *әчү, иңи* (Мал., 363)» [Фед., II, 120].

М. Рясänen в «Этимологическом словаре тюркских языков» попытался объединить существующие в научной литературе две версии этимологии чувашского *ничче* «старший брат». Чувашское *ничче* он рассматривает в словарной статье, посвященной тюркскому *bäg* «господин», «чиновник», «князь». В этом же гнезде он приводит чув. *нике*, кумык. *биҗе*, балк. *bijce*, кар. Л. *биҗә* «госпожа» и предполагает родство (генетическое? заимствованное?) финского (скандинавского) *piika* с приведенными тюркскими формами [RäsEWb., 67b]. В другом месте этого же исследования он сопоставляет общетюркское *biçä* «старшая сестра» с чувашским *ничче* «старший брат» [RäsEWb., 250 a].

Р. Г. Ахметьянов предпринял попытку сопоставить чувашское *ничче* «старший брат» с тат. *печке* «тетя», «свекровь», *печкача* «сестра мужа», хак. *ниже* «сестра» [Ахмет., 141, 142, 143]. Интересна форма *питу* «старший брат», отмеченная Р. Г. Ахметьяновым как чувашская [Ахмет., 143], однако эта форма больше нигде не зафиксирована и мне, как носителю чувашского языка, не известна. Если она достоверна, то могла бы внести определенную ясность в выяснение этимологии чувашского слова *ничче*.

Прежде чем приступить к собственно этимологиче-

скому объяснению чувашского термина родства *пичче* «старший брат», необходимо привести ряд сопоставимых слов из родственных и исторически контактировавших языков.

Как мы уже отметили, прямых тюркских соответствий данному чувашскому термину родства исследователи не обнаружили. Однако надо заметить, что исследователи искали в тюркских языках прямые соответствия сложному чувашскому слову, а не ее составным частям. Действительно, чувашский композит *пичче* прямых соответствий в тюркских языках, можно сказать, не имеет, но его составные компоненты находят полные этимологические соответствия в целом ряде тюркских языков. Сопоставительный материал лучше всего приводить сначала по композиту в целом, а затем уже по его компонентам.

Прямое соответствие чувашскому *пичче*, насколько нам удалось установить, встречается только в нократском говоре татарского языка; ср.: тат. д. (нокр.) *бичи* «родственник». [ТТДС, 89]. Однако, судя по значению, оно здесь является удмуртским, точнее, бесермянским заимствованием.

По единодушному мнению исследователей, удмуртское *бече* «брат вообще», «старший брат», «сосед», «подруга» является чувашским заимствованием [Wichmann, 44; Фед., II, 120]. Интересны диалектные семантические варианты удмуртского слова: в литературном языке *бече* употребляется в основном в значении «сосед», в среднем диалекте — в значении «брат», «старший брат», «дядя», в северном — в значении «подруга» [ВУД, 88—89]. Появление новых значений «родственник», «сосед», «подруга», отсутствующих в чувашском языке, И. В. Тараканов объясняет как инновации на удмуртской языковой почве, связанные с изменением общественного уклада жизни удмуртов. «При родовом строе, — пишет он, — семьи одного рода селились рядом. Поэтому в тот период для выражения понятия «сосед» достаточно было одного слова *бече*, так как оно одновременно выражало все три понятия: и брата, и родственника (кровного), и соседа, следовательно, и соседку-подругу» [ВУД, 97-98; СФУ, 1967, № 2, 119; Фед., II, 120]. Нам кажется, что при историко-этимологическом анализе удмуртского *бече* необходимо выделить два омонимичных слова: одно — с мужскими значениями,

являющиеся древнечувашиским (=среднебулгарским) заимствованием, другое — с женскими значениями, являющееся кыпчакским (=древнетатарским) заимствованием; ср. тат. д. *бицә*, *бичә* «жена» [ТТДС, 89], мишар. *бицә* «хозяйка дома»; кирг. *бичә*, *байбичә* «старшая жена», «главная хозяйка»; узб. *байбича* «тж». [Ахмаров, 103]. Позднее в удмуртском языке совпали фонетически созвучные и близкие по значению термины *бече* «старший брат», «родственник», «сосед» и *бече* «подруга», первоначально «госпожа» (←кыпч. *бичә* «жена», «госпожа»).

По своему фонетическому составу термин *пичче* «старший брат», «старший родственник» в чувашском языке скорее всего является заимствованием из кыпчакских языков, о чем, в частности, свидетельствует сохранение *-č-*, обычно отражающегося в исконных словах как *-ç-* [ФедЧЯСАЯ, I, 124-125]. Однако в тюркских языках надежный этимон не представлен. Встречающиеся в некоторых тюркских и контактировавших языках близкие по звучанию и значению слова по различным мотивировкам не могут быть сопоставимы с чувашским словом *пичче* «старший брат».

Так, например, аз. диал. *bəjçə* «так иронически говорят о беке» [СТНГА, I, (2), 130] этимологически представляет собой деминутивную форму на *-ča/-čä* от общетюркского **bäg ~ *bāj* «бек», «господин» и не отражает структуру анализируемого чувашского слова в целом, хотя первая часть чув. *пичче* — *пи-* этимологически тождественна аз. *bəj* «господин», «бек».

Не подходят по этимологическим и семантическим соображениям и следующие заманчивые фонетические варианты, представленные в говорах азербайджанского языка: *bicəgi ~ bicəj ~ bižəji* «первенец» [СТНГА, I, (2), 156]. Они скорее всего сопоставимы с тюрк. **bičä* «маленький», ср: с.-уйг. *tičä* «маленький», «немного», сой. *pičä*, *biče*, *biči*: «маленький», якут. *bičikän*, *by:čykan*, чяг. *bičaka* «маленький», «маленький ребенок», монг. *bičiken*, *bičiqan* «маленький», «мало», родственными с чув. *пёчккё*, *пёчк*, *пёчик*, *пётиççё*, *пётиç* «маленький», «младенец», «маленький ребенок» [RäsEWb., 74a].

Азербайджанские диалектные *bico ~ bicoj ~ bicov* «прислуживающий в доме бека (вообще аристократии) мальчик, гарсон у французов»; «сплетник», «кляузник»; «хитрый», «ловкий», «живой» [СТНГА, I, (2), 156-157].

очевидно, заимствованы из грузинского *бичо* (обращение) «юноша», «парень», и, включая грузинское слово, никакого отношения к чувашскому *пичче* не имеют.

Неприемлемо и тадж. *бача* «дитя, ребенок»; «мальчик», «сын»; «парень», кстати, встречающийся в составе чувашского композита *ача-пӑча* «дети», «детвора», «ребята», «ребятня». Однако тадж. *бача* имеет глубокие корни в индо-иранских языках; ср.: хинд., пандж. *betā* < др.-инд. **bidda-*, **bēṭta-* > хинд. *baṣṣā*, *baṣa*, парья *baṣa*, *baṣo* «дѣтеныш человека и животных», парья *betā* «сын», «сынок»; «обращение старшего по возрасту к мальчику или молодому человеку»; «ребенок» [ОранФЯГП, 258; 264-265] и не может быть причислен в разряд тюркизмов. Компонент *-пӑча* в составе парного слова *ача-пӑча* «дети», «детвора» бесспорно является в чувашском фарсизмом, проникшим через посредство татарского языка.

Фонетические трудности не позволяют сопоставить в качестве гомогенных чув. *пичче* «старший брат» с с.-слав. *Badža*, *badža* «друг» [Какук, 176], так как в данном слове трудно предположить переход *a > ī > i* в чувашском при сохранении интервокального **-č-*, *D'ž'*.

Отсутствие полных этимологических соответствий чувашскому *пичче* «старший брат» в тюркских языках позволяет сделать предположение о его исконном болгаро-чувашском характере. Однако фонетические «аномалии» этого слова, в частности «сохранение» инлаутного *-č-*, вместо ожидаемого *-ç-* во втором компоненте этого сложного слова, вынуждает нас предпринять более глубокий анализ его составных элементов.

Первая часть этого сложного термина родства особых фонетических трудностей не вызывает. В интервокальной позиции между негубными гласными переднего ряда общетюркский *-g-* в болгаро-чувашском закономерно переходит в *-j-*, а впоследствии может выпасть; ср. др.-тюрк. *jegirmi* «двадцать» ~ чув. *çирём*; др.-тюрк. *egin* «плечо» ~ чув. *ан: ан пуçси* и т. д. Эти процессы напоминают явление спирантизации в турецком языке, где согласный *g* в интер- и поствокальной позициях претерпевал различные изменения в зависимости от гласных:

а) в словах с гласными заднего ряда *g > γ > Ø*;

б) в словах с гласными переднего ряда $g' > j$ [СевФТЛЯ, 27-28].

В словах с губными гласными направление спирализации g изменено присутствием губного гласного:

а) в словах с губными гласными заднего ряда развитие шло следующим образом: $g' > \gamma > v$;

б) в словах с губными гласными переднего ряда — следующим образом: $g' > y > v$ [Гузов, 195].

В тюркских языках в абсолютном конце слова звук $-g$, следующий после гласного \ddot{a} , может переходить в $-j$; ср.: др.-тюрк. туркм. *бег*, но гаг. *беј*, аз. *бај*, кумык. *биј* «князь», «господин»; а в некоторых языках $-j$ ($< *g$) может слиться с предыдущим гласным, причем, сливаясь с последним, как правило, изменяет его качество в сторону сужения, т. е. $*-äg' > *äj > i$; ср.: др.-тюрк. *бег*, но якут. *би* «старший» [СИГТЯ, 52].

В чувашском языке в абсолютном конце слова общетюркский звук $-g$, равно как и $-y$, как правило, переходит в $-v$, однако этот $-v$, в конце слов весьма неустойчив, он обычно сливается с предыдущим гласным и изменяет качество последнего в сторону сужения или огубления; ср.: общетюрк. *täg-* «касаться», каз. *тий-*, но чув. *тив-* ($> ти-$) «касаться», «трогать», общетюрк. *äg-* «сгибать», кумык. *ий-* «наклоняться», но чув. *ав-* «гнуть»; общетюрк. *bilig* «знание», кирг. *билүү*, ног. *билюв*, тат. *белү*, якут. *билии* «знание», но чув. *пёлю* ($< пёлёв$, ср. *пёлёвё* «его знание») и т. д. Следовательно, общетюркское слово $*bäg$ «господин», «князь» в современном чувашском языке должен быть представлен в виде $*пю$ или $*пёв$ «князь». Действительно, в чувашском языке обнаруживается архаичное слово *пю* в значении «князь», «господин». Н. И. Ашмарин отметил, что *пю* — «теперь отдельно не употребл[яющееся] слово, соответствующее турецк. *бий*, *бей*, *бек*, *пек* «князь», «господин», «чиновник» и пр.; встречается в сложении: *ёмпю*, *манпю*, *пинпю*, *сёрпю* и др.» [Ашм., X, 73]. Это слово сохранилось также в составе ойконима *Пю-касси* (по-русски *Князь-Теняково*), что в буквальном переводе означает «Околодок князя (Теняка)». Надо заметить, что еще во времена первой фиксации чувашских ойконимов русскими слово *пю* «князь» было употребительным и русские писцы точно передали его значение в русском названии упомянутой деревни — *Князь-Теняково*.

В современном чувашском языке сохранилась целая

серия сословных титулов, образованных путем словосложения на базе титула *пӱ* «князь»; например:

вунпӱ ~ *вомпӱ* ~ *вомпу* ~ *вӑмпу* (<*вун* «десять» + *пӱ* «князь») «десятский князь»; ср. еще ойконимы *Вомпӱ-касси*, *Вомпу-касси*, *Вунпӱ-касси* — названия ряда селений в Чувашской АССР, означающие «Околодок десятского князя»;

ҫӑрпӱ (<*ҫӑр* «сто» + *пӱ* «князь») «сотский князь», ср. еще ойконимы *ҫӑрпӱ* — чувашское название города Цивильска; а также ряд образованных на базе этого сословного титула комонимов типа *ҫӑрпӱел*, *ҫӑрпел* (<*ҫӑрпӱ ялӑ*), букв. «поселение сотского князя»; *ҫӑрпӱ-касси* «околодок сотского князя»;

пинпӱ (<*пин* «тысяча» + *пӱ* «князь») «тысяцкий князь»;

тӗмпӱ (<*тӗм* «десять тысяч», «тьма» + *пӱ* «князь») «десятитысяцкий князь», «темник»; ср. позднее заимствование золотоордынской эпохи *тӗмпек* (<*тӗм* «десять тысяч», «тьма» + *пек* «князь», «бег») «темник»; отсюда комоним *Тӗмпек* «дер. Тюмбеки» Урмарского р-на (возможно, отантропонимического происхождения);

мӑнпӱ (<*мӑн* «большой», «старший» + *пӱ* «князь») «старший князь»;

ӗмпӱ (<*ӗм* «наи(старший)» ~ тюрк. *ӓӧ* «наи...» + *пӱ* «князь») «царь», букв. наивысший князь. Примечательно, что эти древние булгаро-чувашские титулы просуществовали среди чувашей вплоть до введения в Чувашии русской административно-сословной системы. Так, еще русский царь Иван IV (Грозный), с которым волею истории многие чувашки имели непосредственные отношения, назывался по-чувашски не иначе, как *Иван ӗмпӱ*. Кстати, слово *ӗмпӱ*, очевидно, имело переносное значение «царство», «государство», что прослеживается в поговорке *Ӗмпӱ чухнехи пурнӑҫа мӗн калӑн* — «Что и говорить о жизни во времена царства» (имеется в виду архаичное «Чувашское царство»), а также в выражении *ӗмпӱ чухнехи* «древний», «стародавний», букв. имевшее место во времена государственности.

Однако наличие собственно чувашской формы *пӱ* ~ *пӗв* (ср. чув. форму дательного падежа *ӗмпӗве* «царю», где в интервокальной позиции проявляется архаичная форма *пӗв* << **bäg*) «князь», «господин» несколько не мешает признать исконно-чувашской форму *пи* (< **пий*

<*bäg), представленную в составе композита *ничче* (<*bäg + äčä) «старший брат». Дело в том, что в интервокальной позиции между негубными гласными общетюркский -g- в чувашском развивался несколько иным путем, чем в абсолютном конце слова. В интервокальной позиции между негубными гласными общетюркский -g- трансформировался в -j- и уже после этого выпадал. Этот выпавший -j- оставил о себе память на соседнем гласном, вызвав его сужение. Нам представляются следующие два пути развития общетюркского *bäg в болгаро-чувашском языке:

1) в изолированном виде общетюрк. *bäg > др.-булг. *bäv > ср.-булг. *biv > новобулг. (=чув.) *něv* > *nj* «князь»;

2) в составе композита общетюрк. *bägäčä > др.-булг. *bäjäčä > ср.-булг. *bijčä > новобулг. (=чув.) *ничче*; сохранение -č- (вместо ожидаемого -s'-, -z'-) объясняется влиянием смежного -j- (возможно, что *-js'- > -č-, т.е. ср.-булг. *bijačä > чув. *ничче*).

Таким образом, выясняется, что в первой части чувашского термина родства *ничче* лежит общетюркское слово *bäg «господин», «князь», претерпевшее фонетическую эволюцию по законам болгаро-чувашского языка.

В данном случае компонент *ни-* (<*bij <*bäg) не выражает идею родства, а употребляется только для выражения почтительности и уважения. Такое положение вещей вынуждает исследователя при поиске этимона второй части также обратиться к тюркским же языкам. Если первая часть в семантическом плане не выражает идею родства, а только употребляется для усиления почтительности подразумеваемого второго компонента, безусловно несущего идею родства, то логичнее всего предположить, что вторым компонентом чувашского сложного термина родства *ничче* «старший брат», «дядя (брат отца)» является известный по письменным памятникам, а также сохранившийся в некоторых современных языках пратюркский классификаторский термин родства *äčä «старший родственник».

В современных тюркских языках этот архаичный термин родства сохранился слабо. Он представлен главным образом в некоторых юго-западных (огузских), северо-восточных (центральноазиатских и восточносибирских) и, отчасти, в карлукских языках. Следы архаичного пратюркского термина родства с классификатор-

ским значением **ača* ~ **äčä* более последовательно и довольно широко представлены в письменных памятниках древне- и среднетюркской эпох в значениях «близкий родственник моложе отца говорящего»; «старший брат»; «дядя»; ср.:

др.-тюрк. (енис.) *ača* «родственник»; *baš ačalarım* «мои старшие родственники» [МалЕПТ, 417; ДТС, 4]; *jaš ača* «младшая родня» [МалЕПТ, 417]; *äči* «старший родственник», «старший брат» [МалЕПТ, 162; 182; 284; 321; 428]; *iči* «старший брат», «старший родственник» [МалЕПТ, 62; 172; 234]; *äči* «старший родственник», «родственница» (0,4); «старшая бабушка» [Тал., 5]; «дядя» [Мог., (Хв. 9)] [МалПМК, 92]; *äčü* «предок» (0,1) [МалПМК, 92]; *äči* «старший родственник» [АйдБК, 84]; *ačiqıt* «мой старший брат (обращение к старшим родственникам ханского рода)» [МК, I, 44; ДТС, 6] (<*ači* + деминутивный афф. *-iq* + афф. принадлежности I л. ед. ч. *-it*); *eči* «старший брат»; «дядя» (?) [Е, 62; КР, 288; 608₂₃; ДТС, 162]; *ečü-ara* (парн.) «предки» [КТб_{1, 19}; ДТС, 162]; *eči* «дядя по отцу (моложе отца)»; «старший брат» [Glauson, 20]; *äči* «старший родственник (дядя, брат)» [КТб, 5, 16; МалПДП, 363]; *äčü: äčüt arat* «мои старшие предки» [КТб, I, 7; МалПДП, 363]; (маних.) *iči* «старший брат» [Suv., 608₂₃; МалПДП, 379]; *eči: inili ečili* (парн.) «с младшим и старшим братом»; «имеющий старшего и младшего брата» [Chuas., I, 31]; (уйг.) *eči* «старший брат»; (ст.-кырг.) *eči: (eči: «тж.»*; (хакан.) *eči: «старший брат»; «дядя по отцу»; (кыпч.) eči:, eççi: «старший брат»; ср. еще редкую форму *ečü* «предок» (ср. тур. диал. *аси* «дедушка»; «старший брат»; уйг. *eçe*, хакан. *eçü* «предок») [Glauson, 20], Дж. Клоусоном почему-то рассматривается в отдельной словарной статье.*

Сюда же можно включить еще др.-тюрк. *äčü* (ср. *ečü*) *ara* (парн.) «предок», «предки» [ЕТУ, IV, 39]; *eçi ara* (парн.) «тж.» [ЕТУ, IV, 47], *eči* «старший брат», «старший родственник» (ЕТУ, IV, 50]; *iči* «тж.» [ЕТУ, IV, 50]; *äči* «старший родственник (дядя, брат)» [КТб, 5, 16]; *äčim, üzä äčim* «мой дядя» [КТб, 16], *äčimiz* «наш дядя» [КТб, 26]; *äčü: äčüt-arat* (парн.) «мои старшие предки» [КТб, I, 7]; [ср. Мал., 363]; близкие др.-тюрк. формы см.: Gabain, 310; Anlyt. Ind., 20; Caferoglu US, 64; МК, I, 224 (*iči*); Id., 37 (*iči* «дядя, брат отца»), Bul., I, 10 (*äčči* «дядя по отцу»);

Рав С., 7 (اجی «старший брат»); Minorsky Cauc., 95 (*ichi* «старший брат»); Kōr., 13 (اجی «старший родственник» — в монгольскую эпоху); BQ, 89 (اجی, «старший брат»); может быть сюда же относится перс. *iči* «vezirus, dominus» (←тюрк.) [Vu., 71; подробнее см. Doerfer ТМЕ, II, 15-16].

Уже в древнетюркских письменных памятниках наблюдается чередование переднерядных (*āci, ācū, iči*) и заднерядных (*ača, aci*) форм. Подобное явление нередко встречается среди терминов родства (ср. межтюркское чередование *ata ~ ätä* «отец»; *ana ~ änä* «мать» и др.). В анализируемом слове опереднению первоначально заднерядных форм мог способствовать палатальный согласный *-č-*, а также конечный *-j* в вокативных формах типа **ačaj ~ *āčāj* (откуда *aci ~ āci*, а также *ācū < *āciw < *āčāj < *ačaj*, ср. долгие конечные гласные, отмеченные Дж. Клоусоном: *éçi*).

Исходя из совокупности древнетюркских и современных форм, для пратюркского состояния можно реконструировать архетипы **ača ~ *āčä*, которые, очевидно, употреблялись параллельно в разных диалектах пратюркского языка.

В семантическом плане термин **ača ~ *āčä*, как это можно судить по приведенным выше фактам, имел довольно широкий спектр значений, объединяемый одной идеей — «близкий родственник мужского пола старше говорящего», т. е. термин **ača ~ *āčä* объединял в один класс всех старших родственников своего рода: старших братьев, отца, братьев отца, деда (т. с. старшего отца), братьев деда и вообще старших членов своего рода мужского пола. Для удобства пользования весь этот пучок значений слова **ača ~ *āčä* мы объединяем в одном значении «старший родственник», что вполне раскрывает классификаторскую семантику этого термина родства. Параллельным термином, объединяющим в один класс старших родственниц своего рода, по-видимому, было слово *ara* «старшая родственница»; ср. парные слова типа *ācū-ara* «старшие родственники», «старшие предки».

Это архаичное пратюркское слово рано потеряло свое классификаторское значение «старший родственник» и почти повсеместно было вытеснено монгольским заимствованием *aγa ~ aqa* «старший брат», «дядя». Од-

нако его рефлексy сохранялись в некоторых живых тюркских языках и диалектах, но уже в более узких, описательных значениях. Однако сумма сохранившихся значений всех его рефлексов в живых тюркских языках позволяет довольно точно представить себе весь комплекс родственных отношений (разумеется, в современном понимании отношений родства), объединившихся некогда в один класс классификаторским термином родства *аѝа ~ *аѝä «старший родственник»; ср.:

тур. диал. *есе* «старший брат»; «старшая сестра» (последнее значение, по-видимому, в результате контаминации с тюрк. *аѝä* «мать»); уст. «старик» [ТРСл., 1977, 259]; осм. (=тур.) *аѝä* «старик» [Радл., I, 865]; *есе* «блобородый старик»; «отец»; «старший брат»; *еѝи* «старший брат»; [DD, 504]; *еѝе* «старший брат» [DD, 505]; *иѝи* «старший брат», «отец»; «родитель», а также «старшая сестра» [DD, 780] (в некоторых тур. диалектах встречаются и другие значения, но они, скорее всего, вторичны); ср. еще тур. диал. *аѝа*, *аѝе*, *аѝа* «дядя (брат отца)», «старший брат»; а также «старшая сестра»; *аѝо* «дядя (брат отца)», *аѝи* «старший брат»; «дедушка» [ТенишССЯ, 299-300]; *аѝä* «дел», «старец» [Рамст., 190; RamstEinf., 95; RamstSKE, 16];

чаг. *اچى* *аѝи* «старший брат» [Будаг., I, 13]; *аѝи* «старший брат»; а также «бабушка» [Радл., I, 509] (последнее значение, по-видимому, в результате контаминации с тюрк. *аѝä «старшая родственница»); *еѝи* «дядя по отцу», «хозяин» [БорТэфс., 86]; сарт. (=узб.) *аѝа* «старший брат», «дядя» [Радл., I, 502]; др.-тюрк., уйг. *اچو* *аѝу* «отец»; в др.-тюрк. еще и «медведь» [Радл., I, 526]; чаг. *ičke* sic! «отец» (Kúnos, 81); с.-юг. аза «отец» [Тениш., 171]; лобн. *аѝа* «отец», *аѝим* «мой дядюшка» [МалЛЯ, 88]; уйг. *аѝи*, *иѝи* «старший брат»; «дядя по отцу»; «младший брат» [RäsEWb., 35];

хак. *аѝа* (саг.) «старший брат», «дядя по отцу»; *аѝаѝ* (саг.) «дядя» (обращение к старшему) [ХРСл., 37]; алт. *аѝа* «батюшка»; *казын аѝа* «шурин, старший дядя жены» [Радл., I, 502], *аѝа* (алт., калм.) «отец» [ГАЯ, 153]; *аѝа* (тел.) «отец»; *аѝа* (конд.) «отчим»; «старший брат»; «младший дядя по отцу»; *аѝа карын-даш* «племянник (сын брата)»; *казын аѝа* «шурин, старший дядя жены» [Верб., 32]; тел., алт. *аѝа* «старший брат», «дядя» [Радл., I, 502]; туба *аѝа* «дядя»

[БаскДЧТ, 105]; куманд. *ача* «старший брат»; «дядя по отцу» [БаскДК, 204]; леб. *аіца* «брат отца» [Радл., I, 57]; шор. *ача* ~ *әһса* ~ *аһза* «старший брат», «дядя» [ЯНС, 30]; *аца*, *ача* «старший брат»; как обращение употребляется также по отношению к дяде — младшему брату отца, и племяннику, который старше по возрасту, чем дядя [ИРЛТЯ, 28]; тув. *ача* «отец»; *ачам* «мой отец» [ТРСл., 77]; *ачча* «тятя» [Кат., 138]; леб. *ацы* «старший брат» [Радл., I, 518].

Видимо, к монгольским языкам восходит якут. *äcä*, *эһэ* «дед» [ТМС, II, 469]; ср.: якут. *äcä* (в современной орфографии *эһэ*) «родной дед»; «дедушка (по отцу и по матери)»; «почтительное обращение к божеству, старшему или сильнейшему: «дедушка», «медведь»; *хос* (или *хот*) *äcä* «прадед», «прапрадед»; *törjüt äcä* «прародителей»; *äbigä äcä* прапрадед, брат его»; *äcä кылын* «дед или прадед жены» [Пек., I, 307–308].

Ср. еще сал. *aža* (эйш.) «дядя (брат матери)» [ТенишССЯ, 299], ази (удж.) «дядя (брат матери)» [ТенишССЯ, 300]; *асй* (улл.) «брат матери» [Тениш ССЯ, 300]. Э. Р. Тенишев указывает на китайское происхождение саларских форм ази, *асй*, аз'у, а также с сал. *aža* сравнивает монг. дариг. *ädza* «пожилой человек» [Róna-TasTM, 149]. Действительно, саларские формы в семантическом отношении стоят особняком, т. к., в отличие от других тюркских слов, означают не старшего родственника по мужской линии, а только старшего брата матери, т. е. старшего родственника по женской линии. В тюркских языках старший брат эго и старший брат матери эго всегда лексически четко противопоставляются; ср. чув. *пичче* «старший брат», «брат отца», но *кукка* «брат матери»; тюрк. *ауа* «старший брат», «брат отца», но *тайаи* «брат матери». В таком случае саларские формы действительно нужно отделить от остальных тюркских и лучше всего сопоставить с кит. *цзю* «свекор»; ср. кит. диал. *цзюцзю*, *жюжю*, *цзяоцзяо* «брат жены» [Крюков, 121].

Татарские диалектные формы *эзи*, *эзэй* (чист., хвал.), *эзий*, *эжэй* «старший брат и форма обращения к нему»; «форма обращения к двоюродному брату или старшему родственнику вообще»; при обращении к мужчине старшего возраста прибавляется к его имени: *Хасан эзи* [ТТДС, 540, 541, 551] или же являются проявлением среднебулгарского субстрата, или же представляют собой

монгольские заимствования [Егоров, II, III, IV].

В среднебулгарскую эпоху истории чувашского языка, повидимому, бытовала в болгаро-чувашском закономерно продолжающая общетюркское **äcä* «старший родственник» форма **äca* ~ *äcä* ~ *icä* «старший брат». Об этом, помимо указанных выше татарских диалектных форм *эзи*, *эзэй*, *эжэй* «старший брат», свидетельствуют, как нам кажется, марийские формы, заимствованные из среднебулгарского; ср.: мар. *иза* (вокатив *изай*) «старший брат»; «младший дядя по отцу (моложе отца)» [МРСл., 125]; мар. г. *йиза* «старший брат»; «младший дядя по отцу (моложе отца)»; *йизак-äкак* «старший брат и старшая сестра»; «старшие дети»; *йизак-шоляк* «старший и младший брат»; «братья» [Сават., 224]; ср. ср.-булг. **iZ'ä-aka* (~ общетюрк. **äcä-äkä*) «старший брат и «старшая сестра»; совр. чув. *пичче-акка* «тж»; ср.-булг. *iZ'ä-šällä(m)* (~ общетюрк. **äcä-singil*) («старший брат и младший брат», совр. чув. *пичче-шälläm* «тж»; *пичеллë-шällällä* «имеющий старшего и младшего брата»; мар. диал. *ази* (м.-турек.) «старший брат»; *азий*, *изай* «тж.» [Упым., 17]; *иза*, *изьа*, *изьай* «старший брат»; «младший дядя по отцу (моложе его)» [Упым., 51]; мар. г. *йизä* «старший брат» [Упым., 294]; мар. *йизä* (сев.-зап.) «старший брат»; *йизäk-шол'ак* «братья» [ССЗНМЯ, 302]; ср. еще мар. *кугуза* (< *куго* «большой», «старший» + *иза*) «старший дядя по отцу или матери»; «дядя вообще (в почтительном смысле)» [Упым., 81].

Марийские формы обычно сравниваются с финно-угорскими словами со значением «отец»; ср.: фин. *isä*, эст. *isä* и т. д. [ВФУЯ, 169; ГрузФДМЯ, 172; ГордЭСМЯ, I, 56], но как с семантической, так и с фонетической стороны марийские формы как нельзя лучше соответствуют средне- и новобулгарским (= древнечувашским) формам. Поэтому их лучше всего квалифицировать как болгаро-чувашские заимствования.

Возможно, к среднебулгарскому **äs'ä* ~ **äcä* восходит и мокша-мордовское *оця* (вокатив *оцяй*) «дядя (по отцу)» [МРСл., 197], однако ср. морд. мокш. *оцю* «большой», «высокий»; *оцюня* «старший», «начальник» [МРСл., 196, 197].

Надо отметить одну немаловажную особенность в историческом развитии древнетюркского термина родства **äcä* «старший родственник». Это один из немногих

пратюркских классификаторских терминов родства, доживших до наших дней и причем только в ограниченных тюркоязычных ареалах: в огузских (частично), карлукских (частично), центральноазиатских и болгаро-чувашском языках. В чувашском языке **ăĕă* «старший родственник» уже давно не употребляется самостоятельно, а законсервировался только в качестве одного из компонентов сложного термина *пичче* «старший брат». Только благодаря сужению первоначальной классификаторской семантики («старший родственник вообще, т. е. старший брат, дядя, отец, дед» > «старший брат», «дядя») в составе композита *пичче* в чувашском смог сохраниться рефлекс пратюркского **ăĕă*, в ином случае он бы выпал из языка, как изживший свое предназначение. О свободном бытовании этого архаичного термина у волжских болгар мы теперь можем судить только по его рефлексам в соседних финно-угорских языках. Предки марийцев и мордвы-мокши, сравнительно с булгарами, несколько позднее утратили классификаторскую систему родства и, по-видимому, не без влияния со стороны болгар. В таких условиях, естественно, следы пратюркского **ăĕă* должны были лучше сохраниться в тех языках, в которые они попали в сравнительно недавнем прошлом. Этим и объясняется сохранение болгаро-чувашского заимствованного термина родства со значением «старший брат», «дядя» в марийском (*иза*) и мордовском-мокша (*оця*) языках.

Итак, выясняется, что чувашский термин родства *пичче* «старший брат»; «дядя (брат отца)» является по своему происхождению сложным и состоит из двух компонентов: 1) *пи-* < **bij* < **bej* < **bäg* «господин», «князь» ~ пратюрк. **bäg* «тж.»; 2) *-че* < **is'e* < **iĕä* < **ăĕă* < **ăĕă* «старший брат», «старший родственник» ~ пратюрк. **ăĕă* ~ **ăĕă* «старший родственник». Основным или собственно термином родства в составе композита *пичче* «старший брат», «дядя (брат отца)» является компонент **иче*, восходящий к пратюркскому **ăĕă* «старший родственник».

Правомерность выделения в составе этого термина пратюркского **ăĕă* «старший родственник» подтверждается его наличием в составе другого чувашского термина родства *мучи* «дядя (старший брат отца или муж старшей сестры матери)»; «дядя (почтительное обращение

к людям, которые по возрасту старше отца)» [ЧРСл., 1982, 250].

Термин *мучи* представлен, главным образом, в верхнем диалекте чувашского языка. Фонетико-морфологический вариант *мучи* является стяженной формой от вокатива *мучей* (< *мучи* + вокативный афф. -ей), бытующего в говорах верхнего диалекта наряду с другими вокативными: *мёчей, мочи, мочей, мочки, мйчи, мйчей, мочай, муччей, муччи, моче* (< *мучей, муччей*); *мучу, мочу* (< *мочев* < *моче* + вокативный афф. -ев) и деминутивными: *мучук, мочук, мочок* (< *муче* + деминутивный афф. -ок||-ук) фонетико-морфологическими вариантами [Серг-ЛГТР 49-51]. Термин *мучи* в различных фонетико-морфологических вариантах встречается в некоторых островных говорах низового диалекта, куда он, скорее всего, занесен в XVI—XVII вв. переселенцами из районов распространения верхних говоров.

Термин *мучи* также является составным и образовался в результате слияния двух компонентов: *мйн* «большой», «старший» и **айя* «старший родственник» [Егор-ЭСЧЯ, 136]. Старший брат отца в действительности является «большим старшим родственником», что хорошо отразилось в суммарном значении двух этимонов чувашского термина *мучи* «дядя (старший брат отца)».

Пратюркский термин родства **айя* ~ **айя* «старший родственник» имеет этимологические, а также близкие по звучанию и значению соответствия в алтайских, финно-угорских, индоевропейских и других языках Евразии, о чем мы уже писали [см. Егоров, II, III, IV]. Однако восходящие к седой древности исторические взаимосвязи между этими близкими формами еще далеко не до конца выяснены. Безусловно, среди них имеются этимологические связи как генетического, так и заимствованного характера.

В данной статье нас прежде всего интересуют этимологический состав, историческое развитие и межъязыковые связи чувашского композита *пичче* «старший брат»; «дядя (брат отца)» как цельносформированного слова.

В начале статьи при обзоре существующих в литературе этимологий этого сложного термина родства мы заметили, что чув. *пичче* «старший брат» сопоставляется с венг. *bácsi* «дядя», «дядюшка», *bátya* [*bátyja, bátyjuk*] «старший брат»; «дядя» [см. Фед., II, 120].

Венгерские лексические соответствия, если они дей-

ствительно являются болгаро-чувашискими заимствованиями, имеют принципиальное значение для выяснения хронологии образования чувашского композита *пичче*. Это вынуждает более детально рассмотреть этимологию и историю соответствующих венгерских терминов родства *bácsi* «дядя», «дядюшка», *bátya* «старший брат», «дядя».

Авторы-составители «Историко-этимологического словаря венгерского языка» сближают оба венгерских термина родства, но отрицают их тюркское или монгольское происхождение, считая *bácsi* «дядя» собственно венгерским образованием. В составе этого слова они выделяют корневой элемент *bá* и уменьшительно-ласкательный афф. *-i*. Невыясненной осталась природа компонента *-cs-*, но они склонны его объяснить как уменьшительно-ласкательный аффикс.

Однако ущербность такой этимологии была очевидной и самим авторам этого замечательного этимологического словаря, и они обратили свой взор к славянскому материалу и привели в качестве возможного этимона болг. *báčo* «дядя», «старший брат», макед. *bače* «тж.», с.-хорв. *báča* «свекор», «отец мужа». Однако тут же отметили историко-лингвистические и семантические трудности, возникающие при выведении венгерского *bácsi* «дядя» из славянских языков [MNTESz, I, 213 — 214].

Нам кажется, что нет особых фонетических и семантических трудностей, противостоящих возведению данного венгерского термина родства к древнебулгарскому **bājāčā ~ *bājičā* или, еще лучше, к вокативной форме с заднерядной огласовкой второго компонента **bājačaj* «почтенный старший родственник» > «старший брат», «дядя (брат отца)». Звуковой комплекс *-āja-* в венгерском или даже в самом древнебулгарском языке вполне закономерно должен давать долгий *-ā-*, а в абсолютном конце слова уже в самом древнебулгарском языке звукосочетание *-aj ~ äj* должно было стянуться до одного гласного *-i* нормальной долготы. Следовательно, к концу древнебулгарского периода, т. е. ко времени становления интенсивных болгаро-мадьярских контактов, в болгарском языке интересующий нас термин мог звучать в виде **bāci*, т. е. совершенно так же, как в современном венгерском. Что же касается заднерядной огласовки начального слога, то она вполне возможна при

допущении заднерядного варианта *аѣа. Аналогичное сингармоническое выравнивание композита со вторым заднерядным компонентом известно и современному чувашскому языку. Так, например, кыпчакское слово *bejaγa ~ bijaγa (<о.-тюрк. *bāgaγa «деверь (брат мужа)»), проникнув в чувашский язык, приобрело заднерядную огласовку пӑяхам [pājaham] «деверь» в результате сингармонического выравнивания по второму компоненту aγa ~ aha «старший брат», «дядя (брат отца)».

С другой стороны, древнеболгарская форма *bāci «старший родственник», «старший брат», «дядя», как нам кажется, подтверждается современными болгарскими формами б́ачо, б́айчо, б́айчов, б́ае, б́ай, б́айко, б́айков, б́ако и т. п. «брат». Обычно приведенные болгарские формы выводятся из общеславянского братръ, братъ (ср.: с.-хорв. бра''т, словен. brāt, рус. брат, чеш. bratr, польск. brat, в-луж. bratr, н.-луж. bratš, укр., белор. брат и т. д.), восходящего к индоевропейскому *bhrātē(r) (ср.: лит. broter—ėlis, др.-прус. brāti, умншш. bratrikai «братья», латыш. brātritis «братец»; гот. brootpar, англосакс. bródar, др.-в.-нем. bruoder, нем. Bruder, англ. brother, гр. φρᾱ́τηρ, φρᾱ́τωρ «член фратрии»; φρατρία «братство», «фратрия», лат. frāter, ирл. brāthir, тох. pracar, др.-инд. bhrā'tar-, bhrātryam «фратрия», авест. brātār- «брат»). [БЕР, I, 74-75]. Однако при сближении болгарских форм типа б́ачо, б́айчо, б́айчов с общеславянским братъ возникают некоторые фонетические трудности. Хотя переход -тк->-йк- характерен для болгарского (ср. болг. п́айка <*nátka, майка <*mátka), но он никак не объясняет развитие брат > б́ачо, б́айчо, б́айно и т. п. Поэтому в приведенных выше болгарских формах мы склонны усмотреть рефлексы древнеболгарских вокативных форм *bācaj ~ bācaw «братче». Отождествлению болгарских слов брат и б́ачо, б́айчо мешает также отсутствие в южнославянских языках форм типа б́ачо, б́айчо. Представленные в некоторых западнославянских и германских языках сходные формы являются венгерскими заимствованиями; например: сакс. bātschi «дядя», словен. bāczek «дядя», словак. bāčik, bāči «дядя» восходят к венг. bāsci «дядя», «дядюшка» [MNTESz, I, 213-214].

Исходя из этого, мы склонны видеть в болг. б́айчо «брат» отражение древнеболгарской вокативной формы *bācaw <*bāj-aѣa-au «старший брат», «дядя (брат от-

ца)». Следовательно, с определенной уверенностью можно констатировать, что уже в древнебулгарском языке* бытовал сложный термин родства **bājācā* ~ **bājača* со значением «старший брат», «дядя».

Среднебулгарское состояние чувашского термина родства *пичче* «старший брат», «дядя (брат отца)» можно реконструировать на основании удмуртского *бече* «сосед», «родственник», диал. «подруга», «сверстник», «брат»; диал. *бечей* «старший брат», «дядя», «дедушка» [УРСл., 1983, 47]. В удмуртских диалектах представлены еще фонстические варианты *быче*, *биче* «сосед» (Слободский уезд), «близкий родственник» (Глазовский уезд) [СмирновВот., 164]; *пече* «родственник» [РУСл., 690]; *беце*, *бэцэ* «брат», «старший брат», «родственник», «сосед»; «подруга» [ВУД, 88—89, 97—98]. Указанные удмуртские формы бесспорно являются болгаро-чувашскими заимствованиями [Wichmann, 44; Фед., II, 120; ЕгорЭСЧЯ, 169; ТаракИЛ, 34]. Суммируя приведенные удмуртские диалектные формы и учитывая чувашское *пичче* «старший брат», для среднебулгарского состояния можно реконструировать форму **peše* ~ **riše*. Озвончение анлаутного *p* > *b*- произошло уже на почве удмуртского языка. Расширение *i* > *e* также обязано своим происхождением удмуртской системе вокализма (ср. диалектную форму *быче*, *биче* с узкими гласными *ы*, *и* в первом слог), однако не исключено, что в удмуртском *бече* сохранились диалектные особенности среднебулгарского языка.

Если углубиться в доисторическое прошлое, то для прототюркского (=протобулгарского) состояния, с учетом турецкого диалектного *ede* «брат» [ТРСл., 1977,

* О хронологической периодизации истории болгаро-чувашского языка см.: *Рона-Таш А.* Проблемы периодизации и источники изучения истории чувашского языка.— В кн.: Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1969, с. 3—13; *Róna-Tas A.* The periodisation and sources of Chuvash linguistic history.— In: *Chuvash studies*. Budapest, 1982, p. 113—169; *Егорев И. И.* Чăваш чĕлхин историйĕ.— Чăваш чĕлхин историйĕ. Чăваш диалектологийĕ. Тĕрĕк чĕлхисен таңлаштарулла грамматики. Чăваш чĕлхин методика. Заочник студентсем валли тĕрĕслев сĕсем. Шупашкар, 1983, с. 3—14; *он же* (без указания автора). История чувашского языка.— В кн.: Программа по лингвистическим курсам. Сравнительно-исторический цикл. Чебоксары 1983, с. 12—21.

259], можно реконструировать во второй части компонента **bäg-äčä* архетип **ädä*. Если это допущение правомерно, то для протобулгарского состояния вполне закономерно восстанавливается праформа **bäg ädä* ~ **bäg ätä* «старший родственник», которая в отдельных диалектах болгарского языка могла удержать вплоть до новейшего времени согласный *d* ~ *t*; ср. приведенную Р. Г. Ахметьяновым, правда, без указания на источник, форму *niti* «старший брат» [Ахмет., 143].

Если же чувашская форма *niti* достоверна, то через древнебулгарское **bäjätä* ~ **bäjädä* ~ **bä:dä* «старший родственник» прокладывается связь между чувашским *nичче* «старший брат», «дядя (брат отца)» и венгерским *bátya* [*bátyja, bätjuk*] «старший брат», разг. «дядя».

В «Историко-этимологическом словаре венгерского языка» это слово квалифицируется как слово неясного происхождения. С одной стороны авторы-составители указанного словаря склонны видеть в этом венгерском термине родства слово детской речи, т. е. слово лепетного происхождения, а с другой — возможное славянское заимствование (ср. болг. *баща* «отец», *бате, батьо, бачо* «старший брат», «дядя», *бай* «дядя»; с.-хорв. *ba''c'a, báta, báto, ba''ja* (почтительное обращ.) «старший брат», чеш. *bát'a* «простак, неловкий человек», диал. «старший брат»; словак. *bát'a, bát'ko* «дядя», рус. *бáтя* «напа», диал. «старший брат» и т. п. Вместе с тем отмечается, что происхождение этой группы славянских слов еще недостаточно выяснено, хотя наиболее правдоподобным кажется сближение с общеславянским *bratъ*. Составители MNTESz все же склонны видеть в венгерском *bátya* слово детской речи собственно венгерского происхождения и ставят его в один ряд с такими морфологическими образованиями, как венг. *atyá: atyja, anyá: anyja* и т. п., а также включают в семасиологическую систему терминов родства типа *húg* «младшая сестра» — *nene* «старшая сестра»; *öcs* «младший брат» — *bátya* «старший брат». Далее констатируется этимологическое родство венгерских терминов родства *bátya* и *bácsi* || *básca*, причем форма *bátya* считается первичной. Имеющие место в литературе сопоставления с другими близкими по звучанию и значению финно-угорскими терминами родства отвергаются. Не принимаются и объяснения венгерского *bátya* как заимствование из

арийских, монгольских, тюркских, а также русского языков [MNTESz, I, 259-260].

Широко распространенное в научной литературе мнение о лепетном происхождении основных терминов родства в детской речи, т. е. так называемая Lallwörter-theorie, в последнее время справедливо критикуется [Труб., 193-197]. Дело в том, что в период своего возникновения и становления терминология родства как система носила большую социальную значимость. Она должна была способствовать нормализации семейно-брачных, социальных и общественных отношений. В таких условиях термины родства обозначали не отдельные отношения родства, как сейчас, а служили для обозначения целого класса лиц, иногда даже не связанных узами биологического родства. Разумеется, такие социально значимые слова не могли быть продуктом детской речи, они безусловно были придуманы взрослыми членами общества для обслуживания социальных нужд довольно развитого общества. Любая терминология родства, как и выражаемая ею система родства, представляет собой сильно развитую и сложную, строго иерархическую систему. Иногда даже специалистам не всегда удается точно разгадать и описать все взаимосвязи и взаимоотношения, существующие между отдельными терминами родства и их группами в чужих, незнакомых системах родства. Само собой разумеется, что такая сложная система не могла возникнуть в голове ребенка, а является продуктом творчества целого общества на протяжении довольно продолжительного хронологического отрезка. Следовательно, мнение о происхождении терминов родства из детской речи, в том числе и венгерского *bátya* «старший брат», отпадает.

Что же касается взаимоотношений между венгерским *bátya* и славянскими формами (ср. болг. *баща* «отец», *бáте, бáтьо, бáчо* «старший брат», «дядя», с.-хорв. *ba"с"а, báta, báto, ba"ja* (почтительное обращ.) «старший брат», рус. *батя* «отец», «пана» и др., (см. выше), то они еще не выяснены. Между этими формами могут быть и случайные совпадения, и заимствования в обоих направлениях (венг. → слав. и слав. → венг.). Ареал распространения славянских форм типа *бáтьо, бáчо*, совершенно отличный от ареала общеславянского *bratъ*, позволяет видеть в них сравнительно поздние инновации, имевшие место в основном в балканском регионе и со-

предельных с ним территориях (ср. также алб. *bāca*, *bas*, *bācē* «брат», «компаньон», рум. *pāde* «дядя» и т. п.). Поэтому мы не исключаем, что первоначальным источником распространения указанных форм типа **bāt'a* ~ **bāca* в балканском регионе и сопредельных территориях были древнебулгарские формы **bā:tā* ~ **bāt'a* ~ **bāca* ~ **bā:ča* «старший родственник». Разумеется, посредниками в передаче этого древнебулгарского термина в соседние языки могли послужить как болгарский, так и венгерский языки. В пользу иноязычного происхождения славянских форм типа **bāt'a* ~ **bāca* «старший брат» свидетельствует также затемненность их этимологии в славянских языках. Обычно предполагаемая этимологическая связь этих форм с общеславянским **bratъ* упирается на фонетические и семантические трудности.

Очевидно, формы с интервокальным *-t-* (**bāt'a* ~ **bā:tā* ~ **bātā*) удержались в некоторых болгарских диалектах вплоть до средне- и даже новобулгарской эпох. Косвенным свидетельством, подтверждающим это предположение, является мокша-мордовское *паты*, вокат. *патый* «старший брат (по отношению к младшим братьям и сестрам)» [ЭМН, 351]; *паты*, вокат. *патый* «дядя (старший брат отца)» [МРСл., 202], которое, как нам кажется, является булгаро-чувашиским заимствованием среднебулгарской эпохи (ср. собственно мокш. *альняка*, эрз. *леля* «старший брат», «дядя»; а также чув. *питу* «старший брат» [Ахмет., 143]).

Историко-этимологическое освещение чувашского термина родства *пичче* «старший брат», «дядя (брат отца)» на этом можно было бы завершить. Однако в некоторых памирских языках находятся формы, по семантике полностью соответствующие булгаро-чувашискому **bā:čaj* ~ **bā:či* ~ **bāci* ~ чув. *пичче* ~ *пиче* «старший брат», «дядя». Дело в том, что в некоторых иранских языках памирской группы представлены: тадж.-ишк. *бэци*, тадж.-вах. *бэци* «дядя по отцу» [Оран, 133-135], бадахш. *бэци* «дядя по отцу»; ишк., вах. *бэци* «дядя по отцу» [РозенфБГТЯ, 37, 85]; вах. *бэц* «дядя (по отцу и по матери)»; *бэцдэүд* «двоюродная сестра (дочь дяди)» [ВахЯз., 312], при тадж. *амак*, мундж., горон. *атик*, *атэк*, бадахш. *атак*, *атэк* «дядя по отцу» [РозенфБГТЯ, 37, 85]. Однако пока мы вынуждены воз-

держиваться от какого бы то ни было сближения указанных памирских и болгаро-чувашишских форм ввиду совершенной неизученности древних иранско-болгарско-тюркских и памирско-болгарско-тюркских лексических связей.

Подводя итог историко-этимологическому исследованию чувашского термина родства *пичче* «старший брат», «дядя (брат отца)», можно сказать следующее:

1) Термин *пичче* этимологически является сложно-составным словом и восходит к двум общетюркским архетипам: **bäg* «вождь; «предводитель», «глава рода», «князь», «господин», «правитель», «бек, бсг» ~ чув. пү «князь» ← индо-ар.: др.-инд. *bhāgah* «богатство», «достояние», др.-перс. *baga* «богатство»; «бог», ср.-перс. *bag* «бог»; «король», согд. βγ «бог»; «господин» [СевЭСТЯ, II, 97-101] + **äcä* ~ **ätä* «старший родственник»; ср.: тур. *ede* «брат» ~ чув. *мучи* < *мән* «старший» + *иче* + *-й* «дядя (брат отца)» [Егоров, II, III, IV].

2) Для прабулгарских диалектов восстанавливаются формы **bäg äcä* ~ **bäg aca* < **bäg ätä* с классификаторской семантикой «старший родственник (своего рода)», «старший сородич».

3) Для древнеболгарского состояния, главным образом по данным венгерского языка, можно реконструировать праформы **bä:cä* ~ **bä:ca* ~ **bä:tä* «старший родственник»; ср. венг. *bácsi* «дядя» ← др.-булг. **bä:cäj* ~ **bä:caj* ~ **bačaj*; венг. *bátya* «старший брат» ← др.-булг. **bä:täj* < прабулг. **bäjätäj* (вокатив) «старший родственник»; ср. также болг. *бáчо* «брат» и др. славяно-балканские формы.

4) Для среднеболгарских диалектов можно восстановить праформы **bäcä* ~ **pece* ~ **riçe* ≈ **pätä* «старший брат», «дядя (брат отца)»; ср. удм. *бече*, диал. *быче*, *биче*, *бэцэ* «сосед»; «родственник»; диал. «подруга»; «сверстник»; «брат»; «старший брат», «дядя», «дедушка» ← ср.-булг. **bäcä* ~ **pece* ~ **riçe* «старший родственник»; «старший брат», «дядя (брат отца)»; морд. мокш. *патя* «старший брат (по отношению к младшим братьям и сестрам)»; «дядя» ← ср.-булг. **pätä* «старший родственник» (ср. чув. *пичи* «старший брат») [Ахмет., 143]).

В современном чувашском языке представлены следы обоих компонентов, легших в основу композита *пичче* «старший брат», «дядя (по отцу)».

Общетюркский **bäg* «господин», «князь», «глава рода» в современном чувашском языке закономерно отразился в изолированном виде в форме *пӱ* «князь» (см. выше), а также в составе композитов *пӱяхам* «деверь (брат мужа)»; *пӱятан* «свекор»; диал. «тесть»; *пӱянам* «свекровь», диал. «теща», заимствованных из кыпчакских языков в золотоордынскую эпоху; ср. тат. (диал.) *бийага* ~ *биага* «деверь», «брат мужа» [МТД, II, 22], башк. диал. *бей агай* «старший брат мужа или жены» [Ишбулатов, II, 29], *биага(й)* «старший брат мужа» [ИМБД, 53]; тат. диал. *бийата* ~ *биата* «свекор» [МТД, II, 22]; башк. диал. *бейата(й)* «свекор» [ИМБД, 50, 53]; тат. диал. *бийана* ~ *биана* «свекровь» [МТД, II, 22]; башк. диал. *бейана(й)*, *биана* «свекровь» [ИМБД, 33, 53].

Второй компонент композита *пичче* «старший брат», восходящий к общетюркскому **äcä* ~ **ätä* ~ **ädä* выделяется в составе терминов родства *мучи* «дядя (брат отца)» (< *мӱн* «большой»; «старший» + *ече* ~ *иче* «старший родственник» + вокативный афф. *-ей*) и *ёмпичче* «дядя (старший брат отца)» (< *ём* «наи(высший)», «наи(старший)» + *пи(й)* «господин», «князь» + *ече* ~ *иче* «старший родственник» ~ тюрк. **äḡ-bäg-äcä*).

На прототюркском уровне, очевидно, гснуйными были следующие современные чувашские ядерные термины родства: чув. *аҫа* «отец», «самец» ~ прототюрк. **äcä* ~ **ätä*; ст.-чув. **ече* «старший родственник» (в составе *пичче* «старший брат», *мучи* «дядя (брат отца)», *ёмпичче* «дядя (старший брат отца)») ~ прототюрк. **äcä* ~ **ätä*; чув. *атте* «папа», *ати* (обращ.) «свекор» (← тюрк. *ата*) ~ прототюрк. **ätä* ~ **ата*. В ходе перестройки архаичной классификаторской системы родства в современную описательную междиалектные фонетические варианты пратюркской основы **ätä* ~ **ата* «старший родственник своего рода» в разных тюркских языках закрепились в разных более узких описательных значениях: «старший брат»; «дядя (брат отца)»; «отец», «дедушка» и т. п. [Егоров, II, III, IV].

Историко-этимологический анализ во многом уникального среди тюркских языков чувашского термина родства *пичче* «старший брат», «дядя (брат отца)» показал, что этот термин является болгарско-тюркским образованием, восходящим, очевидно, к праболгарской эпохе истории чувашского языка.

(Продолжение следует).

К ЭТИМОЛОГИИ НАЗВАНИЙ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ. II

Ю. ДМИТРИЕВА

В настоящей статье мы продолжаем рассматривать чувашские народные названия трав с точки зрения их происхождения*. Так как среди названий трав встречаются, наряду с однословными терминами, и многочисленные описательно-образные наименования, мы попытаемся по возможности выяснить мотивированность этих названий. Если при анализе однословных фитонимов раскрытию мотивации слова способствует его правильная этимологизация, т. е. точное определение его семантики, и установление морфемных границ (основы и аффиксов), то в случае дву- и трехчленных метафоричных названий этому может способствовать выявление общих или сходных моделей с названиями трав из родственных и окружающих языков.

А́вӑн-курӑк назв. раст. [Ашм., III, 48], *ывӑн' корӑкё* или *ывӑн' илекен корӑк* назв. маленького растения [там же], *ум илен курёк* трава от порчи, называемой «ум илни» [Ашм., III, 234], *омне илнё корӑк* трава от порчи, называемой «ом илни» [Ашм., III, 235], *ум илнё курӑк* назв. раст. [Ашм., IV, 243], *унели корёкё* назв. лекарственной травы желтого цвета [Ашм., III, 244], *унелнё-корӑк* назв. раст., *Fumaria officinalis* [Ашм., III, 244], *унелнё курӑк* «дымянка» [ЧРСл], *унин-курӑкё* назв. травы [Ашм., III, 244].

А́вӑн, *ум илен*, как нам кажется, можно отнести к словам внутричувашского образования. Верховое *ав* ~ низовое *ум* «перед» [Ашм., IV, 35] берут свое начало у общетюркского *өң* «перед». Полным названием этой травы в чувашском, вероятно, можно считать составное

* Первая статья опубликована в кн.: Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1982, с. 16—32.

ав илен ~ ум илен (кур'ак) со значением «спереди берущая (над порчей), опережающая (порчу) трава», ср. выражение *ом ил-* [Ашм., III, 234] «с помощью колдовства помешать успеху в делах». В вариантах *ун илнӗ к.*, *унелнӗ-к.* и т. п. *у-(н)* могло возникнуть из звукосочетания *ӱвӱ-(н)* путем стяжения (ср. *ывӱл ~ ӱвӱл ~ увӱл ~ ул* «сын» и пр.), [СергВВД, 165].

А́вӱш назв. кустарника; назв. дерева; «клещовник»; «одуванчик» [Ашм., IV, 37]; *авӱш*: *а-јавӱш* «irgend ein Strauch mit Beeren, die den Moosbeeren ähneln» [Паас., 15-16]; *вӱш* «жимолость»; «курослеп»; «клещовник» [Ашм., V, 341]: *выш* «тж» [Ашм., V, 415]; *хӱвӱш* «клещовник»; «жимолость» [Ашм., XVI, 314], *хувӱш* «жимолость» [Золот., 98]; *уш йывӱшци* «кустарник, кора сероватая; из ствола делают чёлём чайпӱкӗ» (т. е. чубук трубки.— Ю. Д.) [Ашм., III, 363].

Нам кажется, что первичная форма этого слова в чувашском не *ӱвӱш*, а *хӱвӱш*. *Хӱвӱш* могло быть заимствовано из татарского языка, ср. тат. *куыш* 1. дупло, полость 2. шалаш. Итак, *хӱвӱш* в чувашском обозначает «растение с дуплистым, полым стволом», что поддерживается и описанием Н. И. Ашмарина *уш йывӱшци* (см. выше). Тат. *куыш* восходит к старому тюркскому слову *qoʻyış*, встречающемуся уже и в памятниках древне- и среднетюркского языков [см. RäsEWb, 273/b] со значением «желоб». Их общетюркское отражение находим в кыпчакской группе тюркских языков в *ауслауте* с *ш*, ср. тат., башк., кум., кар.-балк. *куыш* «дупло, полость, пустота», а в чувашском, монгольском и сибирско-тюркских языках это слово в *ауслауте* имеет *л* (ламбдаизм), ср. чув. *хӱвӱл* «дупло, полость, пустота»; алт. *коол* «пустой (дуплистое дерево)» (Верб.), тув. *хоолай* «труба», хак. *хоол* «дупло» ← монг. *хонгил* «дупло», «пещера», «коридор» [см. РассМБЗ, 42]; калм. *howl* «kleine Rinne od. Kleines Rohrförmiges Loch (um etwas hineinzustecken)» [RamstKWb, 191].

Развитие чув. *хӱвӱш* и *хӱвӱл* представляется, значит, таким образом: 1) др.-тюрк. *qoʻyış* «желоб» ~ кыпч. (тат.) *куыш* «дупло» → чув. *хӱвӱш* назв. полого растения, т. е. «жимолость»;

2) др.-булг. **qoʻil* «дупло» ~ (чув. *хӱвӱл* «дупло») → монг. *qoʻil* «дупло» → сиб.-тюрк. *хоол* «дупло».

В. Г. Егоров прав [ЕгорЭСЧЯ, 289], сравнивая чув. *хăвăш* с тат., башк. *куыш*, но, нам кажется, правильное исходить из первого значения слова «дупло, полость», т. к. второе значение («шалаш»), вероятно, образовалось позже, в нем имеется в виду трубчатая полость шалаша.

Сравнение В. Г. Егорова [ЕгорЭСЧЯ, 39] чув. *ăвăш* с *йш* «дикий тростник» у М. Кашгарского наталкивается на фонетические и семантические трудности, тем более, что *ăвăш* мы считаем фонетическим вариантом *хăвăш*, хотя и на выпадение анлаутного *х* в чувашском имеются только единичные примеры, ср. *ысма* < *хысма* [Сергеев, 1973, с. 73-74]. Выпадение *х*- в верховом диалекте чувашского языка можно объяснить влиянием марийского субстрата.

Варианты данного слова (*хăвăш* — *ăвăш* — *вăш/выш* — *уш* «жимолость») отражают переходный ареал от низового диалекта к верховому.

Айхă-курăкĕ назв. раст. [Ашм., IV, 34], букв. сон-трава. С литературным вариантом диалектного *айхă-ыйхă* названис данного растения нигде не встречается. По поверьям, от бессонницы кладут эту траву под подушку или же пьют ее настой, после чего сон приходит [см. Ашм., там же].

Аншăрт курăкĕ (ути) «горицвет» (ЧРСл.), назв. раст. [Ашм., IV, 54]; *аншăрт-ути-курăкĕ*, *аншăртлă-хаяр-ути* назв. раст. [Ашм., там же], *аншăрт ути* «адонис весенний» [Ашм., I, 266], *уншăрт-курăкĕ* назв. раст. [Ашм., III, 247].

Аншăрт — «гнев, негодование; злость, злоба, ярость, озлобление»; уст. (в поверьях) «порча»; бран. «черт, дьявол» (ЧРСл) — подробно описывается в трудах В. К. Магницкого [Материалы, с. 142-143], Д. Месароша [Памятники, с. 361-366] и Н. И. Ашмарина [ц. м.]. По их словам, *аншăрт* — это порча, болезнь, постигающая человека вследствие чьей-либо ссоры. Кроме того, *аншăрт*, по толкованию юмçă, является причиной самых разных болезней. У Д. Месароша описывается и ритуальный обряд лечения от этих болезней, приводятся и произнесенные юмçă заклинания. Следовательно, *аншăрт-курăк* — это лечебная трава от причиняемых *аншăрт* или *аншăртлă хаяр* болезней. Это «травя от сглазу. Пьют с сахаром от боли в животе, от головной боли, еще от лихорадки» [Ашм., IV, 54].

Относительно происхождения чув. *әншәрт* известны мнения В. Г. Егорова [ЕгорЭСЧЯ, 41] и Р. Г. Ахметьянова [АхметОЛДК, 50]. Р. Г. Ахметьянов считает, что «тат. диал. *ыншырт*, мар. *оншырт*, чув. *әншәрт* «дух болезни, дух рахита; болезнь от встречи с разгневанным человеком», вероятно, происходит от чув. *әнсәрт*, *әнсәр* «неожиданность; неожиданно» (от *ән* ~ тат. и общетюрк. *аң* «сознание; глубокое проникновение в смысл»). Объяснение Р. Г. Ахметьянова ни с фонетической, ни с семантической стороны не обосновано, кроме того, приводимое им тат. диал. *ыншырт* [см. еще Ахмет., 153] в известных для нас словарях татарского языка нигде не зафиксировано. Нам более убедительным кажется сопоставление В. Г. Егорова чув. *әншәрт* с близкими по значению туркменскими словами, ср. туркм. *инжыт* «оскорбить»; *ынжытма* «оскорбление»; *ынжык* «капризный», *ынжыклык* «каприз». Соответствия этих слов находим и в турецком и в азербайджанском языках, ср. тур. *incitmek* «причинять боль, ушибить (руку, ногу)»; «повредить, сделать больно», «обижать, оскорблять»; *incitme* «ушиб», «обида, оскорбление; огорчение»; аз. инчитмәк «обидеть», инчиклик, инчимә «обида». Они восходят к древнетюркским *inčaq* | *inčiq* «печальный, стонущий», *inčiqla-* «горевать, стонать». Значит, чувашский *әншәрт* имеет свои параллели в огузотюркских языках. -*Р*- в нем, вероятно, неэтимологичен перед -*т*. Итак, *әншәрт курәкё* имела лечебную силу против обиды и злости: против болезней, возникающих от встречи с только что поссорившимся (с кем-то) человеком. Интересно заметить, что горицвет или адонис весенний, т. е. *әншәрт курәкё*, одно из сильнейших успокаивающих средств. В медицине применяется от сердечных заболеваний.

Асан-курәкё назв. раст., *әсан-лутти* «тж» [Ашм., IV, 71], букв. тетерева трава. При произношении последнего, по всей вероятности, произошла ассимиляция, вследствие чего вместо *әсан-вутти* стали произносить *әсан-лутти*.

Вакша-корёк «хвощ», *вакша-хўри* «тж» [Ашм., V, 159], букв. беличья трава, беличий хвост; *пакша* «белка»; *пакша корәкё* назв. раст. (молодой хвощ, растет в поле) [Ашм., IX, 80]. Эти метафоричные названия должны быть мотивированы сходством споровых колосков молодых побегов хвоща с беличьим хвос-

том. Слово *вакша* «белка» заимствовано из русского языка, ср. русск. *векша* «белка» [см. об этом ЕгорЭСЧЯ, СергКВД, 95]. В верховых говорах анлаутный *в* сохранился, а в низовых превратился в *п* — *пакша*.

Варапи кёпци назв. раст. [Ашм., V, 175], букв. воробьиный стебель или воробьиная дудка. Чув. *варапи* ← русск. *воробей*. Кроме *варапи*, употребляемого исключительно в верховых говорах, в чувашском известны еще два слова, обозначающих воробья, это — верховое *сала кайък* (← русск. *село*), букв. сельская птица, и низовое *серци*. Всеми тремя наименованиями воробья образованы народные названия трав, но, как ниже увидим, самое большое распространение из них получило последнее слово *серци*. Это, конечно, не случайно и, по-видимому, объясняется заимствованным характером остальных двух слов. Ср. *варапи кёпци* назв. раст., *сала-кайък торри тумалли* назв. раст. (похоже на крысиный хвост) [Ашм., XI, 25], трава, предназначенная для изготовления *сала-кайък турри* (?); *серци кайшкарё* назв. раст. [Ашм., XII, 89], букв. воробьиный щавель (*кайшкар* см. ниже в сл. статье *вырйс-ут-кайшкарё*), *серци кёпци* «тмин», *серци серски* назв. раст. [Ашм., XII, 89], букв. воробьиный цветок, *серци тырри* «тимopheевка луговая», «костер безостый», букв. воробьиный хлеб, *серци хави* назв. раст. [Ашм., XII, 90], букв. воробьиная лоза или ива, *серци хура-тулё* «вереск» [Ашм., XII, 90]. букв. воробьиная гречиха.

Варйш назв. раст., *варйш-кёпци* «тж», *варш кёпци* «то же, что и *упа кёпци* (*курйк*), *варёш* «тж» [Ашм., V, 175], *варйш* «омежник» [ЧРСл].

Вопрос о происхождении *варйш* до сих пор не был затронут, чему, возможно, препятствовало отсутствие каких-либо данных в других языках. *Варйш* встречается в одном только чувашском языке, и, как нам кажется, оно является собственно чувашским образованием. Наличие в чувашском производного от *варйш* слова *варйшлан* «пойти в дудку» [Ашм., V, 175] позволяет предположить, что *варйш* — это трубчатая, имеющая полую середину, сердцевину трава. Если это так, то в нем можно выделить основу *вар* (~ общетюрк. *öz*) [иногда даже *варй*, см. Ашм., V, 166] со значением «середина, сердцевина». Определить точное значение последующего за ним аффикса *-йш/-ш* пока трудно (Афф. *-йш* ср. в слове *хав-йш* от *доу-иш*). Подобно *варйш* — *варйшлан*,

только с помощью другого аффикса, образованы слова *варак* «дупло дерева, промоина, овражек» [*вар* «овраг», «центр, середина, сердцевина» + уменьшительный аффикс *-ак*, см. Левит., 142] и *вараклан* «становиться овражистым, ухабистым», «гнить (с сердцевины), становиться дуплистым», ср. еще *варашка* «промоина» [Ашм., V, 175] <*вар/а/ш/ка* [Левит., 149].

Вар-витти-курăкĕ назв. раст. [Ашм., V, 169], букв. понос-трава. Трава с описательным названием *вар-витти-курăкĕ*, вероятно, применялась против расстройства желудка.

Вăкăр пуç «медовый цвет, клевер (дикий)» [ЧРСл.], букв. бычья голова, ~ *мăкăр-поç*, *мăкăр-пуçлă-курăк* «клевер» [Ашм., VIII, 299], букв. бычья голова, трава, напоминающая бычью голову.

Для обозначения клевера в чувашских диалектах имеется, кроме *вăкăр пуç*, еще множество названий. Все они составные (двух-, трех- и четырехчленные), метафорические сравнения в них в основном строятся на сходстве клевера с частями тела животных.

Рассмотрев в целом все встречающиеся в чувашских диалектах названия этой травы, мы полагаем, что самыми распространенными в них являются модели «птичья голова», или «голова какой-то определенной птицы (животного, рыбы)», или же «голова с определенным вкусовым (или цветовым) качеством». Однако, при внимательном изучении названий клевера в соседних тюркских и финно-угорских языках, можно обнаружить в них много общих моделей с чувашскими, притом в некоторых случаях можно даже указать, в каком направлении заимствовалась та или другая модель.

Название «птичья голова», ср. *кайăк-пуç* (-*поç*, -*пуçĕ*), *кайăк пуçлă курăк*, *кайăк-пуç-ути*, *кайăк-пуç-ути курăкĕ* «клевер» (источником всех примеров является Словарь Н. И. Ашмарина, см. соответствующие анлаутные буквы), встречающееся только в чувашском, можно сопоставить с моделью «голова какой-то определенной птицы (животного, рыбы)», распространенной главным образом в соседних языках. Ср. чув. диал. *тăхран пуç* назв. раст. ← тат. *тукранбаш* «клевер, кашка», букв. дятлина голова, а чув. диал. *шурă тăхран пуç* «белый клевер» можно считать полукалькой с тат. *ак тухранбаш* «белоголовка, белый клевер». Модель «дятлина голова» встречается в целом ряде языков, ср. тат. диал. *тумыр-*

кабаш, тумырткабаш; башк. *тумырткабаш* «дятьельница, дятьельник (клевер)»; удм. *сизьйыр* «клевер» (<*сизь* «дятьел»+*йыр* «голова»), мар. г. *кергывуй* (устар.) «клевер» (<*кергы* «горный (черный) дятьел»+*вуй* «голова»), ср. еще общеславянское название клевера *дятьелина* [Мерк., 88—90]. Небезынтересно отметить, что собственно чувашское общелитературное *улатакка* «дятьел» не встречается в названиях клевера.

К этой же модели можно отнести и такие составные названия клевера, как чув. *чавка курăкĕ, чавка пуç (-пуçĕ), вăрман-чавка-пуçĕ*, букв. галочья травка, галкина голова, и лесная — галочья голова, ср. тат. диал. *чаукабаш, чаукă улăне* «тж», букв. галкина голова, галочья трава; чув. диал. *кутан пуç* «клевер», букв. голова пескаря или сриша, в котором *кутан*, по всей вероятности, заимствовано из марийского языка, ср. мар. г. *кадама* «пескарь; малек, мальки» [о *кутан* см. СергМЛИ, 179].

Другое название клевера в чувашском *кушак хўри* (букв. кошачий хвост) тоже не без параллели, ср. тат. диал. *песи балалары* «клевер», букв. котята, *песи баш* «тж», букв. кошачья голова. Правда, соответствующее чувашскому *кушак хўри* тат. диал. *песи койрого* (букв. кошачий хвост) обозначает уже не клевер, а подорожник.

Ко второй выделенной нами модели «голова или трава с определенным вкусовым (или цветовым) качеством» можно отнести следующие названия клевера в чувашском: *пыл курăкĕ, пыл чечекĕ, пыллă пуç, хёрлĕ поçлă корăк*, букв. мед-трава, медовый цвет(ок), медовая голова и трава с красной головкой, ср. тат. диал. *баллыкăй, баллы чăчăк, баллы улăн* «клевер», букв. медовик, медовый цвет(ок), трава с медом и мар. *муйшудо* (разг.) «клевер» (*муй* «мед»+*шудо* «трава»).

Для отдельной группы чувашских диалектных названий клевера принципом наименования явилась форма цветов клевера, сравниваемая с соском, ср. *ёмекен-курăк/ ёмчĕк-курăкĕ, ёмкĕч-курăкĕ, ёмек-чечекки* «клевер» [Ашм., V, 406], букв. сосок-трава, или же названия эти даны по той причине, что дети охотно высасывают нектар из головки клевера.

Чув. *куккук çăкри* «клевер», букв. кукушкин хлеб, ср. тат. диал. *коко энăйе* «клевер», букв. кукушкин хлеб,

ср. русск. диал. (пенз.) *кукушечник* [Мерк., 90]. **Вăкăр-хўри** «подорожник» [Ашм., V, 296], букв. бычий хвост. Все встречающиеся в чувашском языке названия подорожника подобно *вăкăр-хўри* носят метафоричный характер, ср. *кўме-курăкё*, *кўмме курăкё* «тж» [Ашм., VII, 74], букв. кибитка-трава; *пашпарник* «тж» [Ашм., IX, 151]; и по месту фиксации и по значению *пашпарник* является заимствованием из татарского языка, ср. тат. *баш бармак* «большой палец». По-видимому, в основе этого названия лежит характерное, напоминающее изгиб у большого пальца человеческой руки, произрастание подорожника. *Покан тăвакан корăк* «тж» [Ашм., IX, 257], букв. трава, предназначенная для изготовления стульев, нам кажется, что это название связано с какой-либо детской игрой. *Сысна курăкё* «мята, подорожник, одуванчик» [Ашм., XI, 120], букв. свинья-трава; это название, по-видимому, мотивируется тем, что подорожник охотно поедается свиньями. *Џул курăк, корăкё* «цикорий, подорожник» [Ашм., XII, 219], букв. дорожная трава.— название дано по месту произрастания ср. русское название подорожника, тат. диал. *йул йафрагы*, *йул улăме* «тж», букв. дорожный лист, дорожная трава, *сукмак печин* (<*сукмак* «тропинка»+*печин* «трава») [БургТННР, 130], венг. *útifű* «тж» (дорожная трава). *Чемчем (курăк)* «подорожник» [Ашм., XV, 172], *чёмчём курăкё* «птичья гречиха, травка-муравка, зеленая молодая травка» [Ашм., XV, 282]. Возникает вопрос, нельзя ли сопоставить *чемчем/чёмчем* с горномарийским глаголом *чёмчымлаш* «чирикать (о воробьях)» [СГНМЯ, 193], ср. еще тат. диал. *чыпчык йафрагы* «подорожник». *Чёкеç курăкё* «тж», *чикеç курăк* «тж» [Ашм. XV, 199], букв. ласточка-трава; такую же модель в татарских диалектах Н. Б. Бурганова [БургТННР с. 130] связывает с свойством семян подорожника служить кормом для птиц, ср. тат. диал. *карлыгач йафрагы* «подорожник» (*карлыгач* «ласточка»+*йафрагы* «лист ее»). *Шăнăр курăк* «тж» [Ашм., XII, 308], букв. жилистая трава; здесь, по-видимому, причиной названия являлся сосудистый, жилистый характер листьев.

Как видим, в диалектных названиях отражаются разные свойства одного и того же растения [см. об этом БургТННР, с. 129—130]: а) форма (*вăкăр-хўри*, *пашпарник*), б) характер и место произрастания (*џул курăк*), в) свойство служить кормом для определенных

животных (*сысна курăкĕ*), г) морфология листьев (*шăнăр курăк*), д) употребление в быту (*покан тăвакан корăк, кўмме корăкĕ*).

Вăрман йёпленчи назв. раст. [Ашм., V, 322], *йёпленч*, *йёпленчĕ* «жабрей», назв. травы. назв. кустарника [Ашм., V, 128]; лит. чув. *йёпленчĕк* «жабрей» [ЧРСл.]; *йёпленчĕк* назв. невысокого колючего растения, *йёпленчĕк* какое-то кустарниковое растенис, *йёпленчĕк-йывăçси* «шиповник» [Ашм., V, 132].

Примечательно, что родовое понятие данного составного фитонима встречается и с ауслаутным *к*, и без него тоже *йёпленчĕ* ~ *йёпленчĕк*. По мнению Л. П. Сергеева [СергКВД, 70], такое колебание наблюдается в чувашских говорах потому, что явление выпадения конечного *к* в них не завершилось окончательно. Об этом свидетельствуют и другие диалектные примеры: *пёрчĕ* ~ *пёрчĕк* «зерно», *кунтă* ~ *кунтăк* «лукошко».

Слово *йёпленчĕк* морфологически членится следующим образом: *йёп* «игла, хвоя, колючка, шипы», *йёпле* «колоть», *йёплен* «становиться колючим», *йёпленчĕк* «что-либо колючее», общее название колючих предметов, где аффикс *-чĕк* выражает склонность к действию, выраженному основным глаголом.

Значит, *йёпленчĕ* ~ *йёпленчĕк* является внутричувашским образованием и составное название фитонима *вăрман йёпленчи* обозначает «лесной жабрей», «колючее лесное растение».

Вăрман-кашличи назв. раст. [Ашм., V, 323], букв. лесной *кашлич*. Выступающее в роли родового понятия *кашлич* в современном чувашском литературном языке встречается как самостоятельное название травы, ср. *кашлинчĕ* «свербига», а в Словаре Н. И. Ашмарина находим его многочисленные фонетические варианты, ср. *кашлич* назв. раст. [Ашм., VI, 180], *кашлинч*, *кашлинчăк*, *кашлинчĕ* «тж» (там же, *кашлинчи* «козлец»), [Ашм., VII, 221], *кашлинч кĕпçи* «тж» (там же), *кашличĕ*, *кашличчи* [Ашм., VI, 184], *кашличи*, *кашлыч* [Ашм., VI, 183].

Названия растений *качака кĕпçи* съедобное растение [Ашм., VI, 170], *туда кĕпçи* назв. раст. [Ашм., XIV, 182] и *ыраш кĕпçи* «козлец» [Ашм., III, 57], приводимые в Словаре Ашмарина в качестве синонимичных с *кашлич* названий, надо отделить от *кашлич*. С ним они

сходны лишь в том, что и *туда кёпци* и *ыраш кёпци* относятся к семейству зонтичных и съедобных. Название *качака кёпци*, возможно, мотивировано русским названием *козлец*, а русск. *козлец* в свою очередь, может быть, образовалось в результате народного этимологического переосмысления фитонима *кишнец*.

Этимологией чув. *кашлич* до сих пор никто не занимался, что можно объяснить относительным отсутствием каких-либо данных в родственных или окружающих языках. Однако, на наш взгляд, данные, приводимые в книге И. М. Стеблина-Каменского [Ст.-Кам., 75-78] из памирских языков со значением «кориандр», «кишнец», и кроме того татарские диалектологические данные несомненно имеют отношение к чувашскому *кашлич*, ср. вах. *gəşniç*, ишк. *gaşniç* «кориандр». И. М. Стеблин-Каменский их возводит к тадж. и перс. *gaşniç* «кориандр, кишнец». Ср. еще тат. диал. *гәжнич, газнич, гәзнич* «козлец» [Диалектологик сузлек, III, Казан, 1958, с. 241].

Данное слово, по-видимому, проникло и в некоторые тюркские языки, ср. узб. *кашнич* «Овқатни хушхўр қилиш учун солинадиган сербарг хушбўй ўсимлик». [ТСУЯ, I, 374], тур. *kişniş* «кориандр посевной», аз. *кешниш* «кориандр» [РАСл., II, Баку, 1941]. Русское *кишнец* «тж», по мнению М. Фасмера [Фесмер, II, 243], восходит к тур. *kişniş*.

Нам думается, что и чувашское слово *кашлич* является опосредованным заимствованием из персидского языка.

Върман-кёпци «лесной дягиль» [Ашм., V, 323], букв. трубочатовидная съедобная лесная трава.

Върман-супӑнӑ назв. раст. [Ашм., V, 323], букв. лесное мыло. В этом метафорическом названии видовое понятие *върман*, как и в вышеприведенных названиях (ср. *върман йёпленчи, върман-кашличи, върман-кёпци*), очевидно, обозначает место произрастания данного растения. Оно названо мылом (*супӑнӑ*) благодаря его способности мылиться при растирании с водой. В сходном с ним образовании *хир супӑнӑ* назв. раст. [Ашм., XVI, 126] также содержится указание на место произрастания. В чувашском языке встречаются также составные названия растений, в которых носящим смысловую на-

грузку первым компонентом является *супӑнь*, а в роли второго компонента выступают общие элементы *курӑк*, *чечек*: *супӑнь курӑкӗ*, *супӑн курӑкӗ* назв. раст. [Ашм., XI, 189], *супӑнь чечекӗ*, *супӑн чечекӗ* «тж» (там же).

Вӑрман-тӑрна-пӑрси (?) назв. раст. [Ашм., V, 324], букв. лесной журавлиный горох, ср. *тӑрна пӑрси* — в разных источниках Словаря Н. И. Ашмарина с разными значениями: «чина гороховая», «чина весенняя», «журавлиный горох», «вика» [Ашм., XIV, 326]. Это же название встречается и с переднеязычными гласными: *тӑрне пӑрси* назв. раст. [Ашм., XV, 90].

Модель журавлиный горох встречается не только в чувашском, но и в татарском языке, ср. тат. *торна борчагы* «мышинный горошек», но букв. журавлиный горох, тат. диал. *торна борчагы* «сочевичник» (= «чина весенняя». — Ю. Д.). Нам кажется, это название связано с тем, что плоды-горошины данного растения охотно поедаются журавлями.

Вӑрманти сысна-курӑкӗ назв. раст., *Atriplex* [Ашм., V, 323], букв. свинья-трава лесная (*Atriplex* = лебеда). Данную траву с травой *сысна курӑкӗ* (см. выше у *вӑкӑр-хӑри*) «мята, подорожник, одуванчик» [Ашм., XI, 120], по-видимому, связывает свойство служить кормом для свиней. *Вӑрманти сысна курӑкӗ* это «лебеда, произрастающая в лесу».

Вӑрман-чавка-пуçӗ «клевер» (см. выше у *вӑкӑр пуç*).

Вӑлле курӑкӗ назв. раст. [Ашм., V, 348], букв. улей-трава.

Вӑлтӑрен или **вӑлтрен** «крапива» [Ашм., V, 352-353], *вӑтрен* «тж» [Ашм., V, 385], *вильтрень* «тж» [Золот.].

В. Г. Егоров [ЕгорЭСЧЯ, 51], установив корень данного слова (*вӑт-*), правильно приводит его соответствия из родственных тюркских языков. С нашей точки зрения, мнение Р. Г. Ахметьянова [Ахмет., 87], сравнивающего чув. *вӑт-* «палить, жечь» с общетюркским *өрт-*, недопустимо, т. к. общетюркские соответствия чувашского *вӑт-* должны начинаться с гласного *ӱ*, ср. др.-тюрк. *üt-* «to singe» (опалить, обжигать) [Clauson, 40] или *ütü-* «гладить» [ДТС], а анлаутный *ө*, по правилу, должен иметь место только в башкирском и татарском языках, ср. тат. *өту-* «палить, обжигать».

Предполагая, что *-(ё)р-* в данном слове является аффиксом понудительного залога, *вётёрен* можно членить следующим образом: *вёт-ёр-ен* < *вёт-* «палить, обжигать», *вётёр-* «заставить жечь» (только потенциальная форма), *вётёрен* (палящее, обжигающее (растение)), где *-ен* представляет собой аффикс причастия архаичного характера [см. об этом Левит., 92-93].

В остальных тюркских языках крапива по своему значению это — растение, вызывающее зуд, ср. узб. *кичитқон*, тат. *кычыткан* и пр. В их основе лежат понятия «чесаться», «зуд», а грамматически оформлены тоже с помощью причастного аффикса *-кан/-кен, -ган/-ген*. Подобно модели, встречающейся при чувашском названии крапивы, в монгольских языках слово, обозначающее крапиву, также образовано от глагола обжигать (< *хал(а)*, ср. монг. *халгай*, бур. *халаахай*, калм. *халухн* «крапива» [Будаев, 81]).

В литературной форме чувашского названия крапивы (*вёлтрен*) *л* перед *т*, вероятно, неэтимологический.

В нижеследующих названиях трав *вёлтёрен/вёлтрен* выступает в роли видового понятия или определительного компонента, ср. *вёлтёрен пурçанё* «повилика» [Ашм., V, 353], *вёлтрен-порçан* назв. травы [Ашм., V, 385], букв. шелк крапивы, ср. тат. *кычыткан ефәге* «повилика» (букв. шелк крапивы); *вёлтёрен уки* «повилика» [Ашм., V, 353], букв. позумент, мишура крапивы; *вёлтрен çиппи* назв. раст.; «пряжа из крапивы» [Ашм., V., 354], *вёлтрен-çипё* «ползучее паразитное растение» [Ашм., V, 385], букв. нить крапивы; *вёлтд'рен пырши* назв. раст. [Ашм., V, 353], букв. кишка крапивы; *вёлтрен çăпан* назв. раст. [Ашм., V, 386], букв. крапивный нарыв, фурункул; *вёлтрен-корёк* «ползучее растение» (*Glechoma hederacea*) [Ашм., V, 385], букв. крапива-трава.

В основном речь идет здесь о сорных, паразитирующих преимущественно на крапиве растениях или же о растениях, имеющих какое-нибудь сходство с крапивой, ср. *вёлтрен-корёк*. Возможно даже, что все эти описательные названия (ср. *вёлтрен çиппи, вёлтрен пырши, вёлтрен çăпан*) обозначают сорное растение — повилику, обвивающее крапиву своим нитевидным стеблем полностью и питающееся из соков крапивы с помощью вздутий-присосок. А в названиях *вёлтёрен пур-*

çанĕ и *вĕлтĕрен* уки отражается и приятный внешний вид повилики.

Вĕрĕлнĕ-курăк назв. раст. [Ашм., V, 367]. По всей вероятности, данное название образовано от глагола *вĕрĕл-* «заболеть повторно (той же болезнью)», «простужаться (после белезни)» с помощью аффикса причастия прошедшего времени *-нĕ* и обозначает «траву для лечения повторно заболевшего человека».

Вĕрĕлмĕш-курăкĕ назв. раст. [Ашм., V, 369]. Это название, как нам кажется, синонимично с предыдущим *вĕрĕлнĕ-курăк*. В их основе лежит один и тот же глагол *вĕрĕл-*, но в данном случае к нему присоединяется аффикс *-мăш/-мĕш*, производящий в чувашском языке слова со значением действующего лица и результата действия [см. Левит., 161-162]. Таким образом, *вĕрĕлмĕш* может обозначать повторно возникшую болезнь у человека. А *вĕрĕлмĕш-курăкĕ* (с метатезой в основе) обозначает траву для лечения повторно заболевшего человека, см. *вĕрĕлнĕ-курăк*.

Вĕçекен-курăк «одуванчик» [Ашм., V, 372], букв. летучая трава (<*вĕç-* «летать»+аффикс причастия *-екен*, выражающий действие, присущее предмету вообще, как сго постоянное свойство [об *-акан/-екен* см. Левит., 93—94]).

«метлица» (*Artemisia spica*) [Ашм., V, 373], **Вĕçкĕн-курăк** *вĕскĕн* «мятлика» (м. б. *вĕçкĕн*) [НА ЧНИИ, отд. I, т. 177, с. 319]. *Вĕçкĕн*, должно быть, образовано от глагола *вĕç-* «летать» с помощью аффикса *-кĕн*, имеющего значение носителя процесса и признака [о *-кăн/-кĕн* см. Левит., 156]. В конечном счете значения этих двух трав тождественны: под *вĕçкĕн-курăк* тоже подразумевается «летающая, (постоянно) развевающаяся (на ветру) трава».

Вĕтĕрти-курăк назв. раст. [Ашм., V, 384]. Такое название, хотя и не в качестве собственного фитонима, встречается еще и в ЧРСл-е под редакцией М. Я. Сироткина и переводится как «колеблющаяся травинка». *Вĕтĕрти* образовано от звукоподражательного слова *вĕтĕр* — подражание мелким и частым движениям — с

помощью аффикса *-ти*. Этот аффикс обычно образует прилагательные со значением: «склонный к производству шума или образного движения», ср. *вйшъл-вйшъл ҫил* ~ *вйшълти ҫил* «легкий, слабый ветер», *вётёр-вётёр курӑк* ~ *вётёрти курӑк* «колеблющаяся травинка» [об аффиксе *-ти* см. Павл., 1965, 150—151]. *Вётёрти*, значит, имеет значение «трепещущийся, колеблющийся». Должно быть, этот признак, т. е. постоянное трепетание, колебание какой-то определенной травы играл главную роль в ее названии.

Вилнӗ-ҫын-кӗпҫи назв. раст., букв. трава покойника (т. е. умершего человека), *вилнӗ-ҫын пӑрҫи* назв. раст., букв. горох покойника, *вилнӗ-ҫын-ҫырли* «шиповник» [Ашм., V, 234], букв. ягода покойника, *вилнӗ-ҫын-ху-паххи* назв. раст., вроде лопуха [Ашм., V, 415], букв. лопух покойника.

Чем мотивированы значения наименований этих трав, трудно пока объяснить. Можем только предполагать, что они связаны с какими-либо суеверными представлениями. Относительно *вилнӗ-ҫын-ҫырли* «шиповник» очень ценное сведение находим в этнографическом описании К. Прокольева [Прокопьев, 12-13]. Он пишет: «В левую руку покойника дают прут из таволги, а если не окажется таволги, то шиповник; а если и этого не окажется, то дают стебель полыни. Но больше всего предпочитается таволга, так как она, как весьма крепкое дерево, всего надежнее для отогнания злых духов, с каковой целью собственно и дается покойнику хворостинка».

В этих описательных трехчленных названиях трав в роли видового понятия выступает двучленное глагольно-именное словосочетание (*вилнӗ ҫын*) и общие элементы, обозначающие травы (*кӗпҫе*, *ҫырла*) или собственные фитонимы (*пӑрҫа*, *хупах*).

Вир-кӗпҫи «жирное зонтичное растение, похожее на укроп и полое внутри. Его едят»; «собачья петрушка» [Ашм., V, 237]; букв. просо трава его; *вир курӑкӗ* «тимофеевка», «ситник сплюснутый» [там же], букв. просо трава его; *вирпуҫлӑ-хӑмӑш* «манник высокий» [там же], букв. камыш с просовидной головкой; *вир-чечек(ӗ)* назв. раст. [там же], букв. просо цветок его.

В этих наименованиях хорошо прослеживается характерное свойство народных названий фитонимов, а именно то, что в разных местностях одним и тем же

названием именуют разные растения, ср. название *вир-кёпши* в чувашских говорах употребляется и для наименования зонтичного, похожего на укроп, полого, съедобного растения, и для наименования зонтичной же, но ядовитой собачьей петрушки, а названием *вир курăкĕ* в одном месте именуют тимофсевку, в другом — ситник сплюснутый.

Несмотря на разновидность этих растений, все же кое в чем они должны быть схожими между собой и вместе с тем иметь какие-то сходные черты и с просом, т. к. не может быть случайностью, что во всех этих названиях первым компонентом выступает слово *вир* «просо». Это, возможно, мотивировано такими свойствами, как, например, высокие полые стебли вышприведенных растений, их злаковые или зонтичные головки-соцветия, напоминающие просо. К примеру, зерна манника (*вир-пуçлă-хăмăш*) раньше употреблялись для приготовления каш под именем манной крупы, наряду с зернами кровавого проса (см. об этом Меркулова, 123-124).

Краткое и в основном правильное изложение происхождения чувашского слова *вир* «просо» представлено в этимологических словарях В. Г. Егорова и М. Ряснана [см. ЕгорЭСЧЯ, 54; Räs EWb, 370 (a)]. *Вир* оба они выводят из древнетюркского *öjür* «просо», приводя к нему и небольшой сопоставительный материал. Нам кажется, все же правильнее исходить из древнетюркской формы *ügür* «просо» [ДТС] > *üjür* «тж» [ДТС, Clauson, 275-276] > **üvür* > **övür* > **ëvir* > чув. *вир* «тж». К чув. *вир* относятся и тат., башк. *өйрә* «суп из крупы» и тат. диал. *урә* «тж». Тат. *өйрә* могло быть заимствованным из болгарского **övrä(g)*.

Вир, значит, по своему происхождению, — тюркское слово. Однако несмотря на то, что *ügür*, *üjür* имелись уже и в памятниках древне- и среднетюркского языков, все же слово это распространилось только в очень ограниченном количестве тюркских языков, фактически только в поволжских языках. (Чув. *вир* перешло еще и в марийский язык с тем же значением). [см. RäsČLČ, 121].

Большое распространение получило в тюркских языках другое слово для обозначения проса, ср. др.-тюрк. *tariç* «зерно, злаки, хлеб», «просо», «земледелие, землешество» [ДТС] и его соответствия. Этому слову в чу-

вашском соответствует *тырă* «хлеб, хлеба, зерно», «посев, посе́вы», однако оно не сохранило значения «просо». Известно, что просо является первой и наиболее древней земледельческой культурой. Отсюда и перенос значения в чувашском в сторону расширения.

Вир-ял-сарри «папоротник» [Ашм., V, 239], [см. Дмитриева Ю., ЭНТР, 29].

Виç-йоплĕ-корăк назв. раст. [Ашм., V, 249], букв. трава с тремя разветвлениями; *виç кĕтеслĕ хомăш* назв. раст. [там же], букв. треугольный камыш.

В обоих случаях трехчленные описательные названия даны по характерному для данных растений морфологическому признаку стеблей.

Вупăр курăкĕ «чертополох» [ЧРСл.]; *вупкăн курĕкĕ*, ~ *курăкĕ*, ~ *корăк*, ~ *корĕк* «земляные орешки» [Ашм., V, 273] [см. Дмитриева Ю., ЭНТР, 21].

Вус-çĕлчи-корăк назв. раст. [Ашм., V, 274], букв. трава с листьями как у осины. Основой наименования послужило сходство листьев данной травы с осиновыми листьями.

Вут-курăк назв. раст. (или *шăши вут*) [Ашм., V, 278], букв. огонь-трава (или мышинный огонь). В чувашском литературном языке последнему соответствует словосочетание *шăши вучĕ* «гнилушка, светляк» [ЧРСл.]. Н. И. Ашмарин так мотивирует название *вут-курăк*: «дает ночью свет в первые дни цветения».

Выльăха кĕпĕнтерекен курăк назв. раст. [Ашм., V, 202], букв. трава, вызывающая вздутие живота скотины.

Вырăс мĕйне назв. раст. [Ашм., V, 210], букв. русская лебеда; *хĕрлĕ мĕйне* «щирца» [Ашм., XVII, 50], букв. красная лебеда; *хура мĕйне* назв. раст. [Ашм., XVI, 203], букв. черная лебеда; *хура вĕрĕллĕ мĕйне* назв. раст. [Ашм., XVI, 201], букв. лебеда с черным семенем; *мĕйне* «лебеда».

Чувашский *мĕйне* «лебеда» в остальных тюркских языках Поволжья не имеет параллелей. Однако встре-

чается в горном наречии марийского языка, ср. мар. г. *муян* «лебеда». По мнению М. Р. Федотова [Фед., II, 204], в чувашском *мӑян* является заимствованием из марийского языка. Но тот факт, что кроме *муян*, встречающегося только в горномарийском наречии, в марийском распространено еще и другое, общемарийское название лебеды, ср. *коншудо*, дает основание предполагать обратный процесс заимствования, т. е. из чувашского в марийский язык.

Приводимое В. Г. Егоровым [ЕгорЭСЧЯ, 131] число соответствий к чувашскому *мӑян* из других тюркских языков мы можем лишь дополнить, ср. чаг. *بیان* «лекарственная трава» [Буд., I, 298], тар. *буја* «сорная трава на пашнях (с белыми листьями)» [Радл., IV, 1810]; тур. *bojan* «осока» [Радл., IV, 1658], *boyan* «лакричник, солодка», аз. *bijan* «лакричник, солодовый корень», туркм. *буян* «солодка голая»; к.-калп. *боюн* «солодка», каз. *мыя* «солодовый корень» [КРСл., Алма-Ата, 1945 г.], кирг. *мыя* «название горькой травы с желтым цветком»; узб. *кизилмия* «солодка» [РУСл., М., 1954], уйг. *bija* «сорная трава» [УРСл., 1939 г.]. В этих данных заметное расхождение в значениях; фигурируют значения «солодка» и «сорная трава (лебеда)». Семантический сдвиг «солодка» > «лебеда», по-видимому, объясняется тем, что в Чувашии солодка не растет и ее название было перенесено на внешне похожее растение лебеду.

Трудно сказать, когда и откуда появилось в чувашском слово *мӑян*. Его анлаутный *м* мог возникнуть из старотюркского анлаутного *б* под воздействием ауслаутного *н*, ср. пратюрк. **boŋ* «шея» ~ чув. *май* «тж» [Rópa-Tas A., Bevezetés..., p. 83].

Буя со значением «лакричный корень» встречается и в калмыцком языке, где оно, должно быть, заимствовано из тюркских языков, а не наоборот, как это считает Ц.-Д. Номинханов [см. Номин., 294-295], предполагая, что это слово существовало уже и в старокалмыцком. Наши предположения (*буя*: тюрк. > калм.) основываются на том, что калм. *буя* ни в монгольском, ни в бурятском языках не имеет соответствий.

Вырӑс пултранӗ назв. раст. [Ашм., V, 211], букв. русский борщевик [*пултран* см. Дмитриева Ю., ЭНТР, 23-25].

Вырӑс ут-кӑшкарё «щавель» [Ашм., V, 209], букв. русский конский щавель; *йӱҫ-кӑшкар* «щавель» [Ашм., V, 36], букв. кислый щавель; *кӑшкар* «конский щавель» [Ашм., VII, 218]; *кӑшкар-кӑпҫи* «тж» [Ашм., VII, 219]; *кӑшкар-ути* «тж»; *кӑшкар-ути-кӑпҫи* «тж» [Ашм., VII, 218]; *лаша-кӑшкар, лаша-кӑшкар-ути* «конский щавель» [Ашм., VII, 66], *сойа-кӑшкар-вути* «конский щавель (?)» [Ашм., VII, 219], букв. ложная щавель-трава; *ҫерҫи кӑшкарё* назв. раст. [Ашм., XII, 89], букв. воробьиный щавель; *ҫын кӑшкарё* «щавель» [Ашм., XII, 104], букв. человеческий щавель (т. е. съедобный для человека щавель); *тӑвар кӑшкарё* диал. «щавель кислый» [ЧРСл.], букв. соленый щавель; *ут-кӑшкар-ути* «конский щавель» [Ашм., VII, 218]; *шӑши кӑшкар вути* назв. раст. [Ашм., XVII, 365], букв. мышинная щавель-трава; *чӑн кӑшкар* «щавель» [Ашм., VII, 218], букв. настоящий щавель; см. еще *анат-кас-ути* «конский щавель» [Ашм., II, 227], букв. трава нижней улицы, *ут хӱри* «щавель (вероятно, конский)» [Ашм., III, 318], букв. хвост лошади.

Чувашский *кӑшкар* «щавель» среди тюркских фитонимов, обозначающих щавель, как будто стоит одиноко, не имея в них никаких параллелей. Вероятно, и это является причиной тому, что до сих пор никто не высказывал свои соображения относительно происхождения этого слова.

По нашим наблюдениям, общепринятой моделью для названия щавеля в тюркских языках является метафоричное выражение «баранье ухо», что, без сомнения, мотивировано схожестью листьев щавеля с бараньими ушами. Ср. тур. *kuzukulađi* «щавель»; кум. *кӱзукӱлакӱ* «тж»; ног. *козгалак* «тж»; тат. *кузгалак* «тж» → мар. (волж., бирск. гов.) *козгалык* «тж» [Исанбаев 1978, 24], удм. *кузькылак, кузькалак* «тж» [Алат., 45], эрзя *козьгалав* обл. «щавель», мокша *козгалак* «тж»; уйг. *коза кулак* «тж». В этих же языках баранопроизводителя называют другим словом, ср. др.-тюрк. *qoҫnar* «баран-производитель», *qoҫnar* «баран», *qoҫqar* «баран» [ДТС]; тур. *koҫkar* «баран-боец»; кум. *кӱочкӱар* «баран»; ног. *кошкар* «баран-производитель»; уйг. *кочкар* «баран»; тат. диал. *кучкар/куцкар* «баран», башк. *кушкар* «племенной баран». С *кочкар* нам нигде не встречалось название щавеля, но в этом и нет необходимости, т. к. составным названием *козгалак* это зна-

чение уже передано в каждом из тюркских языков, за исключением чувашского. Тем интереснее заметить, что, по нашему мнению, чувашский язык при наименовании щавеля воспользовался той же самой моделью, что характерна для тюркских языков в целом, употребив для этого тюркское слово *кочкар/кучкар/кушкар* со значением «баран», «баран-производитель». Татарское диалектное (мишарское) слово *кучкар* «баран» или же башк. *кушкар* «племенной баран» было заимствовано чувашами для названия *кӑшкар-ути*, т. е. травы-щавеля. В чувашском названии щавеля модель «баранье ухо» чуть упростилась, «ухо» только подразумевалось, и осталась модель «баранья-трава», т. е. *кӑшкар-ути*. В связи с повсеместным и повседневным использованием этой травы в быту *кӑшкар* приобрел более однозначный, самостоятельный характер, поэтому не было необходимости в постоянном употреблении второго компонента (*утӑ, кӑрсе*), он мог и выпадать. По этой причине встречаются оба варианта: *кӑшкар, кӑшкар-ути, (кӑшкар-ути-кӑрсе)*; *лаша-кӑшкар, лаша-кӑшкар-ути* и т. п. А у первого компонента (*кӑшкар*), постепенно утратившего свое первоначальное значение, сохранилась лишь его назывная функция. О том, что значение первого элемента (*кӑшкар*) носителями языка забыто, говорят чув. *лаша-кӑшкар, лаша-кӑшкар-ути, ут-кӑшкар-ути*, тат. диал. *алаша кузгалдагы, ат кузгалдагы, ат кучкылак* со значением «конский щавель», «конская щавель-трава», но букв. конская баран-трава, конское баранье ухо, где, по-видимому, отражается подвижный классификационный признак: съедобный-человечий ~ дикий, несъедобный-лошадиный, собачий, ср. чув. *сын кӑшкарӑ*, тат. диал. *кеше кузгалакы*.

Как видно, в чувашском названии щавеля прослеживается процесс превращения метафоричного названия «баранье ухо» в собственный фитоним *Rumex*, имеющих самостоятельный, однозначный характер.

Кроме общеупотребительного названия щавеля (*кӑшкар*), в чувашских говорах сталкиваемся еще и с другими названиями щавеля. Одно из них чув. диал. *кӑш-ути* «кислушка, щавель» [Ашм., VII, 213]. Мы уверены, что название *кӑш-ути* тождественно с моделью *кӑшкар-ути*, т. к. их исходные татарские формы *куч* и *кучкар* когда-то, вероятно, были синонимами. *Кӑш*, должно быть наподобие *кӑшкар*, проникло в чувашский язык из

татарских диалектов, где имело форму *куч* и значение «баран» или «баран-производитель». *Куч* зафиксировано всего лишь в Диалектологическом словаре татарского языка и участвует только в словосложении *кучкылак* «щавель» без расшифровки значений его составных частей. Тат. диал. *куч* тюркского происхождения, ср. др.-тюрк. *qoç* «баран» [ДТС], чаг. *коч* «баран»; храбрый, сильный, щедрый» [Радл., II, 615-616]; тур. *коч* «баран»; туркм. *гоч* «баран-производитель», кар. *къоч* «баран»; итак, тат. диал. *кучкылак* «щавель» < *куч* «баран» + диал. *кылак* ~ лит. *колак* «ухо». А чув. диал. *каш-ути* «щавель» буквально обозначает: «баранья трава» (так же как и *кашкар ути*).

Из татарского же языка заимствовано и чув. диал. *кама́слăх* «кислятка (трава)» [Ашм., VII, 141], ср. тат. диал. *кымыз*, *кымызлык* «щавель» [ДСТЯ], тат. *кымызлык* «место, где изготавливают кумыс»; диал. бот. «кислица» [ТРСл.]. Тат. диал. *кымызлык* морфологически членился по-следующему: *кумыз* «кумыс» + *-лык* — аффикс, образующий имена со значением названия мест, где скапливаются, хранятся или заготавливаются те или иные вещи, предметы (определяемые в основе), ср. *печәнлек* «сеновал», *сулык* «водоем», *сүзлек* «словарь» [СТЛЯ, 145].

Чув. диал. *шапшă вути* «щавель» [Ашм., XVII, 129] марийского происхождения. Такое название щавеля употребляется только чувашами, живущими в пограничной с марийцами полосе [см. об этом слове СергЧМЛП, 430; Лукоянов, 53]. Оба эти авторы чув. диал. *шапшă вути* возводят к марийскому *шавшуды*, *шапшудо*, *шопшудо* «щавель», букв. кислая трава. В основе горно-марийского *шавшуды* «щавель» лежит слово *шапы* «квас; кислый; тухлый» и присоединяется к нему слово *шудо* «трава». Чуваша при заимствовании этого названия его членили, как им это слышалось, на свой лад. Таким образом, мар. *шавшуды* они воспринимали как *шапшă ути* или *шапшă вути*.

* * *

По материалу двух статей создается определенная картина относительно происхождения названий травянистых растений чувашского языка. Среди них находим собственно чувашские образования: а) на базе иско-

ных основ: *а́вәнь, варайш, вёлтёрен, йёпленчё, кёпсе, куря́к, пултран, ута́, хупах, хыт-хура* и т. д. б) на базе тюркских (общетюркского типа) заимствованных основ: кыпчакские: *а́вәш, а́ншәрт, кәшкар ути, кәш ути* и т. д.; татарские: *алмаккай, ача́лташ, ка́мәслах, кашлинчё* (←иран.), *хавтан* (←монг. ←протобулг.), *антәс* (←перс.) и т. д. в) на базе заимствований из финно-угорских языков: слова удмуртского происхождения: *кикен, саря́к*; марийского происхождения: *шапшә вути* и т. д. Отдельную группу составляют слова пока неясного происхождения: *ат-куря́кё, ата́ куря́кё, ата́ш, атка́ләх, атта́к* и т. д.

Общим способом создания дву- и трехчленных наименований трав можно считать образование названий с помощью метафоры. Эти образные наименования по сравниваемым в них признакам очень богаты и различны. Самую многочисленную группу среди них составляют названия, отражающие какую-нибудь связь растений с животным миром. Чаще всего встречаются названия, сравнивающие растения с какой-либо частью тела животных или даже человека: *атан ори* назв. раст. (букв. петушья нога), *вакша-ху́ри* «хвощ» (букв. беличий хвост), *ва́ка́р пу́с* «клевер» (букв. бычья голова), *ва́ка́р-ху́ри* «подорожник» (букв. бычий хвост), *кайя́к пу́с* «клевер» (букв. птичья голова), *кутан пу́с* (букв. голова пескаря), *кушак ху́ри* (букв. кошачий хвост), *та́хран пу́с* (букв. дятлина голова) «клевер»; *упа лаппи* «папоротник» (букв. медвежья ступня), *чавка пу́с* «клевер» (букв. галочья голова); *ёмчёк-куря́кё* «клевер» (букв. соска-трава), *аслатте порнески Ivis sibirica* (букв. дедушкин наперсток), *пашпарник* «подорожник» (←тат. *баш бармак* «большой палец»).

В другой группе метафоричных названий, связанных с животным миром в качестве второго компонента, выступают слова, обозначающие общие элементы для трав (*кёпсе, куря́к, ута́*). В этих случаях наименования, возможно, мотивированы сходством растений с животными, возможно, тем фактом, что данные растения охотно поедаются теми самыми животными, названия которых содержатся в первом компоненте: *анчя́к-куря́к* «ромашка» (букв. собачья трава), *атан кёпчи* назв. раст. (петушья трубчатовидная трава), *а́сан-куря́кё* назв. раст. (букв. тетерева трава), *вакша-корёк* «хвощ» (букв. беличья трава), *варани кёпчи* назв. раст.

(букв. воробьиная трава), *ҫерҫи кёпҫи* «тмин» (букв. воробьиная трава), *ҫерҫи ҫеҫки* назв. раст. (букв. воробьиный цветок), *чёкеҫ курăкё* «подорожник» (букв. ласточкина трава), *сысна курăкё* «подорожник» (букв. свиная трава), *тăрна пăрҫи* «чина гороховая» (букв. журавлиный горох).

Встречаются метафоричные названия, реализующие сходство или связь (отношение) окружающих нас предметов и отдельных частей растений: *кўмме корăкё* «подорожник» (букв. кибитка-трава), *шёшлё курăк* «папоротник» (букв. кочедыжная трава).

Одной из интереснейших задач при лингвистическом изучении лексики флоры является рассмотрение признаков, лежащих в основе номинации отдельных растений. Что касается чувашских названий трав, то в рассмотренном нами материале выделяются такие принципы номинации как: 1) применение трав против болезней (*вар-вигти-курăкё*, *вёрёлнё-курăк*, *вёрлёмёш-курăкё*) или же предполагаемых болезней (от сглаза, порчи и т. п.), якобы причиняемых злыми духами (*алпастă курăкё*, *ăвăн-курăк*, *ăйхă-курăкё*, *ăншăрт курăкё*, *вупăр курăкё*, *вупкăн курăкё*, *ие курăкё*), или их возможное применение в ритуальных обрядах (*вилнё-сын-кёпҫи*); 2) определенное воздействие данной травы на живой организм (*аташтаракан курăк*, *выльăха кўпёнтерекен курăк*); 3) вкусовые качества растений (*ачăлташ*, *йўҫ-кăшкар*, *пыл курăкё*, *тутлă хопах курăк*, *шапшă вути*); 4) цветовые признаки (*хёрлё послă корăк*, *шурă тăхран пуҫ*); 5) место произрастания (*ана-пыйти*, *вăрман йёпленчи*, *вăрман-кашличи*, *вăрман-кёпҫи*, *вăрман-супăнё*, *сул курăк*); 6) морфологический признак растений (*виҫ-йоплё-корăк*, *виҫ кётеслё хомăш*, *картлă курăк*, *шăнăр курăк*); 7) определенное действие, характеризующее данное растение вообще как сго постоянное свойство (*вёҫекен-курăк*, *вёҫкён-курăк*, *вётёрти-курăк*).

Надо сказать, что и в случае однословных названий с ясной этимологией принципом номинации послужил самый характерный признак данного растения, отделивший его от других растений (*варăш*, *кёпҫе*, *хăвăш* «трубчатовидная, имеющая середину, сердцевину, полая трава», *вёлтёрен* «крапива» (букв. палящее, обжигающее растение), *йёпленчёк* «жабрей» (букв. колючее растение).

Л. П. ПЕТРОВ

Большинство наименований, относящихся к орнитофауне, представляет собой один из древнейших лексических пластов не только чувашского, но и почти всех языков. В этом мы убеждаемся, подвергая этимологизации все новые и новые чувашские наименования птиц, часть которых в чувашеведении проанализирована нами впервые [см. Петр., I, 56—74; Петр., II, 19—34].

В настоящей статье в виде небольших этимологических этюдов-очерков даются лингвистические описания некоторых однословных названий птиц, как общелитературных, так и узколокальных.

Арункăш, варианты *рункăш*, *ронкăш* «ореховка», *Nucifraga caryocatactes*; «кукша» или «ронжа», *Cractes infaustus*.

Это наименование приведено в словаре Н. И. Ашмарина: *ăрункăш*, назв. птицы [Ашм., IV, 59], *ронкăш*, назв. птицы [Ашм., X, 219]. Однако в позднейших двуязычных словарях чувашского языка оно не зафиксировано. Тем не менее, *ăрункăш* ~ *рункăш* часто встречается в произведениях чувашских писателей: *Ачасем хура рункăш кайăка, сăнчасă, шăкăлчисене т. ыт. те кураççĕ, сăнаççĕ, вĕсен йăлисемне паллашаççĕ* [Хв. Уяр, Ешĕл хунав] «Дети видят черную ронжу, поползня, щеглов и т. д., наблюдают и знакомятся с их повадками».

Чувашское наименование ореховки или кукши (ронжи) в этимологической литературе почти не встречается. Лишь Л. П. Сергеев вскользь отметил: «*ронкăш*, назв. птицы, которое употребляется в основном в малокарачкинском говоре верхового диалекта, заимствовано из марийского, ср.: мар. г. *ронгыш* «седой», *ронгыжангаш* «сесть» [ЧЯЛФ, II, 422]. В данном случае марий-

ский термин и его производное полностью подтверждают точку зрения Л. П. Сергеева. Действительно, мар. г. *ронгыж* «седой; седина; седые волосы»; «ореховка» [Упым., 344; Сават., 139].

Из приведенных примеров можем допустить, что в марийском языке такая номинация дана по характерному цвету оперения птицы. «Ронжа, или кукушка, окрашена в скромный, буровато-серый наряд, на фоне которого выделяется яркое ржавчатое или рыжее надхвостье» [ОП СССР, 210]. То, что это слово действительно является марийским заимствованием, может подтвердить и следующее обстоятельство: в чувашском языке слова собственного происхождения с инициальным *p*-отсутствуют. Чаще всего в заимствованиях такого порядка в начале слова вставляется какая-нибудь протетическая гласная фонема, ср.: русск. *род* ~ чув. *а́рат*, русск. *рожь* ~ чув. *ыраш* и т. д.

Почти в одном ряду как в фонетическом, так и семантическом отношениях с марийским термином *ронгыж* и чувашским *рункаш* стоит русское наименование этой птицы, а именно *ронжа*.

М. Фасмер отмечает, что обычно русск. *ронжа* считается заимствованием из балтийских языков, ср. литов. *rašis* «ореховка» (птица из семейства вороновых.— Л. П.) < *ranžis*, латыш. *ruoze*, *ruozis* «ореховка», но финское посредство до сих пор доказать не удалось [Фасм., III, 501].

Варапи, варапи, диал. «воробей», *Passer domesticus* [Ашм., V, 174-175; СергДСЧЯ, 13].

Хотя в научной литературе для определения того или иного вида какой-либо птицы закреплена единая нормативная терминология, которая считается эталоном-определителем, но в народной номенклатуре данные особи употребляются без учета присущих им видовых или родовых отличий. Так, напр., в семействе воробьиных группируются 5 родов, а род «воробей» включает 6 видов нашей фауны, где наиболее известными являются *домовый воробей* (*Passer domesticus*) и *полевой воробей* (*Passer montanus*). Упомянутые особи отличаются по своим морфологическим [внешним] признакам; орнитолог эти два вида никогда не путает. Но имеющиеся в сфере употребления чувашского народа термины *варапи* (<русск. *воробей*), *серҗи*, *салакайӓк* не от-

ражают те или иные диагностические детали, присущие, как напр., домовому или полевому воробью. Короче, в одном и том же случае (но в разных диалектах) птицу *Passer domesticus* называют или *варани*, или *џерџи* (кстати, у носителей верхового диалекта последний термин почему-то отсутствует), или *салакайџк* «воробей». Но следует отметить, что орнитологический термин *тџамана* «сова», сочетаясь с приведенными тремя формами, образовал новое орнитонимическое название — *варани тџамани*, *џерџи тџамани*, *салакайџк тџамани* «сыч домовый». Все приведенные двусловные конструкции, которые служат для наименования одной и той же хищной птицы, по своему происхождению выглядят вполне прозрачными и легко объяснимыми.

Этимология *џерџи* разработана нами в предыдущих очерках (см. Пстр., I, 65-66). Термин *салакайџк* «воробей», букв. птица села, состоит из сочетания двух лексических единиц: *сала* (< русск. село) плюс *кайџк* «птица». Данный орнитоним не нуждается в детальном анализе. Несколько подробнее остановимся на фонетических вариантах термина *варани* ~ *варави*. Аналогичные формы находим и в марийском языке, ср.: мар. *орави* «воробей» [ГрузФДМЯ, 83; Шор., 85]; *алык орави* «печочка-теньковка», *орави вџрџш* «ястреб-кобчик» [Эпин., 82]; *ораби* «воробей» [Тр., 41]. По-видимому, в образовании чувашских форм *варани* ~ *варави*, зафиксированных в основном в малокарачкинском говоре верхового диалекта, известную роль сыграли приведенные марийские эквиваленты.

Представляется полезным и интересным привести сопоставительный материал с указанием ареалов для русск. *воробей* из «Этимологического словаря русского языка», ср.: русск. диал. *вирыбей*, севск., укр. *воробець*, *горобець*, *горобель*, *гворобець*, блр. *веребей*, *воробџык*, др.-русск. *воробиш*, русск.-цслав. *врабии*, болг. *врабеи*, сербохорв. *врабац*, словен. *vraabelj*, чеш. *vraibes*, польск. *wrobel* [Фасм., I, 352]. М. Фасмер гипотезу А. А. Шахматова о праслав. **vъorb-* считает сомнительным и отмечает, что из прарусск. **ворбии* заимствовано фин. *vaarpi-* «воробей». Для последнего интересно привести мнение Л. А. Булаховского: «Важным в историческом отношении фактом нужно признать, что очень значительная часть древнейших славянских наименований птиц имеет балтийские соответствия (далеко не всегда,

однако, точные в аспекте сравнительно-историческом), ср.: слав. **vorbyjь*, лит. *zvirbeis*, латыш. *zvirbulis* «воробей» [Бул., 109-110]. Стало быть, русский термин «воробей» нуждается еще в дополнительной этимологической оценке.

Варакшă «ястреб-тетеревятник», *Accipiter gentilis* [личная словарная картотека Н. И. Егорова]. Рассматриваемый орнитоним получил лишь некоторое узколокальное распространение в говорах верхового диалекта. В существующих словарях чувашского языка не зафиксирован. Аналогичное образование отсутствует также в тюркском лексическом фонде. Мы предполагаем, что термин *варакшă* как орнитоним сложился в чувашском языке относительно недавно.

Возникновение же этого слова относится, по-видимому, к финно-угорским языкам. Это мы допускаем на основании имеющих сходных марийских образований. В частности, в числе марийских орнитонимов фигурируют *варакш* «ястреб-цыплятник» [Тр., 5]; с.-зап. мар. *вӱрӱкш*, уф. *варош*, г.-мар. *варакш* «ястреб» [Груз-ФДМЯ, 110]; *вараш* «ястреб» [Шор., 14]; г.-мар *вӱрӱш*, *кальа вӱрӱш* «ястреб-мышатник», *орави вӱрӱш* «воробьиный ястреб» [Эпин., 11]; г.-мар. *вӱраш* «ястреб», *вӱраш цывы* «ястреб-цыплятник», *кӱдыр вӱраш* «ястреб-тетеревятник» [Сават., 19]. Очевидно, приведенные термины и производные слова *вӱрӱш* обозначают птиц из семейства ястребообразных, чаще всего ястреба. В «Кратком этимологическом словаре коми языка» отмечается, что форма *варыш* «ястреб», «коршун» в языке коми сопоставима с удм. *варыш* «ястреб» и восходит к общеперм. **varis*; для сравнения приводится и мар. *вараш*, *вӱрӱш* «ястреб» [КЭСКЯ, 47]. Вместе с тем распространенные среди носителей русского языка Кировской области формы *вараш*, *вораш* «ястреб», как отмечают исследователи, заимствованы из пермских языков в силу табуирования русского названия этой хищной птицы [Фасм., I, 274].

Из языка коми упомянутый термин проник в следующие языки: хант. *варӑс* «ястреб», манс. *воогес* «название одной хищной птицы». В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев приводят мнение Б. Коллиндера, который, сопоставляя целый ряд созвучных слов, пришел к выводу, что фин. *varis* ~ *varikse* «ворона» (ср. мар. *вӱрӱкш* «яс-

треб»), саам. *vuorčes*, морд. *varaka*, хант. *urni*, ненец. *warne*, сельк. *kuerä*, камас. *baari* являются по своему происхождению ономатопоэтическими [КЭСКЯ, 47]. Но марийские и пермские слова отсутствуют у Б. Колиндера.

Вётел «дупель», *Gallinago media*.

Из лексикографических работ впервые слово зафиксировано в 17-томном словаре Н. И. Ашмарина, где оно поясняется: «название птицы, меньше бекаса, с белыми крыльями» [Ашм., V, 381]. В настоящее время этот термин, хотя часто в языке выступает как общелитературный [см. ГСК], локализован в основном в маргинальных говорах верхового диалекта. В современных тюркских языках чувашский термин *вётел* «дупель» параллелей не обнаруживает.

Интерпретация настоящего слова встречается у двух авторов. Так, Л. С. Левитская в своей этимологической заметке предполагает, что данное наименование в чувашском языке, вероятно, заимствовано. Автор приходит к этому мнению, сопоставляя с мар. *вётеле*, *вётелы* «кулик», а также русс. диал. *ветлик*, *виклюк* «вальдшнеп», которое в свою очередь считают заимствованием вепс. *витилик* «бекас», карельск. *викли* [ЛевитЧув. эт., 60].

Действительно, круг терминов, родственных с чув. *вётел*, дополняется лишь марийскими, генетически близкими, образованиями, ср.: мар. *кугу-вётэлэ* «кроншнеп», где *кугу* «большой», букв. большой кулик [Упым., 80]; *вётэлё* «кулик» [ГрузФДМЯ, 143]; *вётеле*, *вётел'е* «тж» [ГрузФДМЯ, 206]; *вётэльы* «тж» [Шор., 20]; *вётэльы* «тж» [Эпин., 18]. Марийский орнитоним *вётеле* (ср.: луговомарийский и восточномарийский *вуетеле*, северо-западный *вуетельы* «кулик») В. И. Алатырев подразделяет на корнесую морфему *вуйт* < **вете* «вода» и на деривационный суффикс -*л'э*, -*л'о*, *л'о* ~ удм. -*ли* [ЗУНИИ, XXI, 7-8]. В марийском языке этот суффикс образовал ряд наименований, напр., луговомарийское *купшыльо*, восточномарийское *кукшульо*, горномарийское *кыпшыльы* «сойка» (→ чув. *кёпшёл* ~ *кёшпёл* «тж»), луговомарийское, восточномарийское *шынгшале*, горномарийское *шакшалы* «ящерица» и т. д.

Выделение в марийском термине корневого слова *вуйт* «вода» вполне оправдано: птицы из отряда кули-

ков в основном гнездятся на болотистых местах или в непосредственной близости от больших и небольших водоемов [ОП СССР, 89]. Лишь некоторые фонетические детали деривационного суффикса *-л'э/-л'ө/-л'о* пока не могут считаться удовлетворительно объясненными. По этому поводу И. С. Галкин пишет: «Вполне возможно, что марийский суффикс *-л'э* уже в домарийское время был с мягким *-л'*, на что указывают данные родственных языков, и оканчивался на гласный *-*э*» [Галк., II, 22].

Какими бы многообразными ни были возможные семантические и фонетические мотивировки суффикса *-л'э/-л'ө/-л'о* [ЗУНИИ, XXI, 5-33; СМЯМ, 113], рассмотренный чувашский орнитоним *вѣтел* выступает как заимствование из марийского.

Кăвакарчăн «голубь», *Columba palumbus*; диал. *кăвакарччын, кăвакарчин, кăвакарçын* [Ашм., VII, 99], *кăвакарччăн, кăвакарçăн, кăвакарччин, коакарччă* [Ашм., VI, 254; МЧД, IV, 74], *коакарччăн, коакарчан* [МЧД, IV, 74], *куакарччĕ* «голубь» [Ашм., XIV, 320], *кăварчăн* [?] «голубь» [Ашм., VII, 101], *куакарччĕ* «голубь» [Ашм., XIV, 320]. Употребляясь в составе различных устойчивых сочетаний, термин *кăвакарчăн* образовал ряд орнитонимических, ботанических и прочих названий: *вăрман кăвакарчăнĕ* «горлица» (букв. лесной голубь), *почта кăвакарчăнĕ* «почтовый голубь», *кăвакарчăн куçĕ* бот. «незабудка», *кăвакарчăн шăтăкĕ* «слуховое окно» [в надворных постройках].

Зафиксированные в памятниках рунической письменности древнетюркские формы рассматриваемого орнитонима [ср. др.-тюрк. *kögürçkän, kökürçkän, kökürçkün* «голубь» (ДТС, 312-313)] в настоящее время встречаются почти во всех современных тюркских языках. Напр.: тат. *кўгерчен*, башк. *кўгәрсен*, тув. *көгәрзин* [Кат., 158], аз. *көкәрчин*, к.-калп. *көгершин*, каз. *кўгөршин*, тур. *g'överjin*, чаг. *köverçken* [СанжММЯП, II, 679], алт. *коголжын* [Верб., 477], туркм. *гогәрчин* «голубь» [Беляев, 120] и т. д.

Этимология этого общетюркского слова в историко-лингвистическом отношении представляется почти прозрачной.

Еще Н. И. Золотницкий для чувашских терминов *квaгарзьын* «голубь» и *квaгарзьын ами* «голубка» су-

мел найти соответствия из родственных и неродственных языков, ср.: тат. *кюгарчин*, алт. *когорчын*, кирг. *кӧгуршун*, также л.-чер. *кегерчен* «голубь» [Золот., 33].

В. Г. Егоров, наряду с многочисленными тюркскими формами, записал и монг. (Замахш.) *кӧверчкен* «голубь» и констатировал, что чув. *кавакарчӑн* происходит от *кавак* «синий», «серый» [ЕгорЭСЧЯ, 97].

Н. А. Баскаков, рассматривая историю происхождения русской фамилии *Гогель*, отмечает, что особенно часто с этой тюркской основой слово встречается со значением «голубь»: тоб. тат. *kügälčin* «дикий голубь», к.-калп., ног. *kogeršin* «голубь», к.-балк. *kögürçün* «голубь», башк. *kügärsin* «голубь», тув. *kögerzin* «дикий голубь»; *kögebuça* «голубь»; *hekkülü* «голубь» [БаскРФТП, 77].

Э. Ф. Ишбердин, вслед за В. Г. Егоровым, возводит башкирский орнитоним *кугӑрсен* «голубь» к *күк ~ көк ~ кӑвак* «синий», «седой», «сизый», «зеленый» [Ишб., 156]. Далее автор вторую часть наименования *-сен*, значение которого, как считает Э. Ф. Ишбердин, утрачено, сравнивает с башкирским словом *эберсен* «горлица» (*күк эберсен > күгэберсен > күгӑрсен*). Но такое объяснение неприслечно хотя бы по двум соображениям: во-первых, история появления и функция аффикса *-эр-* (в других тюркских языках *-ur-*, *-ür-*, *-ar-* и т. д.) в анализе Э. Ф. Ишбердина отсутствуют. Во-вторых, вторая часть *-сен* в составе башкирского наименования птицы встречается во многих тюркских названиях птиц (с вариантами: *чин//чын//шин//шын*), напр.; др.-тюрк. *baligčün* «белая птица, ловящая рыбу»; общетюрк. *lačün ~ laşun ~ ylaaşun ~ ylaşun* «сокол», аз. *көкәрчин* «голубь», башк. *күгӑрсен*, к.-калп. *көгеришин*, чув. *кавакарчӑн* «голубь», аз. *сығырчын* «скворец»; кирг. *баарчын* «беркут», узб. *борчин* «утица» и др. [БазНП, 16]. В связи с этим Д. Х. Базарова, вслед за Г. Касумбейли, выдвигает два предположения: во-первых, элемент *sin||čün||şin* когда-то означал птицу вообще; во-вторых, *čün* в составе некоторых названий птиц (напр.: узб. *борчин* «утица») является вариантом уменьшительно-ласкательного аффикса *-zin*, образующего названия женских особей некоторых используемых в домашнем хозяйстве животных (напр.: узб. *мегажин* «самка кабана»).

На наш взгляд, аффикс *-ар* в чувашском термине *кавак-ар-чӑн* служит для образования отыменного гла-

гола *кӱвак-ар-* «синеть», «сесть», «плесневеть», ср.: тат. *kügär-*, туркм. *gö:ger-* и т. д. Аффикс этот, как отмечает Л. С. Левитская, является общетюркским. Обычно непродуктивный, в новообразованиях он встречается очень редко [Левит., 177]. Элемент же *-чӱн*, по всей вероятности, восходит к вышеуказанному *sin||çin||şin* в значении «птица». Стало быть, *кӱвакарчӱн* означает «голубая птица»; ср. другие тюркские параллели, а также русск. *голубь* в том же значении. Эта птица получила свою номинацию по характерному цвету оперения.

Тюркский термин для обозначения голубя получил распространение в монгольских, ср.: монг. (Замахш.) *кӱверчкен*, калм. *көгэлжиргене*, а также в финно-угорских языках, ср.: мар. *кӱгӱрчен* < тат. [ВМО, 1978, 21], удм. *кӱгӱрсин*, вот. *когырчин*, *кыгылат* [Пот., 252].

Кӱпшӱл «сойка», *Garrulus glandarius*. В словаре Н. И. Ашмарина эта птица характеризуется следующим образом: *Кӱпшӱл вӱрманта порнакан, кӱвакарçын пек, кӱвакарçын тӱслӱ кайӱк* «Сойка лесная, подобная голубю, голубинового цвета птица» [Ашм., VII, 267]. Следует также отметить, что синонимом *кӱпшӱл* в чувашском языке является термин *сульха*, который возник в результате некоторой фонетической трансформации на чувашской почве русского термина *сойка*.

В чувашском языке слово *кӱпшӱл* имеет ряд фонетических вариантов. Так, в малокарачкинском говоре верхового диалекта этот термин употребляется в форме *кӱпшӱльӱ* «сойка» [Ашм., VII, 169]. В среднем говоре чувашского языка (Вурнарский район) зафиксирован вариант *кӱшпӱл* «сойка» [Ашм., VII, 324], который образовался вследствие метатезы согласных фонем *ш* и *п*.

Этимология общелитературного термина *кӱпшӱл* до наших дней оставалась затемненной, хотя диалектный вариант *кӱпшӱльӱ*, как отмечает Г. В. Лукоянов, является заимствованием из марийского языка, ср.: мар. л. *купшӱльӱ*, мар. г. *кыпшыльы* «сойка» [Лук., 57]. Далее, опираясь на работу В. И. Лыткина [см. ЛытИВПЯ, 216], автор предполагает, что марийское слово относится к общефинноугорской лексике: удм. *кукша* «ронжа»; фин. *kuusanka*, *kwiukso* «сойка»; норв.-саам. *guovsak*. На наш взгляд, общефинноугорские слова, приведенные Г. В. Лукояновым для сравнения, к чувашскому

орнитониму *кёпшёл* никакого отношения не имеют, хотя в некоторых случаях по семантике они и совпадают. В частности, общеперм., удм., коми *кукша* «ронжа» следует рассматривать как заимствование из русского языка, а русский термин, как отмечено в «Этимологическом словаре русского языка», в свою очередь, развился из карельского *киикшо* «свиристель» [Фасм., II, 408].

Итак, наименование лесной птицы сойки в тюркских языках отсутствует, в то же время оно большое распространение получило в соседнем с чувашским марийском языке, ср.: *кыпшыльы* «сойка» [Шор., 56]; *кыпшыльы, кымшыльы* «тж» [Эпин, 53]; *купшўльб* «тж» [Упым., 85], *кыпшыльэ, купшульо* «сойка» [Упым., 96]; *купшўлекаик* «сойка» [Тр., 36]; *куп-шюлю-каик* «сойка», «ронжа», *шюлю-каик* «овсянка» [Тр., 85]. В вышеупомянутых марийских терминах можно выделить самостоятельные лексемы *куп* «болото» и *шўль* ~ *шыльы* «овес» (~ чув. *сёлё* «тж»). В подтверждение такому морфемному членению можно привести ряд марийских орнитонимов, образованных аналогичным способом: *куптага* «бекас», букв. болотный барашек; *купчыве* «болотная курица»; *купсарси* «тростниковая овсянка», букв. болотный воробей. Приведенный материал позволяет считать, что термин *купшюлю каик* употреблялся на первых порах в значении «болотная овсянка», а спустя некоторое время марийцы стали использовать его для именования сойки.

Таким образом, чув. *кёпшёл* этимологизируется только на марийской основе.

Куккук, диал. *кукку, кука, кук* [Ашм., VI, 257, 261; МЧД, IV, 81] «кукушка», *Cuculus canorus*.

Интерпретация этого орнитонима не представляет большого труда, однако заслуживает внимания подробная характеристика многочисленных соответствий в тюркских, угро-финских, монгольских и т. д. языках, где название кукушки образовалось на звукоподражательной основе. Небезынтересными выглядят в фонетическом и словообразовательном отношениях различные варианты этого слова, возникшие по характерным законам и особенностям морфологии, лексикологии данного языка, когда как голос кукушки — характерное кукование: двусложное «ку-ку» или трехсложное «ку-ку-ку» [ОП СССР, 110].

В существующей литературе имеется целый ряд замечаний относительно рассматриваемого наименования и часто в них используются одни и те же соответствия. Поэтому мы остановимся лишь на некоторых из них.

Н. И. Золотницкий в своем словаре записал чувашские формы *кук* и *куккук* «кукушка», алт. *кӱӱк*, чув. *чыбар кукук* «серая кукушка» [Золот., 38]. В. Г. Егоров чувашское *куккук* «кукушка» считает звукоподражательным словом и приводит целый ряд тюркских параллелей [ЕгорЭСЧЯ, 115].

Сопоставляя название кукушки в тюркских, угрофинских и индоевропейских языках, В. И. Абаев констатирует, что представленные в этих языках формы образованы в результате подражания голосу этой птицы, ср.: тюркские языки — тур. *kiki*, *kiçik*; тат. *kiki*; шор., саг. *köök*, каз. *kökök*, узб. *какку*, башк. *кәкӱк*, тат. *кӱке*, *кукы*; к ним из своей картотеки добавим к.-балк. *гугук*, ног. *ковкек* [Суюнч., 28], но туркм. *икаток* «кукушка» [Беляев, 120]; угрофинские — венг. *kakuk*, эст. *kõko*, коми *kök*, морд. *kiki*, мар. *куку* [мар. *кӱкӱ* «кукушка» < тат. [ВМО, 1978, 21]; индоевропейские — перс. *кӱкӱ*, ст.-слав. *кукавица*, нем. *Kuckuck*, лат. *cuculus*, фр. *coucou*, англ. *cuckoo* и др. [Абаев, I, 506].

Из монгольских и тунгусо-маньчжурских коррелятов следует привести п.-монг. *хөхөй*; монг. *көкӱге* «кукушка»; бур.-монг. *ехэ хүхы* «кукушка большая», *бага хүхы* «кукушка малая» [Тугутов, СГФ, 127]; маньчж. *кекике* ~ *кәкукэ* «кукушка» ~ монг. *көкӱге*; ольч. *көку* ~ *кеку*; гольд. *көку* [СанжММЯП, II, 679] и т. д. Серии тюркских сопоставлений для кукушки вытекают из историко-этимологических исследований ряда авторов [подробно см. Фасм., II, 404, 407; ПОАЯ, 206; Ramst KWb, 237; ВУЯ, II, 168-169 и т. д.].

В конце следует отметить, что название кукушки почти во всех языках мира является звукоподражательным наименованием.

Текерлёк «чибис», «пигалица» [ЧРСл., 1982, 463], *Vanellus vanellus*.

В чувашском языке данная общелитературная форма представлена несколькими фонетическими диалектными вариантами, ср.: *төкёрлёк*, *төкёрле*, *төкёрлӱ* «пигалица» [Рукописный фонд Н. В. Никольского: НА ЧНИИ, отд. I, т. 36, ед. хр. 178, с. 43, 45, 72]. В дру-

гом рукописном материале Н. В. Никольского пигалица названа чувашским термином *татарлĕк*. В приведенной форме произошло чередование глухих согласных *к~т* во втором слоге. Соответствие *к~т* в инлауте слова для чувашского языка вполне закономерно. Любопытно, что появление такого соответствия в чувашском языке исследователи склонны объяснять не данными тюркских языков, а влиянием средневеликорусских говоров [ЛевитЗам., 42].

В красночетайском говоре верхового диалекта чувашского языка зарегистрирован орнитоним *тĕкĕрлюк* в значении «снегирь», констатирующий полисемантическую чувашского слова *текерлĕк* «пигалица» [СергДСЧА, 69].

С богатым иллюстративным материалом и многочисленными фонетическими эквивалентами рассматриваемое слово представлено в словаре Н. И. Ашмарина, ср.: *текерлик, текерлĕ, текерлĕ, текерлюк, тĕкĕрлек, тĕкĕрлĕ, татарлĕк* «пигалица» [Ашм., XIII, 270—271, 312]. Наиболее интересным представляется пример такого характера: *Услан кайĕк шыв ёсет, ик текерле [текерлĕ] вай вылят* «Куница воду пьет, а в это время две пигалицы играют». Другой вариант этой загадки записан Н. В. Никольским, но здесь пигалица названа термином *теклĕ*, являющимся сокращенным вариантом слова *текерлĕ*, где структурный элемент *-ер* выпал [НА ЧНИИ, отд. 1, т. 36, ед. хр. 176, л. 45].

Н. И. Золотницкий впервые сблизил чувашское слово *тегерле* «пигалица» с татарским эквивалентом *тякарлик* «тж» [Золот., 80]. К сопоставлению Н. И. Золотницкого В. Г. Егоров подобрал башкирский термин *тăкарлек* в том же значении, увеличив тем самым лишь круг сопоставляемых соответствий из родственных языков. Представленные лексические соответствия генезис этого орнитонима почти не раскрывают, но показывают наличие этого слова только у тюркоязычных народов Поволжья. Итак, чувашский орнитоним вплоть до настоящего времени оставался не расшифрованным. Этого нельзя сказать о башкирском термине. Э. Ф. Ишбердин, подвергнув частичной историко-этимологической характеристике башкирские диалектные наименования птиц, записал несколько фонетических вариантов «пигалицы», имеющих место в разных говорах башкирского языка: *тăгăрлек, тăгăзек, тăгăрлук, тăкарлак,*

тэгэрək «чибис», или «пигалица». «Название этой птицы, — как далее пишет автор, — происходит по издаваемому птицей звуку» [Ишб., 156]. Видимо, категоричный вывод Э. Ф. Ишбердина требует некоторых пояснений и уточнений. Целиком и полностью, по нашему мнению, башкирский термин не является подражательным. В первую очередь, в нем следует выделить звукоподражательную основу *тəkər* и плюс деминутивный аффикс *-лək ~ -лək ~ -лук* с множественно-собирательным значением, выступающий вариантом аффикса *-lik, -lik*, ср.: туркм. *kuşluk* «место, изобилующее птицами».

Тщательный обзор существующей литературы показал, что почти не отличающиеся в фонетическом и семантическом аспектах соответствующие эквиваленты чувашского слова зафиксированы только в определенной группе языков, ср.: башк. *тэгэрлək* «чибис», тат. *тəkərлик* «чибис», «пигалица» [Пот., 253; ЯКБ, 110], тоб. (тат.) *tägärlük* «пигалица» [Радл., III, 1032]. Все они образованы по единой модели «звукоподражательный корень плюс тюркский продуктивный отыменный аффикс».

Чувашский орнитоним, по нашему мнению, восходит к кыпчакскому *тəkərlək* и выступает как татарское заимствование в чувашском. В первую очередь это объясняется сохранением переднерядного *ə* в первом слоге. Источником появления марийской формы *тагарля* «чибис» также справедливо считается татарский язык (ВМЯ, 1978, 21).

Улатāпа, диал. *улаппа* «дикий голубь», «вяхирь» [ЧРСл., 1982, 510], *Columba palumbus*; «горлица», «горлинка», *Streptopelia turtur*.

В словаре Н. И. Ашмарина даются следующие лексические варианты упомянутого термина: *мāн улаппа*, букв. большой вяхирь [Ашм., VI, 253]; *кəҫён олап* «горлица» [Ашм., VI, 308], букв. младший вяхирь; *шурā мāйлā улаппа* «витютень», букв. вяхирь с белой шей или белошейка-вяхирь [Ашм., XVII, 237]. В «Диалектологическом словаре чувашского языка» русский термин «дикий голубь» передается двумя чувашскими эквивалентами: *улатāпа* и *хир кāвакарчāнĕ* [СергДСЧЯ, 74].

Н. И. Золотницкий в своем словаре зафиксировал следующие формы: *олаппа* «вяхирь» [Золот., 19], *ки-*

зинь-олап «горлица» [Золот., 34]. Последний двусловный термин показывает, что слово *олап* с прилагательным *кёсён* «младший» образовало другое наименование птицы из семейства голубеобразных, а именно — горлицу.

В словаре В. Г. Егорова происхождение чув. *улатӓна* не рассматривается.

Аф. Егоров в 1900 году в селе Микушкино Бугурусланского уезда Симбирской губернии (ныне — Ульяновская обл.) записал форму *ула аппа* «вяхирь» [НА ЧНИИ, отд. I, т. 24, ед. хр. 2105, л. 481], букв. пестрая сестра. Этот вариант получился в результате контаминации наименования птицы *ула аппа* со словом *аппа* в значении «сестра».

Чувашский термин *улатӓна* обнаруживает генетическую связь с близкими по форме и семантике словами из башкирского и татарского языков, ср.: башк. *алатуба*, *аладова*, *аладыуа*, *алатова* «вяхирь» [Ишб., 158], тат. диал. *алатыша* «горлица» [ТТДС, 32]. Появление татарской диалектной формы не вызывает сомнения, она получила развитие из башкирского языка. Башкирский орнитоним *алатуба* и его фонетические варианты проэтимологизировано Э. Ф. Ишбердиным, который отметил, что эти формы имеют место только в башкирском языке. Гомогенные соответствия из чувашского и татарского языков автор оставил без внимания. Стержневое наименование *алатуба* с его аллолексмами Э. Ф. Ишбердин интерпретирует следующим образом: «Первая часть названия *ала* имеет значение «пестрый», «пегий», второй элемент — *туба* неясного происхождения. Оно сопоставимо лишь с немецким словом *таубе* «голубь», но как данное название проникло в башкирский язык — трудно объяснить» [Ишб., 158]. В башкирском двусоставном термине *алатуба*, на наш взгляд, прослеживаются две самостоятельные лексические единицы: *ала* «пегий», «пестрый» ~ чув. *ула* «пестрый», «пятнистый», «пегий» (о животных) и плюс *туба* ~ *тӱбӓ* ~ *тӱбӓ* «макушка» (часть головы) ~ чув. *тӱпе* «макушка», «темя». На основании этого мы допускаем, что данный термин имеет мотивированность: «пестрая макушка». Последнее подчеркивается даже в специальной орнитологической литературе [ОП СССР, 107].

Чувашская литературная форма *улатӓна* выступает как заимствование из кыпчакских. Диалектнос *улаппа*

объясняется на чувашской почве: первоначальное значение составного термина *улатӑна* с течением времени забылось и произошло опрощение.

Хӑлат, название ряда хищных птиц: «коршун», *Milvus korschun*; «лунь», *Curcus*; «сарыч», «канюк», *Buteo buteo*.

В чувашском языке представлен ряд фонетических вариантов рассматриваемого орнитонима: *хлот* «хищная птица» [Ашм., XVII, 75], *шур хӑлак* [Ашм., XVII, 240]. Форма *хӑлак* отличается от *хӑлат* чередованием ауслатных смычных *т ~ к*, что в чувашском языке наблюдается чаще всего в заимствованиях, напр.: чув. *ӓмӓрт* < ир. *симурук* «орел». У носителей чувашского языка деревни Мыслец Шумерлинского района (верховой диалект) распространен фонетический вариант *хӑлаш* «коршун». В чувашском литературном языке семантическим эквивалентом этого орнитонима, согласно Л. П. Сергееву, является слово *хӓрен* в том же значении [СергДСЧЯ, 79]. Термин *хӓрен* в чувашском языке имеет несколько значений. В нормативных двуязычных словарях чувашского языка *хӓрен* переводится на русский язык как «коршун», «беркут» и «кобчик».

В последнее время в художественной литературе стали чаще использовать составной термин *салакайӑк хӑлачӓ*, назв. птицы, букв. воробьиный коршун, аналогично образованное по модели *сӓрси* (~ *салакайӑк*) *хурчки* «кобчик», «небольшой ястреб», *салакайӑк тӓмани*, назв. хищной птицы, одно из видов совиных [Ашм., XI, 25].

В ряде случаев названия некоторых птиц как в чувашском, так и в большинстве тюркских языков, употребляются в переносном значении. Не исключение и орнитоним *хӑлат*, употребляющийся как прилагательное в значениях «норяшливый, неаккуратный, небрежный», а также «неловкий, неповоротливый человек», ср.: *хӑлат пуҫ* «лохматая голова».

В одной из записей рукописного фонда профессора Н. В. Никольского [НА ЧНИИ, отд. I, т. 263, л. 44], а также в словаре В. Г. Егорова [РЧСл., 172, 220] чувашский *хӑлат* переведен по-русски как *кулада*. Однако в существующих лексикографических изданиях, в том числе и в словарях В. И. Даля, М. Фасмера, Е. Н. Шиповой, это слово мы не обнаружили. В специальной орнитологической литературе упомянутый русский термин

кулада также отсутствует. По всей вероятности, он восходит к чувашскому источнику, ср. чув. *хулада* «мышелов-птица» (<*хӑлатӑ*.— Л. П.) [Золот., 98].

На интересное описание некоторых хищных птиц мы натолкнулись в одной из записей Н. В. Никольского по этнографии чувашей. Автор характеризует этих птиц следующим образом: «*хӑлат* «кулада», «мышелов»—короче и шире (чем *хӑрен*), летает-хлопает; *хӑрен*—уже и парит больше, *хӑрхӑ* почти что *хӑрен*, но ржет жеробенком» [НА ЧНИИ, отд. I, т. 263, л. 44]. Несколько забегая вперед, скажем, что хотя все дневные хищные птицы в нашей стране охраняются законом, но плотность их популяций на современной территории Чувашии удерживается на незначительном уровне. Из приведенной архивной записи напрашивается небезынтересный вывод чисто исторического, отчасти и этнографического, характера. Во-первых, предки чувашей в недавнем прошлом четко представляли характерные биоморфологические признаки и повадки хищных птиц и точно определяли самих этих птиц. Во-вторых, довольно детальная разработанность названий птиц, относящихся биологически к классу хищных птиц, имела, на наш взгляд, древние традиции, уходящие в глубь истории предков чувашского народа. Это аргументированно подтверждается кратким лингво-географическим анализом чувашского термина *хӑлат* «коршун». В чувашском языке история происхождения орнитонима *хӑлат* не получила сколько-нибудь детальной лингвистической интерпретации. Впервые на это слово обратил внимание Н. И. Золотницкий, который чисто семантически сопоставил чув. *хулада* «мышелов-птица» с татарским *кой-келек*, по всей вероятности, в том же значении. Последнее к чувашскому орнитониму *хӑлат* не имеет никакого родственного отношения. В. Г. Егоров выявил в тюркских и монгольских языках ряд генетически близких форм, ср.: узб. *калхат* «коршун», шор. *кылады* «ястреб-мышелов», туркм. *куладу*, монг. *кулду* «коршун-мышелов» [ЕгорЭСЧЯ, 290].

Приступая к историко-этимологической характеристике чув. *хӑлат* «коршун», обратимся вначале к тюркским языкам. К вышеприведенным соответствиям В. Г. Егорова из узбекского, шорского и туркменского языков, можно добавить лишь алтайское слово, ср.: алт. *кулады* «большая птица, мясо и жир которой употребляют

в пищу, а мелкие перья служат как лекарство при обморожениях и ожогах» [Молчанова, 239]. Этот же аппелятив отразился и в топонимии Южной Сибири, ср.: алт. *Кулады* — назв. речки и населенного пункта [там же, с. 239]. В других тюркских языках слово, генетически близкое к чувашскому *хӑлат*, в существующей литературе нами не обнаружено.

Из доступных лексикографических изданий, к чувашскому *хӑлат* следует, на наш взгляд, привести родственные лексемы, распространенные в ряде центральноазиатских языков, ср.: алт., тел., лебед., хак. *калыт* (*калы* + *т*) «заставить прыгать», «гонять» [Радл., II, 245] ~ чув. *хӑвала* «гнать, преследовать». В тобольском *калыт* вслед за В. В. Радловым мы расчленяем основу *калы-* «парить», «летать» и аффикс понудительного залога *-т*.

Исходя из этих данных можно допустить, что в сибирских тюркских языках птица «коршун» получила такую номинацию по характерному поведению, т. е. тюркский орнитоним следует расшифровать как «гоняющая, преследующая птица». «Давно известно, что тюркский велярный *q* в собственно чувашских словах во всех положениях переходит в *x*» [см. ФедЧЯСАЯ, 101-102]: др.-тюрк. *qiriq* ~ чув. *хёрёх* «сорок», др.-тюрк. *qiliç* ~ чув. *хёç* «меч». Интересно отметить, что в отношении звукосоответствия *q* ~ *x* к чувашско-тувинско-хакасско-якутскому ареалу близко стоят и монгольские языки, которые наблюдаются, по ценному замечанию М. Р. Федотова, в общих для них по происхождению словах: письм.-монг. *хара* > халха-монг. *хар*, калм. *хар*, бур. *хара* ~ чув. *хора* || *хура*, як., хак. *хара*, но др.-тюрк. *qara* «черный» [там же, с. 103]. Эти примеры мы привели потому, что за пределами тюркских языков родственные термины широко представлены лишь в монгольских, ср.: калм. *хулд* «лунь», халх. *хулт* «мышелов», бур. *хулда* «лунь», боро *хулда*, талын *хулда* «лунь полевой», *утэгэй хулда* «лунь луговой», *хулһанай хулда* «лунь камышевый», *хулда шэнги буурал* «седой, как лунь», письм.-монг. *хулату шибагун* «белый коршун» [Ном., 193]. Стало быть, у нас есть все основания полагать, что возникновение генетически близких чувашского и монгольских форм относится к прабулгарской эпохе (I—V в. н. э.). В научной лингвистической литературе давно известны следы прабулгарского языка в языках Центральной и Восточной Сибири. Чувашское

хӓлат «коршун», «мышелов», по всей вероятности, появилось еще в эпоху взаимоотношений носителей прабулгарского и прамонгольского языков. Иначе невозможно объяснить появление чувашского термина. Источником шор. *кылады* «ястреб-мышелов», алт. *кулады* «большая птица» послужил монгольский язык. Их следует считать относительно поздними монголизмами в тюркских языках. По В. И. Рассадину, «совпадение (в идеале полное) звуковой оболочки и семантики соответствующего тюркского слова с монгольскими (калмыцким или бурятским) при условии отсутствия этого слова в древнетюркском языке, ограниченном его распространении в современных тюркских языках и широком бытовании в монгольских языках — вот основной критерий для установления относительно поздних монголизмов в тюркских языках» [РассМБЗ, 5]. Наш этимологический анализ чувашского *хӓлат* полностью подтверждается и мнением В. И. Рассадина.

Чана, диал. *чавка* [СергДСЧЯ, 84], *чанка* [Ашм., XV, 142] «галка», *Cornus monedula*.

В чувашском языке этот орнитоним участвует также при образовании некоторых фитонимов, ср.: *чана кӓпчи* назв. растения [Ашм., XV, 142]; *чавка курӓкӓ* или *чавка пуӓ* «клевер» [Ашм., XV, 124]. Представляют определенный научный интерес собственные имена, где доминирует слово-аппелятив *чавка*, ср.: *Чавка Палюк* — фамильное прозвище и *Чавка* — языческое имя мужчины [Ашм., XV, 124-125]. В современной чувашской лингвистической литературе происхождение чувашского *чана*, в основном, объясняется как звукоподражательный термин, однако зачастую вне поля зрения исследователей оставался богатый сравнительный материал.

Н. И. Золотницкий, рассматривая семантические соответствия к чувашскому *чана* «галка» в родственных тюркских и неродственных языках, приводит следующие параллели: вот. *чана*, зыр. *чалган*, перм. *чалкан*, алт. *таан*, л.-чер. *чанга*, г.-чер. *цанга* [Золот., 101].

В. Г. Егоров несколько расширил круг сопоставляемых соответствий и привел в качестве гомогенных форм тат. *чайкэ*, башк. *сэӓкэ*, ног. *шавке*, кирг. *таан*, *чоко таан*, алт., хак., тув. *таан* «галка» и указал на звукоподражательный характер происхождения чувашского названия этой птицы [ЕгорЭСЧЯ, 317].

И. Г. Добродомов и Г. Я. Романова, рецензируя работу Г. Е. Корнилова «Теория имитативов и сравнительно-историческое языкознание», констатируют, что «при больших диапазонах варьирования мимем и отмиимемных образований зачастую можно отметить совпадение подражательных слов в разных языках, как, например, получилось с тюркским и славянским наименованием птицы *чавка*, которые частично совпали в звучании в результате самостоятельных варьирований имитативов» [ДТП, VII, 179].

В звучании совпадают не только тюркские (кар., балк. *šauka*, тат. *šāwkā*, чув. *чавка*, *чана*, *чанка*, башк. *сәүкә*, ног. *шавка* «галка», хак. *таан* «галка» и т. д.) и славянские (укр. *чавка*, болг. *чāvка*, *чапка*, серб. *чавка*, чеш. *чавка*, слов. *šauka* и т. д.) названия, но и финно-угорские слова: удм. *чана*, *чана*, *чаңа*, *шаңа*, *шона*, *шана*, коми-зыр. *чавкан*, мокш. *чавка*, эрз. *чавка*, мар. *чанга*, *цанга*, венг. *csóka* «галка» и т. д. По мнению финно-угроведов, слово *чана* в удмуртском представляет собою чувашское заимствование [Wichmann TLPS, 20—23; 112], а В. И. Лыткин считает, что оно попало в удмуртский язык из чувашского уже в период обособленной жизни удмуртов, примерно в X—XIII вв. [Лыт-ИВПЯ, 175]. Вопреки этим выводам С. В. Соколов допускает звукоподражательное происхождение удмуртского *чана* «галка», в частности, автор аргументирует свое предположение удмуртским слоговым имитированием крику галки: *чинь ~ чан! чан-чан* и т. д. [ВУЯ, II, 173]. И. В. Тараканов справедливо возводит удмуртские формы *чана*, *чаңа* «галка» к болгарскому языку [Тарак., 60].

По поводу вышеуказанных, на первый взгляд, генетически близких терминов в тюркских, финно-угорских и славянских языках, И. Г. Добродомов отмечает, что звукоподражательный характер наименования галки позволяет считать их независимыми параллельными образованиями [СТ, 1976, № 6, 28-29]. Сходный с чувашским общеславянский термин **šavьka*, по мнению Л. А. Булаховского, возможно, является фактом древнейшего славянского языка, обязанным своим появлением какой-то контаминации с названиями других птиц или звукоподражательных звучаний [Бул., 103].

Для выяснения истинной природы чувашского орнитонима *чавка ~ чанка ~ чана* имеет важное значение

его звуковая сторона. Судя по сохранению общетюркского анлаутного *ч-* вместо ожидаемого *ç-*, а также по междиалектному чередованию *-ng- ~ -n- ~ -v-* (*-нк- ~ -н- ~ -в-*), можно полагать, что чувашские формы *чанка ~ чана* являются заимствованиями из тюркских языков некипчакского (огузского?) типа, а форма *чавка* кипчакского типа. Однако мы склонны видеть в этом слове собственно чувашское отымитативное образование. Сохранение анлаутного *ч-* в таком случае вполне возможно, т. к. имитативы воспроизводятся в речи каждый раз снова и совершенно самостоятельно на базе звукоподражания (в данном случае — крику галки *чанк-чанк, чавк-чавк* и т. п.) и не подчиняются общим фонетическим закономерностям.

По вышеотмеченным соображениям, мы склонны думать, что чувашские фонетические варианты названия галки восходят к звукоподражанию. Подражание голосу этой птицы в чувашском языке в основном передается следующими словами: *чанкӑл* — подражание крику галок; *чанкӑлтат* — «пищать (о галках)» [Ашм., XV, 142].

Исключительное сходство рассматриваемого слова во многих родственных и неродственных языках как раз и объясняется звукоподражательным происхождением, но, по мнению С. В. Соколова, «возможность заимствования звукоподражательных слов не исключается» [ВУЯ, II, 164].

Чӑхӑ, диал. *чӑх, чухӑ* [МЧД, IV, 146] «курица», *Gallus domesticus*.

Приведенные чувашские варианты в фонетическом отношении восходят к общетюркскому **taqaɣu ~ taqıɣu*, ср. :др.-тюрк. *taqaɣu, taqıɣu, taqiq* [ДТС, 536], *taɣuq* [ДТС, 527]; тат. *тавык* «курица», *бүрекле тавык* «хохлатая курица», *йомырка сала торган тавык* «несушка», *качыл чеби чыгаручы тавык* «клуша», *утырган тавык* «клуша, наседка», *тавык карчыгасы* «ястреб-тетеревятник»; *урман тавыгы* «тетерев» (~ чув. *вӑрман чӑххи* «куропатка»), *өй тавыгы* «домосед» (~ чув. *кӗл чӑххи* «тж»), *кыр тавыгы* «куропатка» (~ чув. *хир чӑххи* «куропатка», «фазан», ср. также *лачака чӑххи* «дупель», букв. болотная курица, *шыв чӑххи* «кулик», букв. водяная курица), *тавык-чебеш* собир. «куры и цыплята»; «домашняя птица» (~ чув. *чӑх-чӗп* «тж»), тат. диал.

тəшык (карин.) «курица» [МТД, II, 21], *тавы'* (кряш.) «тж» [ИИДТЯ, 115]; башк. *тауык* «курица», *кыр тауығы* «дикая курица», *тауык-себеш* собир. «куры» [БРСл., 513], башк. диал. *таук* [Ишб., 146]; каз. *тауык*; к.-калп. *тайык* «курица», ср. также *тайыс* «павлин»; ног. *тавык* «курица», *данъыл тавык* «тетерев», *кыр тавык* «куропатка»; кум. *тавукъ* «курица», *къыр тавук* «фазан»; кар. *тавук*, *тавукъ*, *тавух* «курица»; кирг. *тоок* «курица»; каз. *таук* «курица», *еркек таук* «петух»; хак. *таах*, *таңах* «курица»; алт. *такаа*, *танак* (мат., аб.) «курица»; *танактын балазы* «цыпленок», *аксыр танак* «петух» [Верб., 332], *теке* (н.-аб.) «курица» [Верб., 345], *так* (в.-к.), *таак* (т., н.-б.) «курица», (н.-б.) «галка» [Верб., 327]; аз. диал. *töjux* (Каз., Кар., Г.) < *tojuq* «курица» [Ширал., 29], *looq* (Шек., Каз.) < *tojuq* [Ширал., 16]; уйг. *тоху* «курица» и т. д.

Таким образом, в тюркских языках термин *тавык* «курица» с различными фонстическими вариантами в семантическом отношении является ядерным термином орнитонимической лексики, он служит базой для образования производных описательных орнитонимов.

Основа, соответствующая чувашскому *чăхă*, представлена не только в тюркских, но и в монгольских и тунгусо-маньчжурских. Так, впервые чувашский термин *чых* «курица» Н. И. Золотницкий сравнил с близкими образованиями из тюркских, ср.: алт. *таак*, тур. *тавук*, тат. *таук*, чаг., уйг., аз. *таук*, *тоук* «тж» [Золот., 106]. Приведенный автором к этим сопоставлениям лугово-марийский термин *чйбе* «курица» соответствует чувашскому слову *чѣпѣ* «цыпленок» и по праву считается чувашским заимствованием в марийском языке [СФУ, 1982, № 2, 101].

В. Г. Егоров упомянутое выше чувашское *чăхă*, *чăх* «курица» находит убедительным сблизать со следующими словами из родственных и неродственных языков, ср.: др.-тюрк. *такуғ*, уйг. *тоху*, узб., туркм. *товук*, кирг. *тоок*, башк., каз., к.-калп. *тауык*, тат., ног. *тавык*, тур., кум. *тавук*, ойр. *такаа*, карач. *таук*, тув. *дагаа*, аз. *тоюг* «курица», *таки'а* (Замахш.), *дакук* (Ибн-Муханна), монг. *тахиа(н)*, бур.-монг. *тахяа* «курица», эрэ *тахяа* «петух» [ЕгорЭСЧЯ, 321].

Среди исследователей, обратившихся в той или иной степени к тюркскому *тавук* ~ чув. *чăхă* «курица», следует назвать М. Рясянена, Г. Дерфера, Л. С. Левит-

скую, Э. Ф. Ишбердина, М. М. Гинатуллина и некоторых других. Так, Л. С. Левитская сопоставила чув. *čăxă*, тюрк. *tavuk*, *taŋak*, *tooŋ* «курица» с монгольским термином *takija(n)* [ЛевитФонет., 50]. Тюркские, монгольские и финно-угорские связи башкирского орнитонима *тауык* «курица» обнаружил Э. Ф. Ишбердин. Согласно автору, из представленных в памятниках рунической письменности древнетюркских форм *тағыку*, *тағаку*, *тактыгу* и *тактыку* наиболее древнейшим является слово *тактыку* [Ишб., 146]. Фонетические различия данного названия в современных тюркских языках исследователь объясняет как результат разнородного отражения древнетюркского *ак* (*ak ~ ar ~ av ~ ov ~ au ~ ой ~ oo*).

Др.-тюрк. *taquyu ~ taquq*, кирг. *tooq*, узб. *toviq*, вост. туркест. *toxa*, монг. *taxia(q)*, башк. диал. *taxan* «мохноногая курица» (← калм.—Л. П.); чув. *čăx*, корейск. *tak*, коряк. *txaq*, бур. *taxjā*, калм. *taqa* на звукоподражательной основе М. М. Гинатуллин сопоставил с тат. *qutaqlau* «кудахтать» [СТ, 1977, № 1, 41], ср. еще чув. *кăтикле-* «кудахтать», *кăлăкла-* «тж». К сопоставлениям автора, проделанных на алтайском языковом уровне, следует привести ряд форм из тунгусо-маньчжурских языков, лишней раз подчеркивающих о глубоких связях тюркского *тавук*, ср.: тунг.-маньчж. *чоко* «курица», ороц. *чоко* «тж», нан. *чико* «тж», ма. *чобалан* (< *чоко*+*јабулан* «полуночник») «назв. птицы»; *чоко* «курица», «петух» (общее название всех птиц куриной породы), чоконго «куриный», чж. *t'i-huo* «курица», ма. *чоболан*, ср. кит. *цзися:о* «название совы» [ССТМЯ, II, 403].

Историю происхождения тюркского термина *tavuk* «курица» и его дальнейшее распространение в родственных тюркских и неродственных языках достаточно полно раскрыл Г. Дерфер в своем многоплановом исследовании. У нас нет нужды повторяться, однако мы считаем нужным акцентировать внимание читателя на некоторых моментах исторического развития рассматриваемого термина.

Реконструируемая пратюркская форма **takīya* была заимствована предками монгольских народов, ср.: монг. *takija*, калм. *takā*, *takān* «курица», *erə takā*, *takān* «курица», *erə takā*, *takān* «петух». В свою очередь значительно позже, в эпоху формирования тюркских язы-

ков и их диалектов, эти монгольские формы, проникли в сибирские тюркские языки, ср. алт. *takaа*, тув. *daγā* [Кат., 138; RamstKWb, 375; Номин., 195; DoerferTME, II, 443; РассМБЗ, 30]. Древнетюркский термин *taqıyı* «курица» в ходе дальнейшего развития и формирования тюркских языков проник в персидский язык, ср. перс. *tāqiqi* «курица» [DoerferTME, II, 441]. Интересно отметить, что персидское сочетание *tāqiqi yil* «год курицы» соответствует также древнетюркскому двусловному эквиваленту *taqıyu yil* «год курицы» (десятый год двенадцатилетнего животного цикла летоисчисления).

Представленный в памятниках рунической письменности древнетюркский термин *taqiq* в среднетюркскую эпоху с небольшими фонетическими изменениями получил развитие во многих родственных тюркских языках, ср.: уйг. *taqiq*, чаг. *taγuq*, кирг. *tauq* и т. д.

В сибирские тюркские языки, по единодушному мнению исследователей, рассматриваемое слово проникло из монгольских, ср.: тув. *даъгаа* «курица» < п.-монг. *такийа*, монг. *тах'аа*, калм. *така* «тж» [Татар., 70]; урянх. *таба* «курица» < монг. *такіја* «тж» [Кат., 138]; алт. *такаа* «курица» < монг. *таkiу-а* «тж» [РассМБЗ, 30].

З. Гомбоц для венгерских форм *tyúk*, *tik*, *tyik* «курица», «петух» восстановил старочувашскую форму **tuwuk* «курица» и привел. каз.-тат. *tauк*, башк. *ta°wuk*, также маньчж. *čoko*, гольд. *čoko*, ороч. *čeko*, тунг. *tōoka* «курица» и т. д. [Gombocz, 135]. Следует отметить, что венгерские формы, первые фиксации которых восходят к началу второго тысячелетия нашей эры, также последовательно объяснены на тюркских соответствиях в известном «Этимологическом словаре венгерского языка» [MTS, 1020].

Появление чувашской формы *чӑхӑ*, которая относится к общетюркскому пласту орнитонимической лексики, объясняется следующими фонетическими закономерностями. В эпоху древне-мишарско-венгерских контактов, как правильно отмечает Р. Г. Ахметьянов, в ряде случаев, когда интервокальный *-f- ~ -z- ~ -h-* в большинстве кыпчакских языков отражается как *-й-*, в западнокыпчакских и в чувашском языке им соответствуют слова с *-w- ~ -v-*, напр., др.-тюрк. *tūgün* «узел», каз.-тат. *төйөн*, миш.-тат. *тешен* «тж», чув. *тёвё* «узел», «узелок», «петля». Это же явление автор обнаружил в древнебулгарском языке, восстанавливая форму *такишы*, ср. чув.

чӑхӑ <булг. *тақышы* <др.-тюрк. *taqıyu* «курица» [Ахмет., 206]. По М. Р. Федотову, переход древнетюркского анлаутного *t* в чувашское *ч* наиболее выражается негубными гласными: др.-тюрк. *taqaıu, taqıyu, taquq* ~ чув. *чӑхӑ* «курица» [ФедЧЯСАЯ, 118]. Мы склонны выводить чувашское слово *чӑх(ӑ)* из тюркского *tajıq* ~ *tııq*, более древним архетипом предпоследнего является форма *taqaıu*, ср.: др.-тюрк. *taqaıu* [ДТС, 536]. Первой ступенью передвижения *t*-инициала в *ç*-явилась форма **çiq*. Тюркский заднерядный *i* в чувашском чаще всего дает *ӑ*, ср.: др.-тюрк. *sir* ~ чув. *сӑр(ӑ)* «краска»; др.-тюрк. *sına* ~ чув. *сӑна* «проверять» [ФедЧЯСАЯ, 93].

Шанкар, диал. «сокол», «кречет», Falconidae gyrfalco.

В нормативных словарях чувашского языка рассматриваемый орнитоним не фигурирует. Есть случаи использования этого термина в произведениях художественной литературы. Напр.: *Шанкар юлташӗ — ватӑ хурчӑка* «Близкий вид сокола — старый ястреб» [Я. Ухсай. *Çӗр. Шупашкар, 1964, 9 стр.*].

Этот орнитоним зафиксирован в словаре Н. И. Ашмарина с соответствующим иллюстративным материалом: *шӑнккар*, назв. птицы; *шӑнккар — кайӑк тыттаракан кайӑк, усрав кайӑк, тытса усраса кайӑк илтересӗӗ* «Сокол — ручная птица, его держат для ловли птиц и зверей» [Ашм., XVII, 316]. Это обстоятельство позволяет делать вывод такого порядка. Во-первых, предки чувашей, подобно некоторым тюркоязычным народам, активно использовали для охоты (до оседлой жизни) ловчих птиц. Во-вторых, использование ловчих птиц характерно лишь в степной зоне, а это, в свою очередь, наталкивает на мысль о том, что предки чувашей когда-то обитали в этом климатическом поясе.

В тюркских языках генетически близкие к чувашскому *шанкар* формы распространены чрезвычайно широко. По-видимому, в силу одной из указанных причин интерпретация этого слова встречается в сравнительно-исторических изысканиях многих авторов. Мнения их в некоторых случаях расходятся, поэтому мы сочли нужным подробнее остановиться на этих разногласиях и выявить наиболее приемлемую этимологию.

Давно замечено, что термины, относящиеся к животному миру, в тюркских и монгольских языках в боль-

шинстве случаев совпадают. Аналогичное явление усмотрел Э. Ф. Ишбердин в башкирском названии для кречета, ср.: башк. *шонкар* ~ монг. *шонхор* «кречет» [ПОАЯ, 20]. Согласно Э. Ф. Ишбердину, появлению башкирско-монгольских соответствий могли способствовать следующие причины: во-первых, генетическое родство алтайских языков; во-вторых, контакт башкирских и монгольских племен; в-третьих, участие отдельных монгольских имен и родов в этногенезе башкир; в-четвертых, более позднее влияние калмыцкого языка на башкир. Вероятнее всего, источником появления башкирской формы является персидский язык. Вполне возможно, что в возникновении башкирского термина роль монгольского слова, совпадающего по фонетическому оформлению и значению, равна нулю.

Г. Касумбейли рассматриваемое тюркское название для кречета в структурном отношении разделил на словообразующий аффикс *-кор* и элемент *шун*, который, по его мнению, когда-то означал птицу вообще. Варианты последнего элемента *чин*, *син*, *шын*, *цин* автор выявил в составе некоторых тюркских названий птиц, ср.: аз. *көкәр-чин* «голубь», *сығыр-чын* «скворец», *билдир-чин* «перепел», *ла-чын* «сокол», а также монг. *харал-шын* «бекас», арм. *цин* «коршун» [Касум., 24]. Такое предположение, за исключением тюрк. *ла-чын*, на наш взгляд, вполне допустимо.

Ряд авторов в тюркском *шункар* ~ *шункор* усмотрели звукоизобразительность. Так, Б. Ш. Катамбаева в казахском *суңкар* выделяет звукоподражательную основу *суңк-* и словообразующий аффикс *-ар* [Катам., 16]. В киргизском названии *шуңкор* Д. Х. Базарова также видит звукоподражательный момент [Баз., 46]. Автор приводит любопытное предположение Г. Касумбейли о том, что название *шункор* из тюркского было заимствовано русским языком с обратным порядком следования слогов—«*кор-шун*» [там же, с. 46]. Отметим, что наиболее полно история орнитонима *коршун* попутно рассмотрена в специальной статье Н. И. Егорова и Л. П. Петрова [СТ, 1982, № 6, с. 72—73].

Небольшую по объему описательную заметку посвятил К. Ибрагимов тюркским названиям сокола *šunkar*, *lašyn*, *toyan*, зафиксированным в памятниках тюркской письменности [СТ, 1974, № 6, с. 38—40], из которых два первых соответствуют чувашским формам *шанкар*

«сокол», «кречет» и *лаччын* «сокол». Материальную историю этих слов автор затронул лишь частично. Однако он приводит ряд интересных высказываний советских тюркологов, касающихся в своих работах в той или иной степени тюркского *шанкар* «сокол», «кречет». Наибольший интерес из них вызывает замечание Н. К. Дмитриева о том, что у киргизов существовал старинный институт соколиной охоты с весьма разработанным церемониалом и развитой терминологией. К вышеизложенному К. Ибрагимов добавил, что в киргизском языке известные разновидности сокола строго дифференцированы по названиям: ақ *шумкар* «белый сокол, белый кречет» (алтайский); *кара шумкар* «черный сокол» (особь алтайского кречета, имеющая темное оперение); *көк шумкар* «сизый сокол» или «сизый кречет-сокол»; *балдактуу шумкар* «особь кречета-сокола с темным оперением и поперечными полосами под хвостом». Особо стоят киргизские термины, относящиеся к системе выращивания, дрессировки и тренировки сокола: *шумкардин табы* «дрессировка, тренировка кречета»; *шумкарды таптоо* «выращивание, дрессировка сокола-кречета» [СТ, 1976, № 4, с. 38—39]. Хотя фонетически весь спектральный анализ выглядит труднообъяснимым, но впервые этот термин появился у носителей киргизско-кыпчакской группы восточнотюркской ветви тюркских языков. Любопытно, что кирг. *шаңк-шаңк* обозначает подражание клекоту беркута [Юнус., 171], птицы из отряда ястребообразных. По преданиям казахов, кречет может жить только у человека ханского происхождения и притом вполне честного, а иначе клюет себе ноги и издыхает [КиргРСл., 186—187].

Итак, кроме приведенных соответствий, чувашский орнитоним *шанкар* состоит в этимологической связи с уйг. *soñkir* «сокол»; тур. *soyör* «птица из рода соколиных», гаг. *сунгарь* «кречет», «ловчий сокол» [Буд., I, 649], др.-булг. **soñgar* → мадьяр. *szongor* «хищный ястреб» [Gombocz, 124]; каз. *сұңкар* «сокол», «кречет» (см. также выше) < перс. *шуңар* «ловчий сокол»; «бдительный», «герой», «храбрый», «удалец», «молодец» [Бскмух., 160].

В некоторые тюркские языки рассматриваемая форма проникла из персидского. Об этом ясно свидетельствуют фонетическая и морфологическая структура этого слова, а также устойчивая семантическая связь. В

свою очередь Г. Дерфер подчеркивает, что перс. *šonqār* «алчный, жадный ястреб» проник из монгольского, ср.: вост.-монг. *šonqar* < монг. *šinqor* < **sinqor* «ястреб» [DoerferТМЕ, I, 360-362].

Наконец, отметим, что Ц.-Д. Номинханов в своих «Материалах...» привел ряд соответствий из монгольских (калм. *шонхр* < ст. калм. *шонхор* «кречет»; халх. *шонхор* «сокол, кречет», бур. *шонхор* «сокол, кречет»; нашан *шонхор* «кречет»; письм.-монг. *шоңхор* «сокол, кречет») и тюркских (каз. сунқар, к.-калп. *суңғар*, узб. *шункор*, г.-алт. *шонкор*, джаг. *сункур* «сокол, кречет») языков [Ном., 194]. Однако автор ограничился приведением генетических соответствий, не касаясь истории появления и развития этих форм.

Этелек «балобан», Falconidae cherrig.

В письменных памятниках чувашского языка рассматриваемый термин в значении птица не зафиксирован, но в маргинальных говорах чувашского языка он служит для обозначения наименования хищной птицы. Существование этого слова в чувашском языке подтверждается ономастическим материалом, ср.: *Этелек* (в современной орфографии, возможно, *Этелек*), назв. чув. деревни; *Майшй-Этелекё*, назв. дер. [Ашм., III, 34]; *Иделяк ~ Иделяк*, чув. муж. яз. имя [МагнЧЯИ, 41]. Можно привести десятки наименований птиц, аналогично образованных и в свое время отразившихся в чувашской антропонимике, топонимике и микротопонимике, напр.: *Пярчкан*, чув. женск. яз. имя [Ашм., X, 145] в значении «трясогузка»; *Тумана*, чув. муж. яз. имя [МагнЧЯИ, 87] в значении «сова»; *Ултёк*, назв. рода в дер. Б. Карачкино Козьм. у. [Ашм., IV, 14] в значении «дикий голубь»; *Кяркка кўлли*, назв. озера [Ашм., VII, 179], букв. индюково озеро и т. д.

В тюркологии и алтаистике в целом гомогенные формы с чувашским *этелек* «балобан», без приведения этого чувашского слова, рассмотрены несколькими авторами. Однако в них часто страдает сопоставительный материал.

Итак, чувашский орнитоним *этелек* «балобан» находит несколько близких по структуре и семантике образований в ряде тюркских и монгольских языков: башк. *этэлге* «самка кречета», тат. *этэлгә* «балобан» [ЯКБ., 181]; каз. *ителгі* «пустельга» (род ястреба), кирг. *ителги*

«балобан» (хищная птица), чаг. *итэлгү* «охотничья птица», кирг. *ителги* «хищная птица», «мышелов», «кречет» [Номин., 190]; узб. *ителги*, уйг. *итэлгү*, алт. *тейлэген*, хак. *тигилген*, як. *ителгү* «хищная птица»; аз. *ütälgü* (каз.) «коршун» [Ширал., 171]; ср. также *itärçi* «сокольник» [ДТС, 215]. В историко-этимологических исследованиях происхождение данного тюркского термина толкуют по-разному. На взгляд А. Биялиева, кирг. *ителги* (варианты *телиген*, *телик*, *теликкуш*) «балобан» означает «ударяющую, пинающую (ногой) птицу», для которого архетипом являются-де формы *теглеген* ~ *тейлегин* (ср.: алт. *тейлеген*). *Тег* ~ *тек* ~ *тий* ~ *ти* (~ чув. *тёк*) или *ийт* (~ чув. *ывät-*) в значениях «трогать, нападать, толкать, толкнуть» плюс *-лэ* (и их варианты)—аффикс страдательного или возвратного залога этого же глагола, а *-ган* ~ *-ген* был самостоятельной лексемой в значении «птица», «пернатый вообще» [Биялиев, 13]. При такой интерпретации необъяснимыми остаются монгольские формы. Как правильно указал Г. Дерфер, впервые рассматриваемый орнитоним появился в монгольском, ср.: монг. *itälgü* «коршун», «зайцелов», *itelgü* «зайцелов», калм. *itlyä(n)* «кречет», «балобан» [Doerfer, TME, I, 186—187]; калм. *итлк* < ст. калм. *ителге* «балобан», *ителге*, *ителгү* «зайцелов», «кречет», «балобан» [Номин., 190]. В частности, источником тур., чаг. *ötälgü*, *itälgü* «род коршуна» [Радл., I, 1265], каз., кирг. *itälgi* «хищная птица, мышелов, кречет» [Радл., I, 1502] послужил монгольский термин *itälgü* «вид сокола» [Doerfer, TME, I, 187].

Из монгольского (ср.: вост.-монг. *itälgü*) языка этот термин проник также в персидский: перс. *itälgü* «вид сокола» [там же, с. 187]. Письменно-монгольская форма *itelgi* «кречет», «коршун-зайчатник», «балобан», как пишет К. А. Новикова, распространился и в манчжурском, ср.: маньчж. *итулхэн* ~ *итурхэн* «кречет» [ОСЛАЯ, 138].

Чувашский орнитоним *этелек* нужно рассматривать как татарское заимствование.

Якълпай «пустельга», *Falconidae tinnunculus* [Чäv. календарё, 1962, 131 с.; РЧСл., 1972, 338].

В словаре Н. И. Ашмарина указывается, что форма *йякълпай* употребляется в значении «ястреб мелкой породы», а лексическим синонимом термина *якълпай*

является слово *хёрхи* [Ашм., IV, 169]. Из иллюстративного материала заслуживает внимания следующее описание; *чӑпар, кушак-кайӑк тытатъ вӑл* «Рябая птица, ловит мышей», «стоит в воздухе на одном месте» [там же, с. 169].

В существующей литературе частичная этимологизация близкородственных форм хотя и встречается, но в них чувашский материал почему-то не использован. Генетически близкими образованиями в тюркских и монгольских языках являются следующие формы, ср.: башк. лит. *яғылбай*, диал. *яғалбай, яғылбай, яғалғош* «дербник», «птица» [БЯС, 57; Ишб., 152]; алт. *jelbegei* «птица» [Верб., 88], *дьалбай* «какая-то птица» [Баск Кум, 10], *јағалбай* «чиж» [ГАЯ, 169]; кирг., уйг. *жагалмай* «копчик, кобчик», «щегол»; тел. *яңалбай* «чиж»; шор. *чагылбай*, хак. *чабылгай* «назв. птицы»; калм. *заһлма* < ст. калм. *загалмай* «копчик»; халх. *загалмай бялзуухай* «клест»; письм.-монг. *цагалмай* «ястреб»; *цагалмай билцуухай* «клест, птичка с крючковатым носом» [Номинх., 190]. Давно замечено, что башк. *яғалбай* «дербник» и монг. *загалай* «белохвостый орел» имеют историко-этимологическую связь, однако надлежащей оценки она не получила [ПОАЯ, 207]. Э. Ф. Ишбердин, хотя и усмотрел одинаковые по форме названия, но монг. *загалмай* «крест, крестообразный», а также *загалмай бялзуухай* «клест» не счел нужным поставить в один ряд с башкирским *яғалбай, яғылбай, яғалғош* «дербник» [Ишб., 152]. В башкирских формах автор выделил корень *яғал* (ср.: *яғал* «белыми пятнами»), который, по его мнению, связан с *яка, яға* «воротник» (ср.: чув. *суха* «ворот, воротник»), и *яғалғош* должен обозначать птицу с белым воротником или птицу с белым пятном на шее [там же, с. 152]. Хотя данная версия о происхождении башкирского орнитонима выглядит вполне убедительной, но в чувашском названии *якӑлнай* мы усматриваем несколько иное толкование.

Фонетическая структура письменно-монгольской формы *цагалмай* позволяет утверждать, что впервые она получила распространение в тюркских языках. В чувашский язык данный орнитоним проник из татарского, ср.: тат. *яғылбай* «перепелятник», «кобчик» [ТРСл., 700]. Монгольский термин *загалмай* употреблялся первоначально в значении «крест», «крестообразный», по характерному очертанию носа данной птицы, ср.: *ца-*

галмай билцуухай «клест, птичка с крючковатым носом».

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Абаев, I—III *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.-Л., 1958; т. II. Л., 1973; т. III, Л., 1977.
- Лшм., I—XVII *Лшмарин Н. И.* Словарь чувашского языка, вып. I—XVII. Казань-Чебоксары, 1928—1950.
- Ахмет. *Ахметьянов Р. Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978.
- БазIП *Базарова Д. Х.* К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц.—СТ, 1975, № 4, с. 11—22.
- БаскРФТП *Баскаков П. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
- Бекмух. *Бекмухаметов Е. Б.* Арабско-персидские слова в казахском языке. Толковый словарь заимствований. Алма-Ата, 1977.
- Беляев *Беляев И. А.* Русско-туркменский словарь. Ашхабад, 1913.
- Биялиев *Биялиев А.* Киргизские народные термины промысловой охоты. АКД, Фрунзе, 1972.
- Бул. *Булаховский Л. А.* Общеславянские названия птиц.—Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., т. VII, вып. 2. М., 1948.
- Верб. *Вербицкий В. И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
- ВМЯ, 1978 *Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1978.*
- ВУЯ, II *Вопросы удмуртского языкознания, вып. II, Ижевск, 1973.*
- Галк., II *Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка, часть II, Йошкар-Ола, 1966.
- ГрузовФДМЯ *Грузов Л. П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1964.
- ГСК *Генеральная словарная картотека чувашского языка [ЧНИИЯЛИЭ].*
- ДТП, I—IX *Диалекты и топонимия Поволжья, вып. I—IX. Чебоксары, 1972—1981.*
- ДТС *Древнетюркский словарь. Л., 1969.*
- ЕгорЭСЧЯ *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Поппе *Поппе И. П.* Монгольский словарь Муккадимат ал-адаб, ч. I—II.—Труды института востоковедения, XIV, М.-Л., 1938.
- Золот. *Золотницкий Н. И.* Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875.
- ЗУНИИ *Записки Удмуртского НИИ, вып. 21. Филология. Ижевск, 1970.*
- ИИДТЯ *Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1979.*
- Ишб. *Ишбердин Э. Ф.* Наименования птиц в башкир-

- ских говорах.— В кн.: Вопросы башкирского языкознания, Уфа, 1973, с. 146—159.
- Кат. *Катанов Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903.
- КЭСКЯ *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- Левит. *Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
- ЛевитЗам *Левитская Л. С.* Заметки о чувашском консонантизме.— УЗ ЧНИИ, вып. XXVIII, Чебоксары, 1965.
- ЛевитФонет *Левитская Л. С.* Историческая фонетика чувашского языка, Диссертация на соискание ученой степени канд. фил. наук. М., 1966.
- ЛевитЧув. эт. *Левитская Л. С.* Чувашские этимологии.— Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980, с. 58—60.
- Лук. *Лукоянов Г. В.* Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары, 1973.
- ЛытИВПЯ *Лыткин В. И.* Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.
- МагнЧЯИ *Мазницкий В. К.* Чувашские языческие имена. Казань, 1905.
- МЧД, I—IV *Материалы по чувашской диалектологии, вып. I—IV.* Чебоксары, 1960—1972.
- НА ЧНИИ *Научный архив Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров ЧАССР.*
- Нов. *Новикова К. А.* Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру.— Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.
- Номин. *Номинханов Ц.-Д.* Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1975.
- ОП СССР *Второв П. П., Дроздов Н. Н.* Определитель птиц фауны СССР. М., 1980.
- ОСЛАЯ *Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.*
- Павл. *Павлов И. П.* Современный чувашский литературный язык. Морфология (на чув. яз.) Чебоксары, 1965.
- Петр., I—II *Петров Л. П.* Этимология чувашских орнитонимов, I.— В сб.: Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1982, с. 56—74; он же. Этимология чувашских орнитонимов, II.— В сб.: Исследования по исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1983, с. 27—52.
- ПОАЯ *Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.*
- Пот. *Потанин Г. Н.* У вотяков Елабужского уезда.— ИОАИЭ, т. III, Казань, 1885, с. 189—255.
- Радл. I—IV *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. М., 1962.
- РассМБЗ *Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980.
- РЧСл., 1972 *Егоров В. Г.* Русско-чувашский словарь. Чебоксары, 1972.

- РЧСл.**, 1971
Сават. Русско-чувашский словарь. М., 1971.
Саваткова А. А. Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981.
- СанжММЯП** *Санжеев Г. Д.* Маньчжуро-монгольские языковые параллели, ч. I.—ИАН, № 9, 1930.
- СергДСЧЯ** *Сергеев Л. П.* Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968.
- СТ**
Тарак. Советская тюркология.
Тараканов В. И. Заимствованная лексика в удмуртском языке (Удмуртско-тюркские языковые контакты). Ижевск, 1982.
- Тр.** *Троицкий В. П.* Черемисско-русский словарь.—ИОАИЭ, т. XI, приложение, 1983.
- ТТДС**
Упым. Татар телсенен диалектологик сүзлеге. Казан, 1969.
Упымарий [Васильев В. М.] Марий мутэр. Москва, 1926.
- Фасм. I—IV** *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. I—IV. М., 1969—1973.
- ФедЧЯСАЯ** *Федотов М. Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков, часть I. Чебоксары, 1980.
- ЧЯЛФ, II** Чувашский язык, литература и фольклор, вып. II. Чебоксары, 1973.
- Шор.** *Шорин В. С.* Маро-русский словарь горного наречия (черемис). Под ред. С. Г. Эпина. Казань, 1920.
- Шипова** *Шипова Н. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- Ширал.** *Ширалиев М. Ш.* Диалекты и говоры азербайджанского языка. Баку, 1983.
- Эпин** *Эпин С. Г.* Горно-марийско-русский словарь. Козьмодемьянск, 1935.
- ЯКБ**
ЩербСМ Языковые контакты в Башкирии. Уфа, 1972.
Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, Л., 1977.
- DoerferTME,**
I—IV *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, I—IV. Wiesbaden, 1963—1967.
- Gombocz** *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkisch Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912.
- MTS** A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. III. Budapest, 1976.
- RamstKWb** *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
- RäsEWb** *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- WichmannTLPS** *Wichmann Y.* Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen.—MSFOu, XXXI. Helsinki, 1903.

ТЕРМИНЫ ДРЕВНЕЧУВАШСКОЙ МИФОЛОГИИ И ДЕМОНОЛОГИИ

Статья вторая*

В. И. СЕРГЕЕВ

Обширный материал по древнечувашской мифологии и демонологии, доживший в своих пережиточных формах почти до середины XX века, невозможно уместить в рамках одной или двух статей. Нашей задачей является констатация фактического материала и ретроспективное разъяснение происхождения того или иного термина на основе привлечения разнородных источников.

Известно, что эволюция религиозных представлений являет собой не полную смену одних форм другими, а наслаивание нового на старое. Рассмотрение терминов древнечувашской мифологии и демонологии в плане этимологическом и этнографическом дает повод говорить о том, что архаичные представления, возникшие на ранних стадиях развития человеческого общества, продолжали существовать, несмотря на то, что народу нашему насильно пытались привить сначала исламскую веру, а потом заставили принять христианство. Естественно, в таких условиях язык обогащался иноязычными религиозными терминами, которые, подвергаясь адаптации, становятся чувашскими словами и служат базой морфологического и семантического развития.

Познание народной культуры, разнообразных видов народного творчества невозможно без выявления истоков религии и верований. Таким образом, изучение терминов древнечувашской мифологии и демонологии — это не только углубление в седую древность этноса, но и путь к пониманию древнейшей культуры нашего народа.

* Статья первая в сб.: Исследования по этимологии чувашского языка. Чебоксары, 1981, с. 67—112.

А́рәм «магия, волшебство, чары, наговор, способ или прием, который употребляется наговорщиками (знахарями, колдунами и волшебниками)».

В. Г. Егоров *а́рәм* и производное от него *а́рәмçă* «волшебник, ворожея, заклинатель, прорицатель, знахарь» включил в число устарелых слов. Но, как показывают данные словарной картотеки, частотность употребления слова *а́рәм* и его производных в современном чувашском языке ничуть не снижена. В произведениях чувашских писателей, поэтов, литературоведов и языковедов они бытуют во всех нюансах их значений.

А́рәмçăсем а́рәм тунипелен
Вáрәмлатаймёç манáн ёмёре

«Колдуны своим колдовством
Не смогут удлинить мой век».

(П. Хусанкай)

...а́рәмласа сурас пулать, вара хытать (А. Кáлкан)
«Наколдовать и плюнуть, тогда затвердеет».

Авалхи этем, çутçанталáк вáйёсемне кёрешме тесе, ёçе-хёле çáмáллáтма тесе, тёрлёрен а́рэмлá йáласем шу-хáшласа кáларнá (В. Канюков) «Для борьбы со стихийными бедствиями и облегчения своего труда древние люди придумали магические обряды».

— *Мёскер вáл гипнозист, мучи?*

— *Ну, мён эппин... а́рэмçá пекки, куç пáвакан* (Хв. Уяр) «Кто это гипнотизер, дядя? — Ну, это... вроде колдуна, кто может загипнотизировать».

Нургали лашана антáс курáкё вёретсе ёçтерчё тата тем те пёр а́рэмçáларё (К. Турхан) «Нургали напоил коня отваром девясила и еще много чего наколдовал».

Помимо того, что зафиксировано в словарях, в языке имеются и другие производные: *а́рэмçах* «соблюдающий суеверные обряды, знаток поверий, мудрец» (напр. у М. Юхмы); *а́рэмчáк* «заклятье; знахарь»; в современном чувашском языке зафиксирована дальнейшая деривация от основы *а́рәм*, например, посредством афф. -*лáх*: *а́рэмлáх*, которое, на первый взгляд, кажется, что обладает теми же значениями, что и *а́рәм*. *Сáвáри а́рэмлáхпа ытарлá символсене курмасть, илтмест* (В. Канюков) «Не видит, не слышит волшебства стиха и чудодейственных символов».

В парном образовании *а́рәм-çáрәм* второй компонент, видимо, является, словом-эхом:

Ват асамçá йёкёте

Ырхан лаша çáмёнчен

А́рәм-çáрәм сáмахпа

Пúске туса пачё, тет

(В. Бараев)

«Старый знахарь джигиту, Привораживая и колдуя, Сделал мячик Из шерсти худой клячи».

В других тюркских языках мы находим аналогичные парные слова, которые сходны с чувашским *ăрăм-çăрăм* с фонетической и семантической точек зрения: уйг. *ирим-жирим* «колдовство», кирг. *ырым-жырым*, узб. *ирим-чирим* «поверья, суеверные приметы».

А что касается второго компонента парного слова *ăрăм-сурăм*, то здесь появляется возможность возвести второй компонент к однозначному слову *сурăм* «название божества или киремети». Но такое допущение, по-видимому, является неправильным, поскольку первый компонент этого парного слова требует аналогичного по семантике члена парного словообразования; таковым может быть слово *сурăм* «плевок», «колдовство», образованное от глагола *сур-* «плевать», «ворожить», «колдовать» посредством афф. *-ăм*. Данное слово оказалось незафиксированным в словарях, но потенциально оно могло существовать.

Для диалектов чувашского языка характерны следующие фонетические варианты слова *ăрăм* и его производных: *ёрём* «способ, сноровка, толк»; *ăрăмăç ~ ăрăмçă ~ рăмăç ~ хăрăмçă* «колдун», где *рăмăç* является усеченным вариантом *ăрăмăç*, а в слове *хăрăмçă* начальное *х-* является протетическим.

Этимология слова *ăрăм*, на первый взгляд, кажется прозрачной. Еще в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина находим следующее соответствие в каз.-тат. *өрәм* «суеверная примета» [Ашм., IV, 60].

В. Г. Егоров чув. *ăрăм*, сопоставляя с тат. *ырым* «заговор, заклинание, колдовство, знахарство, суеверные приметы»; кирг., каз., к.-калп., туркм. *ырым*, узб. *ирим* «суеверие, вера в приметы, в предзнаменования»; башк., тув. *ырым* «предчувствие»; чаг. *ирим* «хорошее и дурное предзнаменование», допускает вероятность происхождения слова *ăрăм* от орхоно-енисейского *ырк* «гадание» [ЭСЧЯ, 42].

В «Древнетюркском словаре» словарная статья на слово *irim* не разработана, а сделана отсылка на *irg* (подразумевается: *irig*.—В. С.) «предсказание, пророчество, гадание»; *irqla-* «гадать, предсказывать судьбу, события и т. д.» [ДТС, 220].

Если верить данным «Древнетюркского словаря», то *ырым* и *ырк* в древности обладали одними и теми же

значениями. Естественно, гомогенность корнеслов при этом бесспорна.

Э. В. Севортыян общетюркское *ырык* «знак, примета, предзнаменование» считает отглагольным существительным на -ак, гомогенным с *ырым* и *ырыз* (*ырыс*), с которыми его объединяет ряд общих значений. Глагольный характер производящей основы, а именно, **ыр-*, подтверждается, по мнению автора, кроме рассматриваемого существительного, также и другими его производными, к которым относятся турецкое диалектное *ir-gin* «судьба, предначертание», *ir-ü* «знак, предзнаменование» [ЭСТЯ, I, 665]. Здесь же имеется помета, что «на общность двух из названных слов — *ырым* и *ырк* указывали еще В. Томсен, затем Б. Я. Владимирцов, В. Банг и А. фон Габен. Однако В. Банг и А. фон Габен глагол *ir-* отождествляли с глаголами *yar-* «раскалывать», шор. *iril-* «образовывать трещины», «рваться», а в *irg* и *irim* видели названия древнейших принадлежностей гадания на трещинах и щелях обожженных лопаток барана.

В «Заметках к древнетюркским и старомонгольским текстам» Б. Я. Владимирцов указал на родство тюрк. **ыр-* с монг. *iri- ~ irü- ~ iriwa* < **iriwa ~ iriwa* «знак, знамение, предзнаменование» [Влад., 294—295]. Раньше по этому поводу В. Банг и А. фон Габен высказались неопределенно, т. е., разбирая слово *irü* «предзнаменование, благоволение», встречающееся в уйгурском, предполагали, что оно образовано от *ir-u* > *Vir-*. Связано ли это слово с монг. *iriwa* — В. Банг и А. фон Габен оставили под знаком вопроса.

По мнению Г. Дерффера, перс. *ирим* «различные действия, имевшие целью отогнать злых духов, заклинания, суеверие» восходит к тюрк. (узб.) *ирим* с теми же значениями; идентично и перс. *иримчи* < тюрк. *иримчи* «верящий в приметы, суеверный человек» [Doerfer, II, 45].

В «Этимологическом словаре корневых основ современного тофаларского языка» В. И. Рассадин ограничивается приведением следующих параллелей: тоф. *ырт* «высший религиозный чин», ср. др.-тюрк. *irg* «предсказание, пророчество, гадание», як. *ыра* «предчувствие, предреkanie», кирг. *ырк* «благоденствие, жизнь в согласии», ж. уйг. *ырк* «счастье, хорошее предзнаменование» [Расс., 240].

Таким образом, этимологические интерпретации у всех исследователей по отношению тюрк. *ырым* (*ирим*) ~ чув. *ӓрӓм* сводятся к тому, что оно тюркского же происхождения. Э. В. Севортяном в эту орбиту привлечены еще два слова: *ырык* и *ырыз* ~ *ырыс*. Производящей основой всех трех слов, по мнению автора, является глагол *ыр-*, представление о котором дает туркменское *ыр-* «уговаривать», «пропускать» [ЭСТЯ, I, 666—667].

Но ряд исследователей считает, что *ӓрӓс* (~ тюрк. *ырыс*, *ырыз*, *ураз*, *ирыс*) арабского происхождения) подробнее об этом см. в статье *ӓрӓс* «счастье».

Ӑрӓс «счастье», *ӓрӓс тыган* «назв. божества»; *ӓрӓсӓ* «назв. божества» из *ӓрӓс*+афф. 3 л. -*ӓ*); в отношении употребления последнего ср. *упраканӓ* [Ашм., IV, 60—61].

В чувашском языке зафиксирован ряд фонетических и морфологических вариантов слова *ӓрӓс*: *ӓрӓска*, *ӓрӓскал*, *ӓраскал*, *ӓрскал*, *рӓскал*, *рискал*, *риска*, *рскал* «счастье»; при этом форма *ӓраска* «к счастью, на счастье» стоит в форме дат. падежа (*ӓрӓс*+аф. дат. п. -(*к*)*а*), идентична с ней форма *ӓрӓскала* «на счастье». От основы имени существительного образуются прилагательные: *ӓраскаллӓ* «счастливей», *ӓраскаллӓ-тивлетлӓ* «счастливей (во всем)», *ӓраскалсӓр* «несчастней». Слово зафиксировано Н. И. Ашмариным: *Ӑрӓсси* — личн. имя мужчины. Образовано оно от *ӓрӓс*+*и* (афф. вокатива), где прослеживается геминация интервокального *-с-*: *ӓрӓс(с)*+*и*; букв. тот, кто счастлив.

В чувашских антропонимах *ӓрӓс* встречается в виде *Урас* (*Ураз*), что, по-видимому, говорит о более позднем заимствовании этих наименований у соседей-кыпчак; ср. общекыпчак. *урус*, *ураз* (*ырызка*) «счастье», «бог счастья» [Ахмет., 151]:

Урас-касси, *Орас-касси*; *Урасай ӓручӓ* «род Уразая» (антроп.); *Ураскилт* ~ *Ораскилт* ~ *Чиркӓ ошкӓн' Ураскилт* [Ашм., III, 272—273]. *Раскилтей* [Ашм., X, 282], по Шернеру, восходит к более древней форме *Ӑраскилтӓ* < старотат. **Оразкилдӓ* [Schegner, 179]. Список аналогичных названий селений с объяснением их значений дан Н. И. Золотницким [Золот., 248—249].

В научной литературе мы сталкиваемся с различны-

ми точками зрения по поводу происхождения слов *ǎrās* и *ǎраскал*.

В. Г. Егоров считал, что *ǎраскал* «счастье, жребий» является заимствованием из арабского رزق, а *ǎrās* (в сочетании *ǎrās тытан*) — персидским заимствованием от راز «тайна, секрет, сокровенное». Исходя из семантики персидского слова, чув. *ǎrās тытан* дано в значении «хранитель тайны» [Егор., 65, 68].

Но это, собственно, не мнение В. Г. Егорова. Задолго до него аналогичная мысль была высказана В. Магницким: *ырыс* или *рыс тытан* «непостоянное счастье, т. е. переходящее от одного к другому язычнику». В сноске: слово *рыс* принимаем за персидское *раз* «тайна», отсюда *рыз тыдан* «хранитель тайны» [Магн., 90].

М. Р. Федотов в основном разделяет точку зрения В. Г. Егорова, но при описании слова *ǎраскал* (*рискал*) для сравнения приводит следующее: *рискал*, *ǎраскал* «доля, удел, счастье» < араб. رزق «средство к существованию, пропитание; удел, доля». Ср. перс. رزق [резг] «пропитание, хлеб насущный, провиант»; тат. *ризык* «удел, доля», тат. *рискал* рассматривается как диалектное слово, вост.-мар. *рыскал* «счастье» [ФедАПЗ, 104, 114].

Р. Г. Ахметьянов чув. *ǎrās*, *ǎраскал*, мар. *рыскал*, тат. *ураз*, *ырыс*, *ырыскал* считает словом арабо-мусульманского происхождения. По мнению автора, это слово, вероятно, является контаминацией араб. *ризк* «пропитание» и прес. *руз* «день, дневное пропитание» [Ахмет., 151]. Но в отличие от В. Г. Егорова и М. Р. Федотова *ǎrās тытан* (тат. *ыры*, *урус*) автором дано в значении не «хранитель тайны», а «бог счастья». По-видимому, ближе к истине находится Р. Г. Ахметьянов.

В Словаре Н. И. Ашмарина *rās тытан* дано в значении «назв. злого духа» [Ашм., X, 293] и тут же со ссылкой на В. Магницкого указано: *rās тытан* «непостоянное счастье...»

М. Ряснен, приведя ряд тюркских параллелей, чув. *ǎrāsка-а* (дат.) > морд. *риз*, чер. *рис* «счастье», утверждает, что заимствовано оно из арабского языка (*ризк*), а само арабское слово возводит к пехл. *roosik* [RäsVEWT, 389в]. В отличие от М. Ряснена, Х. Паасонен морд. *риз* «счастье» включил в список древнеиранских заимствований, приведя при этом инд.-иран. **re:s*,

санскр. *ra:h* «богатство, изобилие»*. Х. Паасонен считал, что подобные слова заимствованы в финно-угорскую эпоху.

Таким образом, мнение Э. В. Севортяна, что тюрк. *ырыс* (*урас, ырыз, ураз, рыс*) образовано от глагола *ыр-* [ЭСТЯ, I, 667], по-видимому, не соответствует истине.

Мы считаем, что чув. *ӓрӓс* «счастье» заимствовано из араб. или перс., как это допускают многие исследователи, но при развитии значения могла произойти контаминация араба-персидского *ризк* (*резк*) с индо-иран. *re:s* «богатство, счастье».

Но более детальное исследование приводит нас к мысли, что *ӓраскал* (тат. *рискал, ырызка* «счастье, бог счастья», мар. *рыскал* «счастье») восходит к арабскому же оригиналу *ризк'ал* < *риск аллах* «удел аллаха», «хлеб насущный», «божий дар», «счастье».

ӓрсай «святой»; **рҗа** «название божества»; **ӓрша** «божество».

По мнению Р. Г. Ахметьянова, чув. *ӓрсай* «святой» соответствует башк. *ыржа* «благочестие». Далее приведено др.-тюрк. *arši, arši* < санскр. *r.s.i* «мудрец, святой» [Ахмет., 144]. В Словаре Н. И. Ашмарина слово *ӓрсай* с подобным значением не зафиксировано, дано лишь *ӓрсай* «фамилия в Тюрлеме» [Ашм., IV, 62]. Возможно, фамилия чувашского писателя *ӓрсай* (русск. вариант *Рзай*) тоже восходит к *ӓрсай* ~ др.-тюрк. *arži, irži* ~ санскр. *r.s.i, rši* «певец древних священных гимнов; поэт; святой» [ДТС, 55, 212, 477].

Фонетически к чув. *ӓрсай* близко стоит *рҗа* (*рз'а*) «название божества» [Ашм., X, 294], приведенное В. Магницким в виде *Рзя* «податель жизненных потребностей», *уй рзя* «производящий плод поля» и возведенное к араб. *рызк, разик, раззак* [Магн., 85]. Вариант В. Магницкого *рзя* не бесспорен как с семантической, так и генетической точек зрения. Фонетическим вариантом *ӓрсай* вряд ли может быть слово *ӓрша*, данное

* Paasonen H. Verlorenes aisches Sprachgut im Mordwinischen, FUF, 1908, Band 8, S. 72—74; об этом см.: Казанцев Д. Е. К вопросу о месте и времени проникновения иранских слов в древнесамарийский язык.— В кн.: Вопросы грамматики и лексикологии. Йошкар-Ола, 1980, с. 106.

Н. И. Ашмариним под знаком вопроса: «божество» в словарной статье на слово *ǎрша* «зной и марево во время поспевания ржи» [Ашм., IV, 62—63]. Не исключена возможность олицетворения *ǎрша* со злым духом (или божеством), уничтожающим хлеба во время поспевания. Прямой иллюстрацией тому может служить словосочетание *ǎрша хаярё*. В таком случае чувашское *ǎрша* находит параллель в башкирском *ыржа* и татарском *рǎшǎ* (*рǎшǎ* — по Н. И. Ашмарину) «марево». Ср. *ǎрша тиврё* «туман, мгла, марево испортило хлеба». *Тырǎсене ǎрша ёнтсе ячё* (тогда бывает плохой налив); ср. русск. *ржа* «болезнь растений, особ. колосового хлеба, который покрывается рыже-бурою пылью» [Даль, IV, 95].

Ваттисем «предки», *ваттисене хывни* (или *асǎнни*), *ваттисен пращникё* «день поминовения усопших, предков».

В вышеприведенных словесных формулах (в устойчивых речениях) отражается обычай почитания старших в роду и предков; известный в литературе под названием культ предков.

У кочевых тюрко-монгольских племен до их перехода в буддизм и ислам культ предков играл огромную роль, а впоследствии этот культ растворился в культе святых. У чувашей культ предков удержался вплоть до наших дней. Культ предков играл важную роль и дожил до нашего времени у народов Поволжья: в поминальных обрядах верующих удмуртов, марийцев, мордвы к умершим членам семьи обращаются не только с призывом принять угощение, участвовать в поминальной трапезе, но и с просьбами оказать покровительство хозяйству семьи, уродить хлеб, сохранить скот, дать изобилие [Маркелов, 269—281].

Образ почитасмого предка, по данным С. А. Токарева, с идеологической точки зрения, т. е. по своему содержанию, является продуктом контаминации трех первичных представлений: идей души умершего, тотемического прародителя и семейно-родового покровителя [Токарев, 277]:

Существует мнение, что культ предков складывался в эпоху патриархально-родового строя, т. е. исторически известен лишь как почитание умерших мужчин сородичей, характерное для патриархально-родового строя и его позднейших пережитков. Известно, что родовые старейшины, старшие в роде и семье, ср. чув. *ватӑ, ватӑсем ~ ваттисем* (выделительная форма), пользовались большим уважением. Этот неограниченный авторитет, беспредельная власть порождали в младших соплеменниках чувство страха, покорности и уважения. Даже умершие старейшины-аксакалы продолжали вызывать у живых чувство страха и покорности. Живые обращались к умершим предкам с просьбами оказать им всяческую помощь. Так складывались образы добрых духов, так возник родовой умиловительный культ предков.

Ваттисене хывни (асӑнни) имеет синонимичное выражение *вилесене хывни* «приношение жертвы умершим, поминовение их» [Ашм., V, 225], последнее может принять ряд фонетических и морфологических вариантов: *вилле хывни, вилнисене хывни* и т. д. [Ашм., V, 238].

Поминовения усопших (предков) проводились два раза: весной, в субботу или понедельник страстной недели [Ашм., V, 225]* и в семик. Поминки в страстную неделю у чувашей называются *вилӑм каҫ*, а поминовение умерших на Фоминой неделе во вторник — *вилӑ прасник*.

Исходя из выражений *ваттисене хывни* и *вилесене хывни*, можно заметить, что культ предков у чувашей приобретает расплывчатое значение, включающее и почитание мифических героев — «тотемических предков» и заботу об умерших.

Интересны факты семантического сдвига слов *ватӑ, ватти* в чувашском языке. По данным М. И. Скворцова, хотя *ватӑ, ватти* в терминологическом значении сохраняют явственную связь с первичным значением «старый», в некоторых случаях оно отодвигается на задний план и даже вообще игнорируется. Так, в прошлом глава дома у чувашей, независимо от возраста, назывался

* По данным В. Магницкого, *сурта кунӑ* «весенние поминки»... справляются в субботу на страстной неделе, в ночи на первый день христианской пасхи или на второй день пасхи. Летние поминки — *симӑк* совершаются перед троицей [Магн., 182—185].

ватти. Иногда слово *ватя* входило в составные наименования, обозначающие лиц, уполномоченных для отправления определенных общественных обязанностей, ср. термин *эрне ватти* «старуха, наблюдающая за соблюдением пятницы» [СквСЧОПЛ: 216].

Существует ряд точек зрения по поводу происхождения слова *ватя*.

В. Г. Егоров утверждал, что «в других тюркских языках нет родственных слов, таковые имеются в монгольских языках: монг. письм. *öteγü* «старик, старец», *ötel* «стареть, стариться»; совр. монг. *ötγös* «старика, старцы»; *ötöl нас* «старость» (*нас* «возраст»); *ötлөх*, бур.-монг. *йтэлхэ* «стареть». Ср. лат. *velus* «старый»; *veteres* «старика, предки»; ст. слав. *ветѣхъ*; ср. эвенк. *уту* «старый» [ЭСЧЯ, 47].

Впервые, на наш взгляд, на генетическую связь монгольских форм с чувашской указал Г. И. Рамstedт в «Словаре калмыцкого языка»: *ötögä*, *ötkö* «старый человек», «старец, старик»; «медведь». Приведя транскрибированную форму [ötc₁gü], автор отсылает читателя к слову *ötlxä* «стареть», «стариться, стать пожилым, жить до конца своих дней»; здесь же (под вопросом) тюрк. *öt-* «проходить, проходить мимо» сравнивается с формами *öte-l* «стареть», *ötü-l* «старый» и вслед за тюрк. *öt-* следует чув. *ватя* «старый» [KWb, 302].

М. Ряснен, опираясь на калмыцкий словарь Г. Рамstedта, сравнивает (под вопросом?) тюрк. *öt-* (?) с монг. *öte-l* ~ *ötü-l* [RäsVEWT, 376]. В другой же работе М. Ряснен указывает, что мар. *вате* «женщина, баба, жена» может быть заимствованием из чув. *ватя*, далее, со ссылкой на Мункачи, реконструирует тюркские праформы **ötük*, **ötü*, а совр. тюрк. *öt-* «переносить (во времени)», «проводить время» ~ монг. (со ссылкой на Г. Рамstedта) *ölegü* «старый», «старец, старик», *ötel* «стареть» [RäsČLČ, 120], а в начале работы: чув. *ватя* ~ монг. *öteγü* «старый, старец, старик» [с. 18].

М. И. Скворцов, обобщая этимологические исследования предыдущих авторов, пишет, что чув. *ватя* «старый, старик» имеет генетические корни в алтайских языках [СквСЧОПЛ, 213].

На правдоподобность такого допущения наталкивают тунгусо-маньчжурские параллели *уту* «старый» (ср. эвенк. *уту* 1. старый, дряхлый 2. беззащитный 3. несовершеннолетний, глупый (о ребенке); сол. *утяци* «дедуш-

ка»; эвен. *утэ* «старый» (о собаке), считаются однокоренными с п.-монг. *ötegüs ~ ötögüs* «старики, старцы», монг. *өтгөс* «старики, старцы», бур. *утөө эсэгэ* «дед» [ТМС, II, 294]. Аналогичными значениями обладает также слово *утэ:лэ*, которое имеет генетическую связь с *уту, утэ* «старый».

Составители «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» в гнездо слов *утэ:лэ* «прежде» включили удейское *в'атанаңи, в'атани* «недавно», *в'атанти* «недавний», *вэтэнэ, вэтэн-дэ* «только что»; *утэли* «тогда, в то время» [ТМС, II, 295].

Если учесть, что тунг.-маньч. *уту* «старый» обладает антонимичными значениями (ср. «старый» и «несовершеннолетний»), то наличие энантиосемии у слова *утэ:лэ* нас не должно удивлять («давний» и «недавний»). Примечательно здесь, однако, то, что в чув. *ватă, ватăл* и удейском *в'атаңи, вэтэнэ* наблюдается появление неэтимологического *в-*.

Указывая на генетическую природу чув. *ватă* с алтайскими параллелями, М. И. Скворцов считает несостоятельным сближение его со сходными индоевропейскими словами; автор при этом, несомненно, выступает против мысли о ностратическом характере корня.

Но поскольку для этимологических изысканий не безразличен факт типологических сопоставлений, мы тоже приведем ряд параллелей: русск. *ветхий* «старый, древний» генетически связан с скр. *vatsá-s, vatsara-s* «год», гр. *ετος* «год», лат. *vetus* «старый», лит. *vetuszas* «старый», «обремененный годами», алб. *vjet* «год» [Преоб., 80—81]; ср. еще кушит. **wadal(l)* «быть большим», «быть длинным, далеким» [Долг., 241].

По справедливому замечанию И. Г. Добродомова, выход за пределы алтайских языков позволяет в некоторых случаях внести соответствующие коррективы в устоявшуюся точку зрения. На примере чув. *ватă* автор показывает, что данные внешнего сравнения (с материалом других языковых семей) позволяют восстановить для алтайского праязыка начальный губной спонд, сохранившийся в чувашском языке, но утраченный в других языках этой семьи: чув. *ватă* «старый», эвенк. *utu* «старый, дряхлый», монг. *ölegü* «старик» [алт. **ötl*] — [и.-е. **uet* «старый год»], греч. *ἔτος* «год», лат. *vetus* «старый», др.-русск. *ветѣхъ* «старый»; ?с.-х. **w(t)* «год»; бербер.: туарег. *awetai*, мзаб. *t-ūt* — ностратич. *w(e)tA*

«год». В сноске добавлено: сюда же относится уральск. (фин.-уг.) **wote* [СТ, 1974, № 2, с. 35].

Если учесть данные ностратических языков, то, действительно, принимаемый за протезу инициальный *в-* в слове *ватā* «старый» вполне может быть этимологическим, т. е. исконно присутствовавшим с древнейших времен.

Г. Дерфер сомневался в связи чув. *ватā* с монгольским *ötegü* и высказал неудовлетворение по поводу сравнения монг. *ötegü* с эвенк. *уту*, якобы здесь гласные второго слога не совпадают [Doerfer, I, 160—162].

На наш взгляд, в семантическом отношении чув. *ватā* ближе всего к монг. *ötgös* «старый». Эта близость отражается в устойчивых речениях, например, чув. *ваттисен сáмахэсемне каларāшсем* «пословицы и поговорки», букв. правоучения предков, ср. монг. *уридус öтөгүсүн үге* «слово предков», букв. слова призыва стариков. Но в то же время мы не должны упускать из виду др.-тюрк. форму *ötöl*, которая дана как страд. от *öt*- I [ДТС, 392]. Глагол *öt*- I «проходить (сквозь, мимо, через что-л.)», «проходить, кончатся» никак не соответствует значению, зафиксированному в связанном тексте: *ol bu išta ötäldi* «он напрягался в этой работе» [МК, I, 193]. Нельзя ли др.-тюрк. *ötäl*- сопоставить с п.-монг. *öte-l* «стареть, стариться» и с чув. *ватāл*- «тж». В таком случае: *ол бу ышта ötäлди* следовало бы перевести «он на этой работе состарился». Таким образом, появляется возможность говорить о том, что слово *ötäl*- уже в древнетюркскую эпоху обладало значением, аналогичным чув. *ватāл*- «стареть».

Вāпār, вупār «назв. злого духа», «чудовище, которому приписываются враждебные действия против солнца» [Ашм., V, 269—270].

Фонетическими вариантами являются диалектизмы *вāвār* [Ашм., V, 295], *вопār, лопār, лāпār* [Ашм., VIII, 90; 114]. Многообразию фонетических вариантов соответствует разнообразная гамма значений: «упырь, кошмар, оборотень, баба-яга». По данным Н. В. Никольского, *вāпār* «колдун, ведьма» [НикКЧРС, 36].

Известен ряд адъективных словосочетаний со стержневым словом *вāпār* и среди них самым распространенным является *вāпār карчāк(ё)*; ср. *вāпārлā карчāк, ву-*

пӑр карчӑкӗ, лопӑр карчӑкӗ, лӑпӑр карчӑк, лӑпӑрлӑ карчӑк «баба-яга, ведьма»; менее известны *вупӑрла паттӑр* «назв. богатыря в сказке» [Ашм., V, 271] и *вӑпӑрлӑ ҫын* «человек чующий» [Ашм., V, 306]. Действия этого злого духа характеризуются двумя глаголами: *вӑпӑр ҫиет* «затмение луны» [НикКЧРС, 36] и *вӑпӑр пусать, вопӑр пусрӗ, вӑпӑр пусни* «кошмар».

Фитонимы *вӑпӑр курӑкӗ, ие курӑкӗ, хаяр курӑкӗ* представляют, по-видимому, одно и то же растение. Н. И. Ашмарин сравнивает их с тат. *убыр уты* «чертополох». *Вӑпӑр курӑкӗ* кладут *сентӑре кашти айне, алӑк ҫине*, чтобы «*вӑпӑр*» не мог переступить порога [Ашм., V, 307].

В Словаре Н. И. Ашмарина зафиксированы *ҫил вӑп(ӑ)ри, хӑвел вӑп(ӑ)ри, шыв вӑп(ӑ)ри, вил-кил-кайӑк вӑп(ӑ)ри, укҫа вӑпри, вутлӑ вӑпӑр* [Ашм., V, 306], значения которых не даны, поэтому семасиологическая интерпретация их затруднена. Что касается последнего сочетания *вутлӑ вӑпӑр* (это, по-видимому, то же, что и *вутлӑ усал сывлӑш* [Ашм., V, 269], здесь мы находим отождествление последнего с другим образом чувашской демонологии — *вӑре ҫӗлен* «заклятый (призрачный) змей». Как *вутлӑ вупӑр*, так и *вӑре ҫӗлен* ходят по почам и давят во сне людей: мужчин в образе женщины, а женщин в образе мужчины. Как и *вӑпӑр, вӑре ҫӗлен* может оборотиться в кошку и др. животных [см. Ашм., V, 270, 358].

Интересно сопоставить единственный пример Н. И. Ашмарина *Чӑвашсем вупӑра: сысна пек теҫҫӗ...* (т. е. чуваша представляют упыря в виде свиньи) с бурятским *ороолон* «оборотень, упырь», «шаманка-оборотень», душа которой во время сна принимает образ бесхвостой свиньи [Манж., 65].

Аналогичное поверье было и у вотяков. «По вотскому поверью, коров сосет *юберъ* или *ибыръ*, ему же приписывается и затемнение небесных светил. *Ибыръ* — это умерший видынъ, т. е. колдун, который огнем выходит из своей могилы и летает по воздуху... Черемисы огненные метеоры называют *убуръ*» [ИОАИЭ, т. III, Казань, 1884, с. 222].

В тюркских языках *убыр* обладает разнообразными значениями: тур. *обур* «злой дух, ведьма», «ненасытный обжора» [Радл., I, 1155], башк., тат. мишар. *убыр* «колдунья, оборотень», «обжора»; кирг. *обур*, каз., ног. *обыр*

«ненасытный, обжора», карач.-балк. *обур* «чародей, колдун; оборотень, ведьма» [ЭСЧЯ, 57].

Из тюркских языков (вернее, из чувашского) слово попало и в соседние финно-угорские языки: мар. *вувер* (ср. чув. диал. *вӱвӱр*); удм. *убир* «злой дух, вампир, людоед», возможно, из тат. *убыр* [Фед., I, 78].

В тюркских языках *обур* считается производным от глагола *оп-*, т. е. к глагольному корню *оп-* «пожирать, сожрать» присоединяется аффикс *-р* и получается отглагольное имя на *-р* [ЭСЧЯ, 57; ЭСТЯ I, 465]. По Э. В. Севортяну, звонкий *-б-* в *убыр* (*обур* ~ *обыр*) может свидетельствовать о долгом *о*; т. е. *о:п-*, т. к. более старая форма данного производного должна быть *опур* ~ *упыр..*, с которой, по-видимому, связано русское *упырь*, как это думал Н. К. Дмитриев, но с ним не соглашался М. Фасмер, считавший подобное сближение фонетически сомнительным [ЭСТЯ I, 465; СТЯ, 347].

Ради справедливости укажем: мысль о том, что русск. *упырь* восходит к татарскому *убыр* было высказано задолго до М. Рясенена и Н. К. Дмитриева В. А. Сбоевым [Сбоев, 115, сноска].

Как видим, в чувашском *вӱпӱр*, *вупӱр* выступает с протетическим *в-*, а в диалектизме *лопӱр*, *лӱпӱр* начальный *л-*, по-видимому, явление позднего порядка, т. е. здесь налицо *в* ~ *л* (ср. аналогичное чередование в словах: *автан* ~ *алтан* «петух», *лопашка* ~ *вопашка* «яма, ложбина»). Протеза *в-* характерна для чувашского языка, поэтому мар. *вувер* можно считать чувашским заимствованием.

В русском языке наряду с *упырь* (которое считается тюркским) бытует *вампир* «мертвец, который по ночам выходит из могилы и сосет кровь живых людей» [Преобр., I, 64]. Фонетическими и морфологическими вариантами слова являются *вампыр*, *вепыр*, *вопыр*, *впыр*, *вапир*, *вепирин*, *вепирка*. Слово это распространено и в европейских языках: во французском, немецком, итальянском. Это обстоятельство заставило А. Г. Преображенского считать русск. *вампир* новым заимствованием из западно-европейских языков — из французского или немецкого.

В. Даль русск. *упырь* считал исконно славянским и предполагал родство с глаголами *упираться* (*упрямиться*, *упорствовать*). В западных языках синонимом слова

упыр является сходное по звучанию *вампир* «кровосос» [«Наука и религия», 1977, № 12, с. 72].

В свою очередь, нем. *Vampir* считается др.-польским или сербохорватским заимствованием; ср. *пирати* «дуть» [Фасм., IV, 165].

М. Рясянен допускает возможность, что русск. *вам-пир* может быть протобулгарским заимствованием [RäsČLČ, 124]. С поддержкой мнения М. Рясянена выступил И. Г. Добродомов, который пишет, что получивший интернациональный характер сербский булгаризм *вампир* (ср. чув. *вунӑр*, диал. *вӑнӑр*) при наличии небулгарского русского тюркизма *упыр*, возможно, указывает на присутствие анлаутного *в-* также на первичный характер этого звука (ср. марийск. *вувер*) [СТ, 1974, № 2, с. 38].

СОКРАЩЕНИЯ

Ахмет.	<i>Ахметьянов Р. Г.</i> Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1977.
Ашм.	<i>Ашмарин Н. И.</i> Словарь чувашского языка, вып. I—XVII. Казань-Чебоксары, 1928—1950.
Влад.	<i>Владимирцов Б. Я.</i> Заметки к древнетюркским и старомонгольским текстам.— Доклады АН СССР, 1929, с. 289—296.
Долг.	<i>Долгопольский А. Б.</i> Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков. М., 1973.
ДТС	Древнетюркский словарь. Л., 1969.
Егор.	<i>Егоров В. Г.</i> Введение в изучение чувашского языка. М., 1930.
Магн.	<i>Магницкий В. К.</i> Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.
Манж.	<i>Манжигеев И. А.</i> Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978.
Маркелов	<i>Маркелов М.</i> Культ умерших в похоронном обряде волго-камских финнов.— В кн.: Религиозные верования народов СССР, т. 2. М.-Л., 1931.
НикКЧРС	<i>Никольский Н. В.</i> Краткий чувашско-русский словарь. Казань, 1919.
Преоб.	<i>Преображенский А. Г.</i> Этимологический словарь русского языка. М., 1958.
Радл., I—IV	<i>Радлов В. В.</i> Опыт словаря тюркских наречий, I—IV, М., 1962 (стереотипное издание).
Расс.	<i>Рассадин В. И.</i> Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
Сбоев	<i>Сбоев В. А.</i> Исследование об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах. Казань, 1856.
СквСЧОПЛ	<i>Скворцов М. И.</i> Старочувашская общественно-политическая лексика. Канд. дисс., М., 1972.
ТМС II	Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. II. Л., 1977.

Токарев	<i>Токарев С. А.</i> Ранние формы религии. М., 1964.
Фасм., I—IV	<i>Фасмер М.</i> Этимологический словарь русского языка, I—IV. М., 1964—1973.
ФедАПЗ	<i>Федотов М. Р.</i> Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке.—УЗ ЧНИИЯЛИЭ, в. 26. Чебоксары, 1963.
Фед., I	<i>Федотов М. Р.</i> Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. I. Чебоксары, 1965.
ЭСТЯ, I	<i>Севортян Э. В.</i> Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
ЭСЧЯ	<i>Егоров В. Г.</i> Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
Doerfer I—II	Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen I. Wiesbaden, 1963; II, Wiesbaden, 1965.
KWb	Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1976.
RäsCLC	Räsänen M. Die tschuwaschischen Lehnwörter in tscheremissischen.—MSFOu, XLVIII. Helsinki, 1920.
RäsVEWT	Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
Scherner	Scherner B. Arabische und Neupersische Lehnwörter im tschuwaschischen. Wiesbaden, 1977.

ЭТНОНИМЫ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

Н. А. БАСКАКОВ

Этнонимы гуннов, сабиров, аваров, хазаров и болгар имеют много общих черт как в отношении их фонетического и грамматического оформления, так и в отношении избирательности присвоения того или иного названия или имени.

Так, например, характерными чертами языков этой группы древних тюрков Восточной Европы болгар, хазар и проч., являются фонетические особенности, общие в значительной части с особенностями чувашского языка, а именно: а) соответствие *r* и *l* вместо *z* и *š* в других тюркских языках; б) наличие начального *š* вместо *s* в других тюркских языках; в) наличие конечного *m* вм. *n*, *ŋ* — в других тюркских языках; г) наличие протетических *j* и *v* в основах, начинающихся в других тюркских языках с гласного; д) соответствие гласных *i*, *u*, *ü* гласным *e*, *o*, *ö* в других языках.

Общими или близкими к чувашскому языку являются также и некоторые аффиксы словообразования. Однако в исторических источниках и, в частности, в русских летописях не все этнонимы носят черты болгарского, хазарского и др. языков болгарской группы, так как зафиксированы в письменных памятниках в произношении других народов.

Что же касается принципов избирательности в названиях племен и родов, то они также весьма характерны для тюркских языков народов Восточной Европы.

Так, многие из этнонимов гуннов, суваров, аваров, хазаров и болгаров, как это явствует уже из самих этих названий, имеют своей основой имя действующего лица по свойству, т. е. имеют глагольное окончание — причастия на *-ar* (*-er*, *-r ~ -yr*) *-ir*, *-r*, *av-ar*, *xaz-ar*, *suv-ar*, *bul-γa-r*.

Нередки случаи названий племен и родов по родственным и свойственным отношениям, по внешнему виду и свойству, по количественному признаку объединения родов, например, *он оуиг* 'десять огуров'; по названию зверей и проч.

Как уже отмечалось выше, разноязычные источники, донесшие до нас названия тюркских народов, племен и родов Восточной Европы, не дают в языковом отношении единого фонетического оформления одних и тех же этнонимов. Наряду с болгарскими чертами языка этнонимов этих народов, встречаются и иные включения. Некоторые же из этнонимов хорошо сохранили свое исходное оформление.

Ниже мы приведем в алфавитном порядке почти все этнонимы этих народов, встречающиеся в различных источниках и главным образом в русских летописях с соответствующими возможными этимологиями для каждого названия.

Абдал ~ Абдел [Аристов, 1896; Арт., 83—84] — название болгарского рода по сирийским источникам.

1) <диал. чувашск. *avät-* 'рыть, долбить, копать' *пахать' (<совр. чувашск. *al-*) + аффикс орудия (лица) действия *-ä/-ë*; *avätä* <*avtä* (ср. совр. *avät-* 'долбить', *avätä*) > *avtä* 'долбило, долото') + *el* 'племя, народ' > *avt(ä) el* 'племя пахарей, племя сохи' > *Абд el*. Ср. *Акацир*, *Альтцагир*, — возможно, названия одного и того же племени в различных источниках.

Аваз ~ Абаз [Арт., 83] — название хазарского рода.

1) Возможно, что это название представляет более поздний параллельный фонетический вариант названия *авар*, используемый другими тюркскими народами по аналогии *огур* ~ *огуз* в силу известной фонетической закономерности *r* ~ *z* ротацизма ~ сигматизма; см. *Лвар*.

Авар ~ Авыр ~ Абар ~ Аугар ~ Хавур ~ Авийор ~ Агийор ~ Аваз ~ Абаз [Арт., 83—84] — название хазарского и болгарского рода по сирийским и другим источникам [Czegledy, 1969].

1) Из существующих этимологий наиболее вероятной является: <*ava-* 'противиться, сопротивляться, восставать' + аффикс имени действующего лица *-ar*> 'сопротивляющийся, мятежник' > название рода по анало-

гии *bulγar* с тем же значением < *bulγa-* 'смешивать, возмущать' + *-r* > *bulγar* 'мятежник' [Munkacsi, 1945].

2) < *av-* 'разрушать, опустошать' + *-ar/-er, -r* — аффикс имени действующего лица > *av-ar* 'опустошитель, разрушитель' [Pelliot, 1949].

3) < *qabar ~ qavar ~ habar ~ havar* > *avar* < *qar-* 'нападать, хватать' + *-ar* — аффикс имени действующего лица > *qabar* > *havar* > *avar* 'нападающий' > название племени [Pritsak, 1965].

4) Кроме представленных выше возможных предположений о происхождении этнонима *Авар* не исключено то, что название *avar ~ avur ~ habur* представляет собой фонетический вариант названия *oγur* по фонетической закономерности соответствия, *b ~ γ*, например, *sub ~ suγ* 'вода', а также звуков *v ~ w ~ γ* в интервокальной позиции, ср., например, огузск. *baγur* ~ кыпч. *bawur* 'печень', карлукск. *soγaq* ~ кыпчакск. *sowiq* 'холод'. Аварами могли называть огуров кимакские и кыпчакские, а также и огузские племена, имевшие в виду переход болгарск. *oγur* ~ кыпчакск. *obur* ~ *ovur* ~ *owur* ~ болгарск. *oγar* ~ кыпчакск. *obar* ~ *owar*; ср. русск. *обры*. Возможно, что варианты названия этого рода *Авийор ~ Агийор* являются промежуточными формами адаптации: *oγur ~ ogjor* < *owur ~ awjor*.

Акацир ~ Акатир [Арт., 56; Maenchen-Helfen, 1973] — название гуннского и хазарского рода.

1) < *aka* 'старший в роде' + *ceri ~ čeri* < *čerig* 'войско' > *aka ceri* 'старшее войско, дружина' [Арт., 56];

2) < *aγac ~ aγač* 'дерево, лес' + *er* 'человек' + *-i* аффикс принадлежности третьего лица > *aγač ~ aγac eri* 'лесные люди' [Рашид-эт-Дин, I, 1952, с. 85];

3) < *aq* 'белый' + *kasir ~ qazar* > *aq qazar* 'белые хазары' [Czeplédy, 1961].

4) Возможна также следующая этимология: < *aka-čă-(a)r* (* < *ākā-čīār*), чувашск. 'сеятель', 'пахарь' < *aka* 'пашня, пахота' + *-čă* — аффикс профессии *aka-čă* 'хлебопашец' + *är ~ er* 'мужчина, человек, люди' > *aka-čă ar* 'сеятель, хлебопашец' название рода. (Ср. *Абдал ~ Абдел, Алтцагир*). Что касается смещения передне- и заднерядных гласных в древнерусский адаптации, то это явление не является исключением для данного случая.

Аликанус [Иосиппон] — название хазарского рода.

1) <elik 'правитель, государь' [ДТС, 170] + хан 'хан' + греческ. -os/-us;

2) <Elik 'имя собственное' [ДТС, 171] + хан 'хан'.

В том и другом случае + греческое окончание -os/-us.

Альтцагир [Арт., 85] — название хазарского рода.

1) <alt-ça-jăx-ar 'племя мужей, пахарей' < чувашск. alt- 'копать' > *пахать' + -ça — аффикс, образующий результат или орудие (лицо) действия + jăx 'племя' + ar 'мужчина' [ЧРС, 29, 37, 119, 609]. Ср. аналогичную этимологию этнонима qaz-aq 'казах' < qaz- 'копать, добывать; кочевать' + -aq — аффикс, образующий орудие (лицо) действия. Возможно, что этноним Абдел, Акацир и Альтцагир — вариант одного и того же названия рода. Что касается палатализованного l' в названии Альтцагир, то последний — результат регрессивной ассимиляции, вызванный согласным ç и j.

Баграсик [Арт., 83—84] — название болгарского рода по сирийским источникам.

1) <baçirsaq 'добрый, преданный' [МК, I, 251; ДТС, 78].

Барсил ~ Барсул ~ Барсельт ~ Барсула [Арт., 108, 184; Golden, 1980, с. 143—147] — название хазарского и болгарского рода.

1) <bars eli ~ ili 'племя барса' < bars 'барс' + el ~ il 'племя, народ' + -i — аффикс принадлежности 3-го лица > bars--il-i название племени барса [Golden, 1980, с. 147].

2) <Barçul ~ Varçol ~ Burçul ~ Burç oçlu < Бурчевичи — название кыпчакского (половецкого) племени — менее вероятное сближение [Golden, 147].

3) <bars-ly 'относящиеся к роду, имеющему своим тотемом барса' < bars 'барс, тигр' + -ly — аффикс обладания, букв. 'обладающий барсом' < 'племя, имеющее своим тотемом барса'.

Бизаль ~ Бизал ~ Вуз [Иосиппон] — название хазарского рода.

1) <baz el < baz 'чужой, иностранный' + el 'народ' > baz el 'чужестранцы, посторонний род';

2) <bezäl- 'украшаться' < bezä- 'украшать' + -l — аф-

фикс страдательно-возвратного залога > *bezä-l* 'украшаться, быть украшением, быть украшенным' > собственное имя > название рода по собственному имени.

Булгар [Иосиппон] ~ **Бургар** [Арт., 83—84] — название племени булгар и название рода у хазар:

1) <*bul-γa- ~ bol-γa- ~ bula- ~ bola-* 'смешать, смешивать'; перен. 'возмущать, смутьянить' + *-ar/-er, -r* — аффикс имени действующего лица > *bulγar* 'возмущающий, смутьян, мятежник' [Березин, 1953, 1961; Németh, 1930, 1];

2) <*balyq* 'город' + *er* 'мужчина, человек, люди' > *balyq er* > *balqar* > *bulγar* 'люди города, горожане' [Abul-Fidā];

3) <*bulγur* < *byl ~ bil (~ beš)* 'пять' + *oγur* 'огур', название племени или <*pilëk oγur* 'пять угров' < *billëk* 'пять' + *uγr* 'угр'; > *biγur ~ bulγur* 'пять угров' > название племени [Munkacsi, 1945].

4) Ср. также возможное соответствие *bulγur ~ bašqyr* при соответствии *l ~ š* и *u ~ a* в болгарском и современных тюркских языках, а также общность названий болгарских и башкирских родов [Németh, 1966; Баскаков, 1976; Федотов, 1980].

5) <*bul ~ bula* иранск. 'большой, великий' + *γar* 'рука, ответвление, часть войскового строя' *bulγar* [Булатов, 1965].

Наиболее вероятной представляется первая этимология: *булгар* < *bul-γa-* 'смешивать, возмущать' + *-ar/-er, -r* — аффикс имени действующего лица > *bulγa-r* 'возмущающий, мятежник', либо 'смешивающий, объединяющий разные племена'.

Дирмар [Арт., 83—84] — название болгарского рода по сирийским источникам.

1) <*tir- ~ ter-* 'собирать, копить, объединять' (ср. *ter-* собирать, объединять' [ДТС, 553, 561] + *-mä* — аффикс, образующий определяющее имя по данному действию > *tir-mä* 'собирающий, объединяющий' + *er* 'мужчина, человек, люди' > *tirmä er* > *tirmär* 'род, объединяющий людей'; ср. этимологию *ur-γur* [Клосон, 1965].

Забук [Иосиппон] — название хазарского рода.

1) <*sap-* 'соединять, составлять, охватывать' + *-uq* —

аффикс, образующий результат действия >*sap-ur* 'соединяющий, охватывающий' > название рода.

Ианур [Иосиф, Коковцов, 1932] — название гуннского и хазарского рода.

1) <*jan-* 'угрожать' + *-ur* — аффикс имени действующего лица > *jan-ur* 'угрожающий';

2) <*jan-* 'шататься, слоняться, странствовать' + *-ur* — аффикс имени действующего лица > *jan-ur* 'слоняющийся, странствующий' > 'кочевник' > название рода.

Кабар ~ Кавар ~ Кобар ~ Ковар [Арт., 324—329, Golden, 1980 с. 133—142; Pritsak, 1965] — название хазарского рода.

Множество вариантов фонетического оформления названия этого рода предполагает также и множество различных этимонов, лежащих в основе этого названия. Представляется наиболее вероятным происхождение этого этнонима из основы одного из следующих глаголов:

1) <*qar-* 1) 'сжимать, сдавливать, стискивать'; 2) 'собирать, сводить'; 3) 'захватывать, хватать, красть, похищать, одолевать, нападать' ~ 2. *qor-* 'подниматься, возвышаться, вставать' ~ 3. *qaw-* 'поворачиваться, склоняться, придерживаться' ~ 4. *qow-* 'гнать, прогонять, преследовать' + *-ar/-er, -r* — аффикс имени действующего лица, т. е. либо *qab-ar* 'собирающий, захватывающий, нападающий' и проч., либо *qob-ar* 'возвышающийся, поднимающийся' и проч., либо *qaw-ar* 'склоняющийся, придерживающий' и проч. либо *qow-ar* 'преследующий' и проч. [ср. Golden, 1980, с. 140—142].

Карлук — название уйгурского племени.

1) <*qar* 'снег' + *-luq* — аффикс, указывающий на свойство > *qar-luq* 'снежный';

2) <*qar-* 'смешивать' + *-a* + *-luq* — аффиксы масдара и имени, указывающего на свойство > *qar-a-luq* 'смешанный' [Doerfer, III, 385].

Кувйар — название болгарского рода.

1) <*qiw* ~ *quu* 'лебедь' + *-er* 'человск, люди' > *qiw er* 'люди, имеющие тотемом лебедя' > лебединские люди' Ср. аят. *qiw* ~ *quu kiži* 'лебединцы' (название племени);

2) < *qiw-~qiw-* 'гнать, преследовать' + *-ar/-er, -r* — аффикс имени действующего лица > *qiw-ar* 'преследующий' > название рода;

3) < *qiw-ra-* 'собираться, скопляться' + *-r* — аффикс имени действующего лица > *qiw-ra-r* 'собирающийся, скопляющийся' > название рода.

Кулас [Арт., 83—84] — название болгарского рода по сирийским источникам.

1) < *qulabuz~qulawuz~qulaas* 'проводник' [МК, I, 487; ДТС, 464] > название рода;

2) < *qul* 'раб' + *as* 'название племени' историч. 'осетины' > *qul as* 'раб-осетин' > название рода'.

Кутургур ~ Кутугур ~ Котригур ~ Куртигар ~ Куригур ~ (Арт., 83—84) **~ Кутригур ~ Кутургур ~ Котрагор ~ Кутзагир** — название гуннского болгарского рода.

1) < *qur oγur* 'собачьи угры' [Европеус, 1868, 6, считал угорским племенем — ханты или манси];

2) < *holur oγur* < *hotur~otuz* 'тридцать, + *oγur~oγuz* 'название рода' > *hotur oγur* 'тридцать огуров', (ср. по аналогии *toquz oγuz* 'девять огуров' [Малов, 1951, 403]).

Огур ~ Угур [Арт., 83—84] — название гуннского и болгарского рода.

1) < *ögür~ögüz* < *ög-~ö-* 'думать, мыслить' [ДТС, 375] + аффикс имени действующего лица *-güz~-gür~-üz~-ür* > *ög-gür~ög-güz* > *ög-ür~ög-üz* > *ögür ~ ögüz* 'мудрый, мудрец', т. е. более древняя фонетическая форма, характеризующаяся ротацизмом в отличие от соответствующей более новой формы *ögüz* 'огуз', характеризующейся зетацизмом.

У К. Менгеса о племенах огуров и элементе *-гурь, -гирь* сказано туманно: «Вероятно, это те племена, в состав названия которых входят *-гурь, -гирь...*», — без выяснения природы этого элемента, впрочем со ссылкой на алтайский аффикс *-gir* [Менгес, 1979, с. 40].

Оногур ~ Уногур ~ Унгур ~ Оногур ~ Аунгур ~ Гунгур нугундур [Арт., 83—84, 1958] **~ Оногундур ~ Унно- ~ Гуннугундур** (Dabrowski, 1969) **~ Уннугундур ≈ Утигур** — название гуннского и болгарского рода [Mogavcsik, 1930].

1) < *on oγur* 'великие угры' [Европеус, 1868];

2) <оп оғур ~ ип оғур ~ һоп оғур 'десять огуров' — название родоплеменного объединения, состоящего из числительного и названия племени или рода — модель, часто встречающаяся как у древних, так и у современных тюркских народов; ср., напр., древнетюркск. *оп оғуз* 'десять огузов'; *тоғуз оғуз* 'девять огузов' и проч.

Что касается транскрипции *Гуннугундур* ~ *Гунугур* ~ *Унногундур* ~ *Уннугунжур* ~ *Аунгур*, то первые представляют собой, по-видимому, контаминацию двух родоплеменных названий *һиппи оп оғур* или *һиппи оғур*; последняя — более стяженную форму *оп оғур* > *аипғур*.

Этноним *оп оғур* ~ *һоп оғур* лежит и в основе названия венгров > *ungar* ~ *hungar* ~ *hongrua* ~ *һоноғур* и проч.

Охсун — название болгарского рода.

1) <ög- ~ ö- 'хвалить, превозносить, думать, мыслить' (ДТС, 375) + -sün — аффикс, образующий имя действующего лица, повелительная форма 3 лица > *ög-sün* 'пусть будет прославленным, пусть будет мудрым'; собственное имя > название рода;

2) <ük- 'собирать, объединять' [ДТС, 623] + -sün — аффикс имени действующего лица > повелительная форма 3 лица > *ük-sün* 'пусть объединит, соберет (все роды и племена)' собственное имя > название рода.

Печенег ~ **Пацинак** ~ *Badžanaq* ~ *Badžynaq* ~ *Baadž-nak* ~ *Pačynaq* и проч. — название хазарского рода.

1) <*Bäčä* — собственное имя + аффикс уменьшительной формы -nek > *bäčänek* 'печенег' [Gombocz, 1918].

2) <*badža* ~ *baadža* ~ *bača* ~ *badza* 'свояк, муж сестры жены' + -nak — аффикс уменьшительной формы.

Рагбина [Иосиппон] — название хазарского рода. Этимология не выяснена. Возможно, что данный хазарский род не был тюркского происхождения и возник как религиозно-социальная группировка, связанная с принятой хазарами иудейской религии.

Сабир ~ **Сапир** ~ **Савир** [Арт., 83—84] — название гуннского, хазарского и болгарского рода и племени [Ратканов, 1900].

1) Ю. Немет и З. Гомбоц считали этноним *Сабир* (<*sabyr*) тюркским названием хазаров, т. е. соответствующим персидскому названию — *hazar*, а Ю. Немет

сближал также этноним с русск. *Сибирь* [Németh, 1930, I].

Основной из известных этимологий этнонима *Сабир* считается происхождение его от глагола *sap-* 'поворачивать, сворачивать, отклоняться, совращаться' [Р. IV, 402; ТРС, 1975] + *-yr/-ir, -r* — аффикс имени действующего лица > *sab-yr* 'тот, кто отклоняется, совращается, заблуждается' (Golden, 1980). Аналогией к этой этимологии может служить название племени *Bulγur*, см. *Булгар*.

2) Более вероятной основой этнонима *Sabir ~ Sabyr* следует считать глагол *sap- ~ sep-* 'соединять, объединять, составлять, охватывать' [ДТС, 485, 496] + *-yr/-ir* — аффикс имени действующего лица > *sab-yr* 'тот, кто объединяет, составляет' > название рода; ср. чувашск. *çavăr* 'вращать, кружить, охватывать' [ЧРС, 344, 345, 351] и чувашск. *çavăr* 'рой, детва' > 'то, что объединяет' > род.

Аналогией к этой этимологии может служить происхождение названия рода *ujγur* < *uj-* 'присоединяться, объединяться' + *-γur* — аффикс, образующий имя действующего лица > *uj-γur* 'тот, кто (что) объединяет, объединяющий' [Клосон, 1965].

Сарагур ~ Саругур ~ Саригур [Арт., 83—84] — название болгарского рода:

1) < *sara ~ sary* 'белый' + *oγur* 'название рода огуров' > *sara oγur* 'белые угры' [Европеус, 1968];

2) < *saryγ ~ sary* 'желтый, белый' + *oγur* 'желтые ~ белые огурцы'; возможно также по цветовой символике 'западные огурцы'.

Сувар [Арт., 128] — название гуннского, хазарского, болгарского рода.

1) < иранск. *savar* 'всадник, кавалерист' [Boswort, Clauson, 1965];

2) < персидск. *sav ~ sau* 'черный' + *arya* 'иранец, ариец' > *sau ar(ya)* 'черный иранец' 'черный алан' [Moog, 1959]; возможно также по цветовой символике 'северный иранец'.

3) возможно, что названия рода *Сувар* и *Сабир* идентичны; см. *Сабир*.

Таврис ~ Таурис [Иосиф] — название хазарского рода.

1) <*tavraš* чувашск. 'род, фамилия'; ср. *kam tavraše?* 'ты из какого рода, чей ты?'; *tavrašě* 'кто-либо из рода подобных' > родственник, род, фамилия' [ЧРС, 1981, 380] > **tavis* 'род близко родственных, род подобных'.

Тарна ~ Т-р-на [Иосиф] — название хазарского рода.

1) <*taarna* < *tavärna* чувашск. устар. 'название обычая, по которому молодожены и их ближайшие родственники едут в дом родителей невесты с угощением и подарками' > *tavra* чувашск. устар. диалектн. 'родня, свойственники' [ЧРС, 379] > род, из которого брали себе в жены представители другого племени.

Аналогия и общая основа с этнонимом *türk ~ törk* или *badžnaq*, см. *Печенег*.

Толмач ~ Тилмаи ~ Талмис [Иосиппон] — название хазарского рода.

1) <*tylmač* < *til ~ tyl* 'язык' + *mač* — аффикс, образующий от имени существительного значение субъекта или признака [Севостьян, 1966] > *tylmač* 'переводчик, толкователь' > имя собственное > название племени. Ср. древнерусск. *тълковин* — название какой-то этнической группы [подробно см. Németh, 1958; Jyrgänkallio, 1952; Менгес 1979].

Угуз ~ Уз [Иосиф] <*oğuz* — название хазарского рода и крупного племенного союза тюрков.

1) <*uğuz* 'молозиво' [Березин, 1861; Pelliot, 1930];

2) <*oq* 'стрела' + *uz* 'человек' [Marquart, 1914];

3) <*oq ~ oγ* 'стрела, род, племя' + *uz* — аффикс множественного числа > *oğuz* 'племена, роды' [Ligeti, 1967; Pritsak, 1967; ср. Кононов, 1958];

4) <*öküz ~ höküz* 'бык' [Бернштам, 1940; Sinor, 1950; Bazin, 1953];

5) <*ög- ~ ö-* 'думать' + *-güz ~ üz* > *ög-üz* 'мудрый, мудрец' > название племени.

Утигур [Арт. 158] — название болгарского рода.

1) <*utti oγur* 'малые угры' < угорск. *utti* 'малый' + *oγur* 'угры' > название племени > *utti oγur* 'малые угры' [Европеус, 1968];

2) <*uliyur* < *uturyur*, т. е. *utiyur* представляет собой сокращенный вариант названия племени *Кутургур ~ Отургур* и проч.; см. *Кутургур*.

Хазар ~ Хозар [Иосиф] ~ **Козар** [Иосиппон] — название племени хазар [см. подробно Golden, 1980, с. 123—132].

Название племени хазар, по преданию, происходит от антропонима — имени 'седьмого сына Тогармы' [Dabrowzki, 1975, с. 396]. Из существующих этимологий данного этнонима отметим следующие:

1) <*qaz-* 'копать, рыть, добывать'; 'блуждать, бродяжничать, кочевать'+*-ar* — аффикс имени действующего лица >*qaz-ar* 'добывающий, кочующий' [Березин, 1853, Gombocz, 1912];

2) <*kez- ~ käz- ~ qaz-* 'гулять, путешествовать, бродить'+*-ar* — аффикс имени действующего лица >*kez-er ~ käz-är ~ qaz-ar* 'бродяжничавший, путешествующий' > название племени [Németh, 1930];

3) <монг. *qasar* — название собаки по аналогии с этнонимом *ноҗај* 'ногаец' <*нохај* 'собака' [Pelliot, 1949];

4) <*qoz-* 'усиливаться, нарастать, увеличиваться'+*-ar* — аффикс имени действующего лица >*qoz-ar ~ hoz-ar* 'усиливающийся, увеличивающийся' > название племени.

Хатыр ~ Кадыр [*Kadhir ~ Khatir*] — название знатного рода хазар и мужское собственное имя [Арт. 246; Barthold]:

1) <*qatyr ~ xatyr* 'мул', 'человек смешанной крови' [МК, I, 364; ДТС, 455, 637] > название рода и собственное имя;

2) <*qadyr* 'твердый, трудный' [МК, I, 364]; 'суровый, жестокий, лютый, страшный, свирепый' [ДТС, 403] > название рода и собственное имя;

3) <*xajir* монг. 'гриф-птица' [Владимирцов, 1929].

Хун ~ Гунн — название племени и племенного союза *Хунну ~ Гуннов*.

Наиболее вероятной и общепринятой этимологией этого этнонима является представленная Ю. Неметом гипотеза о происхождении названия *hun* из тюркск. *kün* <монгольского *kün ~ hün ~ күмүн* 'человек, люди', ср. венгерск. *him*, ненецк. *komi ~ kut ~ kute* — название племени, а затем и племенного союза [Németh, 1930, I; 1940].

Чакар — название болгарского рода.

1) <*čaq-* 'сеять вражду, подстрекать, восставать'

[ДТС, 140] +*-ar* — аффикс имени действующего лица >
čaq-ar 'тот кто подстрекает, сеет вражду, мятежник' ср.
этимологию *bulγar* см. *Булгар*.

Эсегел [Арт., 131] — название болгарского рода.

1) <*ezük* 'лживый, клеветник, обманщик', [ДТС, 192] +*el* 'народ, племя, род' > *ezük el* 'род обманщиков, клеветников;

2) <*asyq* 'полезный, выгодный' > собственное имя, [ДТС, 60] +*el* 'народ, род' > *asyq el* 'род имеющего имя Асык';

3) <*aziq* ~ *azaq* 'сбившийся с пути, заблуждающийся' [ДТС, 74] +*el* 'народ, род' > *aziq el* ~ *azaq el* 'род заблудших, сбившихся с пути';

4) <*ezgü* 'хороший, добрый' [ДТС, 164] +*el* 'род' > *ezgü el* 'род добрых, хороших'.

Итак, как это видно из приведенного материала, многие из этнонимов сохранились в древнем своем фонетическом оформлении, характерном для языков болгарской группы, но много древних этнонимов имеют уже иные огласовки иной состав согласных, вызванный тем, что этнонимы эти могли быть зафиксированы источниками со слов других народов в соответствующем измененном виде.

Так один и тот же род мог иметь различное название в устах различных народов, ср. например *oγuz* ~ *oγur* 'огузы' ~ 'огуры', *otuz oγuz* ~ *hotur oγur* 'тридцать огузов — огуров'; не исключено, что названия; *avaz* ~ *avar* ~ *havar* ~ *qabar* ~ *havur* ~ *qabyr* ~ *ovur* ~ *ovuz* ~ *oγur* ~ *oγuz* в силу соответствий *q* ~ *h* ~ \emptyset , *r* ~ *z*, *γ* ~ *w* ~ *v* были общими для одного и того же племени. Названия *bulγar* ~ *bulγur* ~ *bolγar*, а возможно и *bašqard* ~ *bašqur* также представляли собой только различное фонетическое оформление по соответствию *a* ~ *u*, *š* ~ *l*, о чем было уже сообщено ранее. Варианты одного и того же рода и племени *sabyr* ~ *sivar* ~ *sivaz* ~ *šivaš* уже по шеству приняты наукой.

Некоторые из приведенных этнонимов могли быть в соответствующих источниках смешаны просто с нарицательным названием рода, ср. например *sabyr* < чувашск. **čavär* 'род племя' или *tavris* ~ *tawris* < чувашск. *tavraš* 'род, фамилия' (не является ли это слово основой русск. товарищ?).

В данной статье приведены только самые первые предположения, которые требуют дальнейшего исследования на основе привлечения более обширного материала как в отношении лингвистических, так и историко-культурных данных.

Литература

- Аристов Н. А.* О земле половецкой (историко-географический очерк).—Известия Историко-филологического Института им. кн. Безбородко в Нежине, № 1, Нежин-Киев, 1874.
- Артамонов М. И.* История хазар, Л., 1962 (сокращенно Арт.).
- Березин И. Н.* Первое нашествие монголов на Русь.—ЖМНП, 1853, № 79. (сокращенно ИБ).
- Березин И. Н.* История монголов. Сочинение Рашид-эд-дина. О турецких и монгольских племенах, СПб, 1861.
- Бернштам А. Н.* К семантике термина *oγul* 'сын'.—Язык и мышление, т. IX, Л., 1940.
- Булатов А. Б.* К этимологии этнонима *болгар*.—Ученые записки Чувашского НИИЯЛИЭ, XXIX, Чебоксары, 1965.
- Древнетюркский словарь, Л., 1969 (сокращенно, ДТС).
- Европеус Д.* К вопросу о народах, обитавших в Средней и Северной России по прибытию туда славян.—ЖМНП, 1868.
- Клосон Дж.* О названии *уйгур*.—Исследования по уйгурскому языку, I, Алма-Ата, 1965.
- Каковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в., Л., 1932.
- Кононов А. Н.* Родословная туркмен. М., 1958.
- Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.
- Махмуд Кошгарий.* Девону Лугот-ит-Турк., т.т. I—III. Ташкент, 1960—1963.
- Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
- Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий, т. т. I—IV. СПб, 1893—1911.
- Рашид-ад-дин.* Сборник летописей, т. I. М.-Л., 1952.
- Севортян Э. В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
- Турецко-русский словарь. М., 1975.
- Федотов М. Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, I, 1980; II, 1983.
- Чувашско-русский словарь. Под ред. М. Я. Сироткина. М., 1961.
- Baskakov N. A.* Über die Herkunft des ethnonym «Baškir».—Tractata Altaica (Festschrift). Denis Sinor sexagenario... dedicata. Wiesbaden, 1976.
- Bazin L.* Notes sur les mots *oguz* et *türk*. Oriens, Vol. 6, N 2, 1953.
- Bosworth C. E.* and Sir Gerard Clauson. Al-Xwārazmī on the Peoples of Central Asia.—Journal of Royal Asiatic Society, April, 1965.
- Czegledy K.* Bemerkungen zur Geschichte der Chazaren.—Acta Orientalia, XIII, Budapest, 1961.
- Czegledy K.* A nomád népek vándorlása napkelettől napnyugatig.

- (The Migrations of nomadic peoples from East to West). Budapest, 1969.
- Dabrowski K., Nagrodzka-Majchrzyk T., Tryjarski E., Hunowie europejscy, protobulgarcy, chazarowie, pieczynegowie. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975.
- Deorfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen, III. Wiesbaden, 1967.
- Golden P. B., Khazar Studies, I—II. Budapest, 1980.
- Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter der ungarischen Sprache. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXX. Helsinki, 1912.
- Gombocz Z. Über den Volksnamen bessenyö, Turan, N 4. Budapest, 1918.
- Jyrkänkallio P. Zur Ethymologie von russ. tolmač 'Dolmetscher' und seine türkischen Quelle.— Studia Orientalia, XVII, Helsinki, 1952.
- Ligeti L. Die Herkunft des Volksnamen kirgis. Körösi Csoma Archivum, Vol. I. Leiden, 1967.
- Maenchen-Helfen O. The language of the Huns.— Труды 25 Международного Конгресса востоковедов, т. III. Москва, 1963.
- Marquart J. Über das Volkstum der Komanen. Abhang. der Königl. Gesellschaft der Wissensch. zu Göttingen, Phil.—Hist. Kl., Neue Folge, XIII, 1914.
- Moor F. Die Bewegungen der Ungarn in den Quellen des IX und X Jahrhundert.— Ural-Altaiischer Jahrbücher, 1959.
- Moravcsik Gy. Zur Geschichte der Onoguren.— Ungarische Jahrbücher, X, 1930.
- Munkaczi B. Ethnographia, VI. Budapest, 1945.
- Németh Gy. A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest, 1930.
- Németh Gy. A hunok nyelve in Attila és hunjai. Budapest, 1940.
- Németh J. Zur Geschichte des Worts tolmač 'Dolmetscher'.— Acta Orientalia Hungarica, t. VIII, Fasc. I, Budapest, 1958.
- Németh Gy. A baskir földi magyar őshazáról. Élet és Tudomány, 13, Budapest, 1966.
- Patkanov S. Über das Volk der Sabiren. Keleti Szemle, I, Budapest, 1900.
- Pelliot P. Sur le legende d'Oguz-khan en ecriture ouigoure. T'oung-Pao, XXVII, N 4—5. 1930.
- Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949.
- Pritsak O. Yowar und Kabar ~ Kawar.— Ural-Altaiische Jahrbücher, XXXVI, 1965.
- Sinor D. Oguz kagan destanı üzerinde bazı mülahazalar.— İstanbul üniversitesi, Edebiyat Fakültesi. Türk Dil ve Edebiyat Dergisi, C. IV, İstanbul, 1950.

**Ордена «Знак Почета» Научно-исследовательский
институт языка, литературы, истории и экономики при
Совете Министров Чувашской АССР**

**Этимологические исследования
по чувашскому языку**

Сборник статей

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Н. И. Егоров.</i> Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. III. Старший брат	3
<i>Ю. Дмитриева.</i> К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке. II	33
<i>Л. П. Петров.</i> К этимологии чувашских орнитонимов, III	55
<i>В. И. Сергеев.</i> Термины древнечувашской мифологии и демонологии II	86
<i>Н. А. Баскаков.</i> Этнонимы древних тюрков Восточной Европы и чувашский язык	102

Редактор *И. П. Павлов*
Технический редактор *В. А. Немцова*
Корректор *В. А. Андреева*

Сдано в набор 3.05.84. Подписано к печати 30.12.84. НТ 34095 Бумага типографская № 2. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура литературная. Печать высокая. Физ. печ. л. 3,5. Учетно-изд. л. 6,4. Заказ № 1874. Тираж 600 экз. Цена 60 коп.

Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР
428015, Чебоксары, Московский проспект, 29, корпус 1.

Типография № 1. Государственного Комитета Чувашской АССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
429019, Чебоксары, Канашское шоссе, 15.